

Юрий Левинг

Поэзия

в мертвой петле

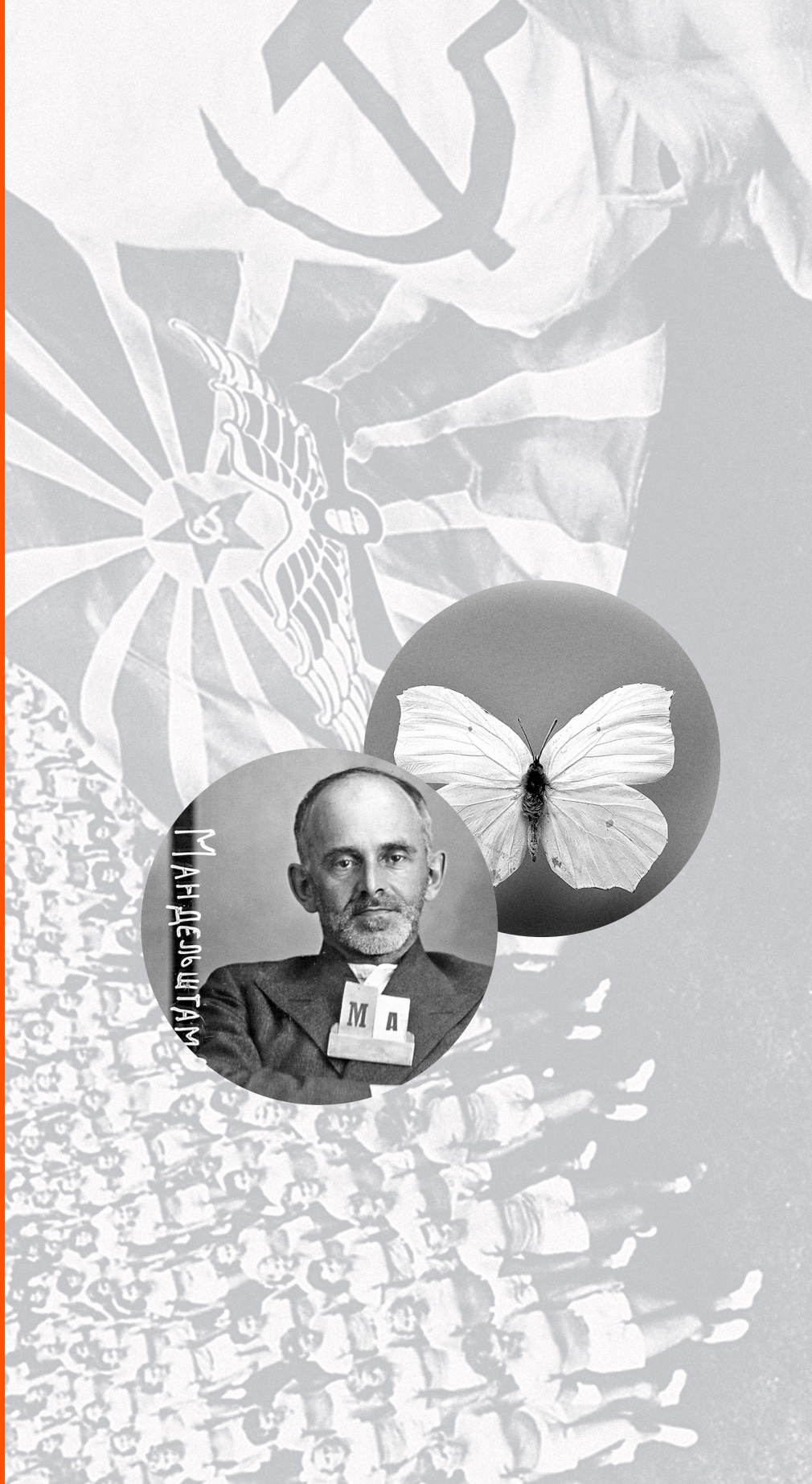
/ МАНДЕЛЬШТАМ И АВИАЦИЯ /

В мертвой петле

Поэзия

Юрий Левинг

/ МАНДЕЛЬШТАМ И АВИАЦИЯ /

...Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать...

«Стихи о неизвестном солдате» (1937)

Поэзия *в мертвой* петле

Юрий Левинг

Поэзия *В ИСРЛВОН* петле

/ МАНДЕЛЬШТАМ И АВИАЦИЯ /

БОСЛЕН

МОСКВА

УДК 82
ББК 83
Л36

Рецензенты: А.Б. Блюмбаум, к. ф. н. (Европейский университет в Санкт-Петербурге),
Ф.Х. Уайт, PhD (Университет долины Юты, США)

Работа выполнена при поддержке Университета Дальхаузи (Dalhousie University)
и Aleksanteri Institute (University of Helsinki)

Левинг Ю.

Поэзия в мертвой петле (Мандельштам и авиация) / Юрий Левинг. —
М. : Бослен, 2021. — 224 с. : ил.

ISBN 978-5-91187-366-0

Книга Юрия Левинга содержит детальный разбор стихотворения Осипа Мандельштама «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935–1936). На материале архивных документов, биографических свидетельств и публикаций в советской периодике автор скрупулезно восстанавливает исторический контекст и многочисленные поэтические реминисценции этого непрозрачного стихотворения позднего Мандельштама. Автор, являясь экспертом по поэтике русского урбанизма, помещает стихотворение Мандельштама о гибели летчиков-испытателей в широкий историко-культурный и биографический контекст. Во второй части книги авиационная тема в поэзии рассмотрена на примерах современников поэта: проанализированы эротические подтексты двух советских авиационных антологий — «Лёт» (1923) и «Сталинские соколы» (1939). Издание иллюстрировано.

Книга приурочена к 130-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама.

УДК 82
ББК 83

Иллюстрации из открытых источников публикуются в соответствии со статьей 1274 Гражданского кодекса РФ «Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях»

ISBN 978-5-91187-366-0

© Ю. Левинг, 2021
© Б.В. Трофимов, дизайн, 2021
© Издательство «Бослен», 2021

Элле Левинг,
к 25-летию совместного полета

Содержание

От автора >9

«Стихи для него, как управлять аэропланом...»
(НЕСКОЛЬКО СЛОВ НА ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЕ) >10

Хроника: О.Э. Мандельштам в 1933–1936 годы >29

Часть 1 >44

«НЕ МУЧНИСТОЙ БАБОЧКОЮ БЕЛОЙ...» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА:
ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ >48

Текст >49

Сюжет >50

Датировка, разночтения >53

История создания текста >64

Двойчатка >66

«Работа в жестких небесах»: воронежские летчики
и газета «Коммуна» >74

Проблема посвящения >77

В поисках концовки >83

Подтексты и комментарии >90

Часть 2 >146

ЛАТЕНТНЫЙ ЭРОС И НЕБЕСНЫЙ СТАЛИН:
О ДВУХ АНТОЛОГИЯХ СОВЕТСКОЙ «АВИАЦИОННОЙ» ПОЭЗИИ >148

АНТОЛОГИЯ «ЛЁТ» (1923) >152

АНТОЛОГИЯ «СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ» (1939) >164

«ВЗГЛЯД СВЕРХУ». КОМПРОМЕТАЦИЯ
СОВЕТСКОЙ МЕТАФИЗИКИ >178

Примечания >186

Именной указатель >218

Summary >221

Об авторе >223

От автора.

Компактная книжка оказалась своего рода долго-стремом: я подступался к мандельштамовскому сюжету еще в начале 2000-х, параллельно разработке «авиационной» темы в книге о поэтике русского урбанизма, но всякий раз откладывал, не будучи уверенным в том, что, как гласит модная фраза, мне удалось этот «гештальт закрыть». Взыскательные коллеги-филологи и историки-краеведы, вероятно, дополнят собранные в книге материалы новыми сведениями, в том числе по части воронежских реалий 1930-х годов в период ссылки Осипа Мандельштама, — и когда-нибудь прояснят главную загадку, вокруг которой строится фабула исследования: состоялись ли похороны летчиков, и если да, то чьи именно тела пронесла траурная процессия под окнами поэта предположительно в 1935 году? Как заметила (наученная крутым жизненным маршрутом быть в меру циничной) Надежда Яковлевна Мандельштам в главке воспоминаний под техническим названием «Приводные ремни», «чудо — вещь двухступенчатая». Хотя чуда так и не произошло, и к разгадке намеченного вопроса я приблизился только пунктирно: то, что первоначально задумывалось как небольшая статья, в результате обросло некоторым количеством находок и соображений, которыми я все же рискнул поделиться с читателем.

Объем посвященных позднему Мандельштаму литературоведческих исследований, а также разнообразных биографических и исторических документов достаточно велик, впрочем, каждое новое изыскание выполняет функцию дополнительного звена в комментарии-позвоночнике (используем магистральную для стихов Мандельштама метафору), распрямляющем смысл поэтического текста. Сам же факт продолжающейся коллективной комментаторской работы доказывает, что, невзирая на пресловутую «смерть автора», дело его продолжает жить.

Основные тезисы публикации мне довелось обсуждать с покойным Омри Роненом, а раннюю сокращенную версию (на английском языке) подать в качестве курсовой на аспирантском семинаре по русской поэзии у А.К. Жолковского в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе почти два десятка лет назад. Годы спустя фрагменты книги прочитал Лазарь Флейшман, а всю рукопись первой части целиком — Роман Тименчик, Георгий Левинтон, Михаил Безродный и Евгений Сошкин. У них я в неоплатном долгу за заметки на полях, за щедро высказанные дополнения, за сомнения и возражения — и, не в последнюю очередь, как говорит Роман Давыдович Тименчик, за маргиналии из разряда «вот подумалось» и «*aparté*».

Благодаря благожелательной заинтересованности Андрея Россомахина проект обрел уютный дом в виде московского издательства «Бослен».

Галифакс, Новая Шотландия

Июнь 2020

«СТИХИ ДЛЯ НЕГО, КАК УПРАВЛЯТЬ АЭРОПЛАНОМ...»

/ НЕСКОЛЬКО СЛОВ НА ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЕ /

...Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать...

«Стихи о неизвестном солдате» (1937)

1. Правила продажи билетов

Предварительные слова необязательны, как багаж для короткого перелета. Цель преамбулы — с одной стороны, кратко набросать историко-литературный и биографический контекст, в котором оказался поэт Осип Мандельштам за несколько лет до своей трагической смерти в сталинском ГУЛАГе, а с другой — задать рамку, соответствующую авиационному топосу всего последующего повествования.

Книга разворачивается по определенной траектории (есть соблазн назвать ее в пандан заголовку — «мертвой петлей», хотя бы в том смысле, что мы опишем логический круг). Первая часть после общих слов во введении должна резко перенастроить читательскую оптику: от панорамирования мы перейдем к деталям, сфокусировавшись на коротком, но темном по смыслу тексте Осипа Мандельштама. Во второй части читателю будет предложено вновь масштабировать картинку с тем, чтобы экстраполировать полученные выводы на полтора десятилетия бытования «сталинских соколов» в русской лирике, в отрезке, обозначенном выходом в свет двух тематических поэтических антологий.

2. Открытые механизмы

Способ сочинения Мандельштамом стихов сразу несколькими сторонними наблюдателями описывался независимо друг от друга в терминах, близких к техническим. Его поэтическое сознание в процессе творчества сравнивали с работающим мотором.

Изобразив созидательную механику Мандельштама как своего рода функцию двигателя внутреннего сгорания («Стихписание — тяжелый изнурительный труд, требующий огромного внутреннего напряжения и сосредоточенности»), важно понять: куда была направлена преобразованная энергия? Вынося за скобки собственно стихи, можно предположить, что она тратилась Мандельштамом на преодоление *сопротивления среды* — как на борьбу с инерцией тоталитарного новояза, так и в какой-то мере на сознательное торможение самим автором восприятия окружающими его поэтики, чуждой эстетике соцреализма. В стихах воронежского периода это семантическое «затушевывание» достигается путем намеренного усложнения образного строя стиха.

Вынесенная в заголовок предисловия усеченная цитата — из свидетельства Эммы Герштейн: мемуаристка приводит случай, когда публика в санатории попросила Мандельштама почитать свои стихи. В ответ поэт ядовито обратился к человеку в форме летчика:

«А если я *попрошу вас сейчас полетать*, как вы к этому отнесетесь?» Все были ошарашены. Тут он стал раздраженно объяснять, что стихи существуют не для развлечения, что писать и даже читать *стихи для него такая же работа, как для его собеседника управлять аэропланом*².

В похожей тональности высказался близкий современник: «...дико работает Мандельштам». Я такого не видел в жизни. <...> Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом — это то же) поэзии. <...> Больше нет человека — есть Микель Анджело» (20 апреля 1935 года³). Характеристика касалась работы Мандельштама над стихами «Первой воронежской тетради», завершившейся стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...», в котором пересеклись со стереоскопическим эффектом многие из линий, обозначивших контуры разных типов резистентности — неприятие советскими институциями (в первую очередь литературными, в лице писательских организаций и печатных органов⁴) его новаторских поэтических практик и, в равной степени, встречный отказ поэта-отщепенца подчиниться и раствориться в чужой материальной среде, в которую его загнал советский строй.

Знавшие Мандельштама недостаточно близко воспринимали его демарши упрощенно — наподобие демонстрации антикварного автомата: для них он был человек «со странностями», забавная игрушка-механизм. Я. Рогинский описывал совместное с Мандельштамами посещение концерта в Воронеже летом 1935 года: «Все уже расселись, когда вдруг Мандельштам встал и начал аплодировать, широко отводя негнущиеся руки и также сводя их обратно на манер Буратино». Покосясь на удивленного спутника и, видимо, почувствовав его замешательство, Мандельштам объяснил: «Знаете, почти в каждом городе есть концертный сумасшедший. Здесь в Воронеже — это я»⁵. Нельзя, по-видимому, полностью игнорировать

особенности психического состояния Мандельштама воронежского периода, но, судя по этой реакции на реакцию, он не только рефлексировал по поводу своего образа в глазах современников, но и иронизировал (если не культивировал) свою стилистическую несовместимость с моделями публичного поведения, ожидавшимися обществом от вменяемого советского гражданина. «Я не Хлебников... я Кюхельбекер, — комическая сейчас, а может быть и всегда, фигура» (11 июня 1935 г.⁶).

При очевидном самоумалении своей гражданской роли Мандельштам никогда не сомневался в значительности собственного вклада в современную русскую литературу, о чем с предельной откровенностью заявил лучшему ее знатоку своего времени: «Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, *наплываю на русскую поэзию*»⁷. Использованный глагол подразумевает еще одну разновидность механизма — плавсредство, реализованную метафору корабля с грузом написанных стихов, в котором Мандельштам самому себе отводит роль рулевого. Признание переключается с написанным немного ранее, в июне 1935 года: «Поэт, забывший о глаголе, все равно что летчик или шофер, заснувший у руля. Сложные технические процессы, то и дело упоминаемые поэтами, слиты с душевными переживаниями — будь то сознание исторической ответственности, величия работы, радость напряжения творческих сил...»⁸

3. Земля — небо

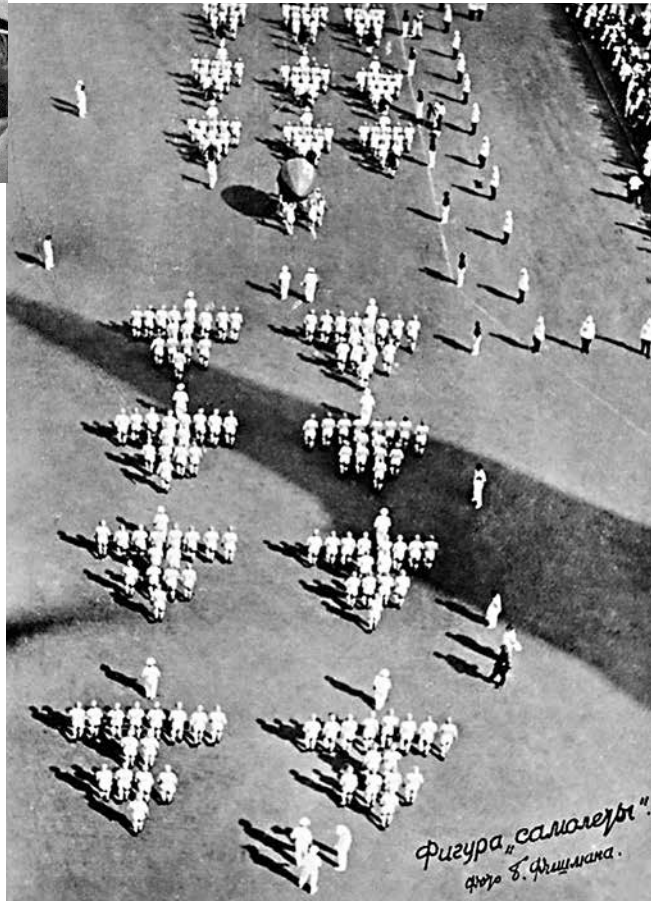
В мемуарах Н.Я. Мандельштам утверждала, что в начале 1920-х годов она тайком от мужа ускользнула на аэродром: поднявшись на учебной машине в воздух, «покружилась» и узнала, что такое «мертвая петля». Человек, который устроил ей полет, вскоре разбился «где-то над Кавказским хребтом»⁹. Вряд ли под петлей Надежда Яковлевна все же имела в виду петлю Нестерова, однако, вне сомнений, эту классическую фигуру описывает Мандельштам в «Путешествии в Армению»: в разговорах «об авиации, о мертвых петлях, когда не замечаешь, что тебя опрокинули, и земля, как огромный коричневый потолок, рушится тебе на голову». Основываясь на свидетельстве Эммы Герштейн, Б. Фрезинский полагает, что упоминание о мертвых петлях возникло «по горячим следам рассказа Лапина»¹⁰ в 1931 году: Герштейн «была в Старосадском, когда к Мандельштаму прибежал Борис Лапин. Он только что летал на самолете и делал мертвую петлю — тогда были такие сеансы под Москвой. Он удивительно точно и интересно описал, как менялось зрительное соотношение между небом, землей и аэропланом, показывал, как надвигалась на него земля. Тут Осип Эмильевич прочел ему свою “Канцону”»¹¹ (Мандельштам тогда жил у брата на Старосадском и писал «Путешествие...»).
О новых рекордах и темпах развития воздухоплавания регулярно докладывала пресса, а успехи авиапрома в известном смысле стали восприниматься вехами, эквивалентными воплощению генеральной линии

Физкультурный парад.
Спортивная колонна.
Москва. 12 августа 1945.
Фото А. Шайхета.
(Собрание МАММ/МДФ)

Агитсамолет П-5
«Красный балкарец».
Тушино. 1935

Красная площадь,
парад физкультурников.
Фигура «Самолеты». 1935.
Фото Б. Фишмана

Фигура «Самолеты»
фото Б. Фишмана.

Процесса пехота познаний
Восклицательные фигуры на полях
И земных тысяч орудий -

Участники курсов
Осоавиахима наблюдают
за пролетающим
дирижаблем. 1930-е
В полете. Иван Шагин. 1936
(Собрание МАММ/МДФ)

Фрагмент рукописи
стихотворения «Не мучистой
бабочкою белой...» 1935–1936

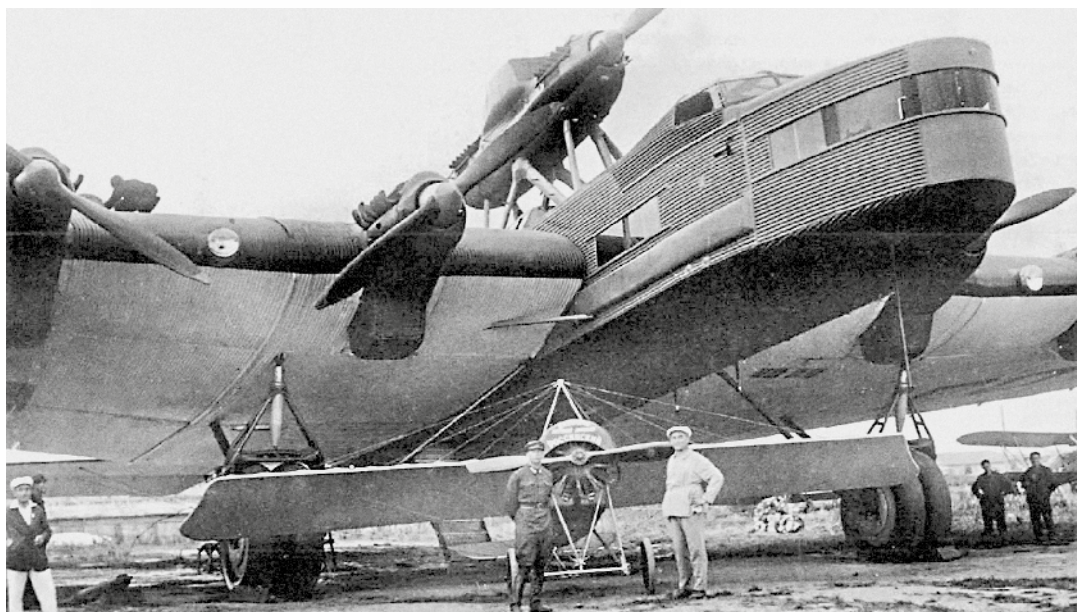
Осип Эмилевич
Мандельштам. Фотопортрет
работы Н.Г. Колли. Воронеж. 1935

Прыжок Любы Берлин
из самолета «Правда» на
празднике авиации в Тушине.
18 августа 1935. (Собрание МАММ/
МДФ). Сбор средств на создание
агитэскадрильи имени Максима
Горького начался в октябре
1932 года по инициативе журнала
«Огонек» в честь 40-летнего
юбилея творческой деятельности
Горького

Дирижабль «Правда».
Почтовая марка. 1934

Самолет АНТ-20 «Максим
Горький» перед взлетом.
1934–1935

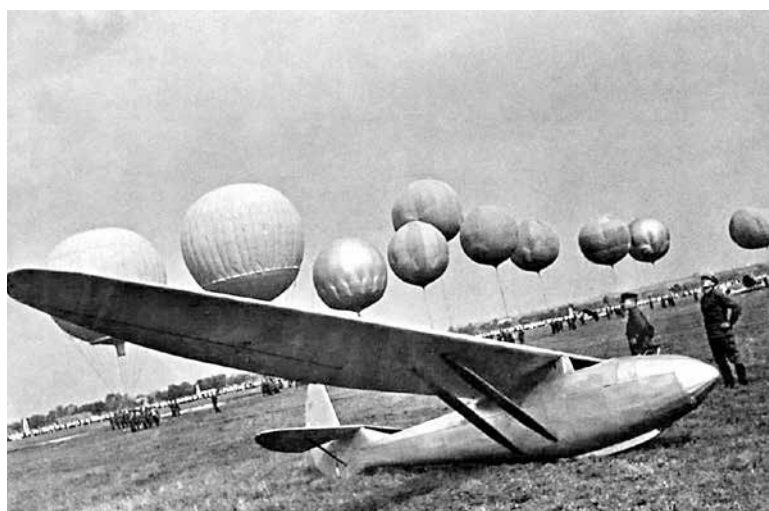

Аттракцион на территории
«Летающие люди» ЦПКИО
им. М. Горького. 1937

Рекордный планер Г-9
конструкции Грибовского.
Авиационный праздник в Тушине.
18 августа 1935

29 сентября 1932 года
воздушный поезд в составе
самолета У-2, пилотируемого
Грибовским, и планера Г-9,
пилотируемого Степанчиком,

поднялся с Тушинского аэродрома
и вскоре прибыл в Крым. Этот
первый дальний перелет своим
благополучным завершением
полностью подтвердил
возможность использования
буксируемых планеров
для транспортных перевозок

Физкультурники
ЦАГИ с моделями будущих
самолетов-гигантов. Красная
площадь, 15 июля 1935.
Фото М. Маркова-Гринберга

Аттракцион на территории
ЦПКИО им. М. Горького. 1930-е

Афиша аттракциона
«Летающие люди»

САД ГОСНАРДОМА
Парк им. Ленина, 4 Телефон В. 482-51

Управление Культурно-просветительных Предприятий
Исполкома Ленинграда

ЛЕТАЮЩИЕ ЛЮДИ

- ТЫ ТАКИХ ЛЮДЕЙ ВИДАЛ?
- САМ ВИДАЛ И САМ ЛЕТАЛ.
- ГДЕ?
- У ГРАЖДАН НА ВИДУ

В ГОСНАРДОМОВСКОМ САДУ

ЛЕТАЮЩИЕ ЛЮДИ и другие аттракционы Сада Госнардома работают ежедневно с 12 час. дня

М 58141 Падение Сада Госнардома Телефон: 100-100 ул. Дворжковского, 34 и 37 Район 1-й А. Л. Завод 3128 Тираж 1000

Герои воздуха

ИЗДАНИЕ
С/А.З. ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО
ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА

ТАШКЕНТ 1934

Производственная
практика узбекского звена школы
летчиков. Репродукция в книге
«Герои воздуха» (Ташкент,
1934) с подписью: «Куются
национальные кадры летчиков»

Обложка сборника «Герои
воздуха» (Ташкент, 1934),
посвященного подвигам советских
летчиков

партии и ее программы. Постановлением Совета народных комиссаров от 28 апреля 1933 года в честь достижений ученых, конструкторов, летного и технического состава ВВС РККА был установлен праздник — День Воздушного Флота СССР (отмечался ежегодно 18 августа). Авиация заняла привилегированное место в коллективном сознании советских людей как авангард и гарант военной мощи молодой Страны Советов¹².

Центральная и местная воронежская пресса в 1934–1936 годах была насыщена материалами на авиационную тематику. Надежда Яковлевна рассказывала об обыкновении мужа просматривать газеты и о его способности читать «между строчек»¹³. Новости, черпавшиеся Мандельштамом-читателем из официальной прессы и радио, принимали в его поэтическом мире художественные мотивировки; еще в начале 1920-х годов пристально следивший за развитием современной авиации¹⁴ Мандельштам внес свою лепту в сборник «Лёт» (1923).

Апокалиптические настроения акмеистов и символистов были усвоены политическим дискурсом сталинской эпохи, искавшей риторические приемы выразительности в том числе и в словаре дореволюционной русской поэзии. В статье «Черная молния», посвященной катастрофе самолета «Максим Горький», Бухарин подстегивал читательское воображение: «Громадина организованного вещества, чудо современной техники... распавшись в воздухе, рухнула, как груда дерева и металла. Живые люди — энергичные, смелые, талантливые — превратились в кровавую кашу из костей и мяса. Какая трагическая гибель!»¹⁵ В августовские дни 1935 года, зафиксированные Рудаковым как период работы Мандельштама над НМББ, другой автор также не скупился на драматическое напряжение¹⁶, когда описывал в газетной колонке гибель известных американских пилотов В. Поста и В. Роджерса:

*Оба летчика были убиты мгновенно, тела их изувечены... Путь в будущее господство над воздушным пространством устлан телами храбрецов. Эти тела образуют мост для победного шествия человечества*¹⁷.

Тела, ковром устилающие путь шагающим в светлое будущее, напоминают футурологический хоррор из «Пшеницы человеческой» Мандельштама: «...эта пшеница человеческая жаждет быть размолотой, обращенной в муку, выпеченной в хлеб». В контексте молотильни слово «мука» в значении злаковых зерен приобретает оттенки страдания и истязаний («мучение»)¹⁸ — и вновь отсылает к начальной строке с «мучнистой бабочкой».

4. Испытание словом

Наталья Штемпель, описывая возбужденное состояние Мандельштама в пору знакомства с ним, рассказывает случай (конец 1936?), как он кинулся

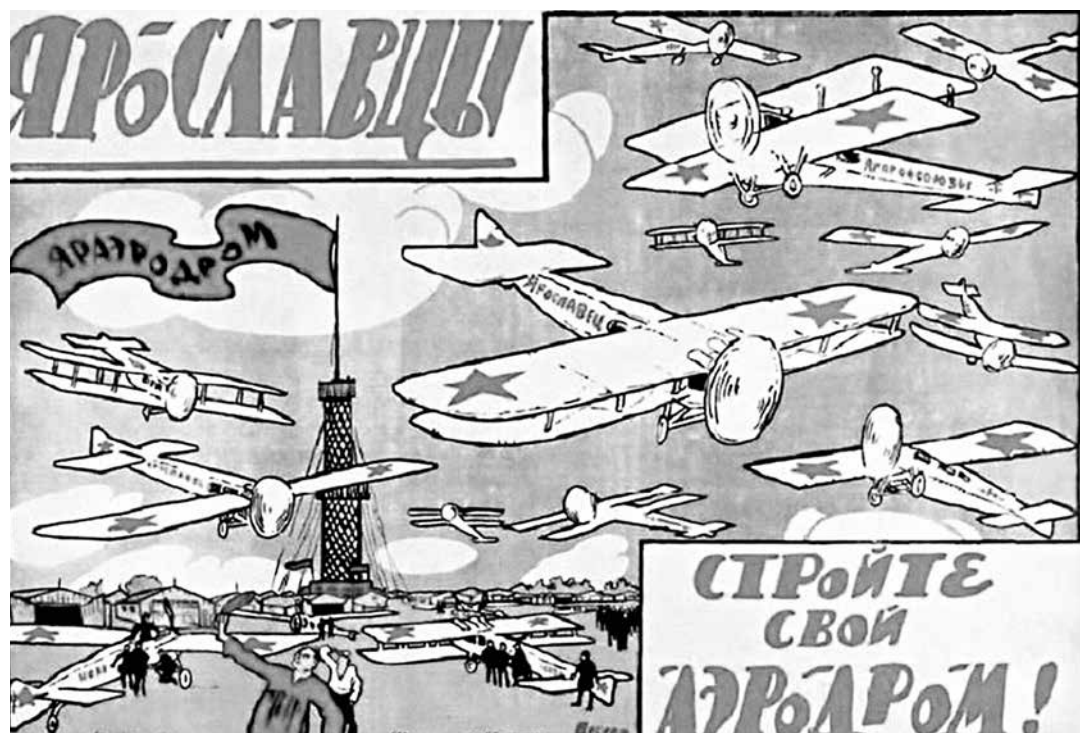
через дорогу от дома к городскому телефонному автомату, набрал какой-то номер, начал читать стихи и затем гневно закричал в трубку: «Нет, слушайте, мне больше некому читать!» Сопровождавшая его Штемпель стояла рядом, ничего не понимая. Оказалось, Мандельштам читал свои стихи следователю НКВД, к которому был прикреплен на время ссылки¹⁹. Это принуждение власти к испытанию словом интригует, пугает и завораживает одновременно. В Воронеже Мандельштам сказал Ахматовой, что раз за поэзию убивают — значит ее боятся, значит она власть.

Трижды (с апреля по июль 1935, с декабря 1936 по февраль 1937 и с марта по май 1937 годов) Мандельштама «накрывало здесь волной невероятного творческого прилива, а когда волна уходила, то “на берегу” всякий раз оставалась стопка листов с новыми стихами»²⁰. Несколько близких к поэту людей были «захвачены в орбиту внутренней напряженной жизни Осипа Эмильевича и жили им, его стихами»²¹. Парадоксальным и самоубийственным образом в эту орбиту Мандельштам вовлекал и власть — от верховных представителей (Бухарина и, имплицитно, самого Сталина, за что поэт поплатился арестом 1934 года, приведшим к ссылке в Чердынь) до винтиков в ее фундаменте. Он расшатывал советскую полицейскую систему силой слова. Стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...», написанное в ноябре 1933 года, стоит в его поэзии само по себе, являясь, по определению Л. Видгофа, «чем-то совершенно особенным по лапидарной образной мощи, по неприкрытой ярости, по целенаправленной демонстративной оскорбительности»²².

5. Воронеж — нож

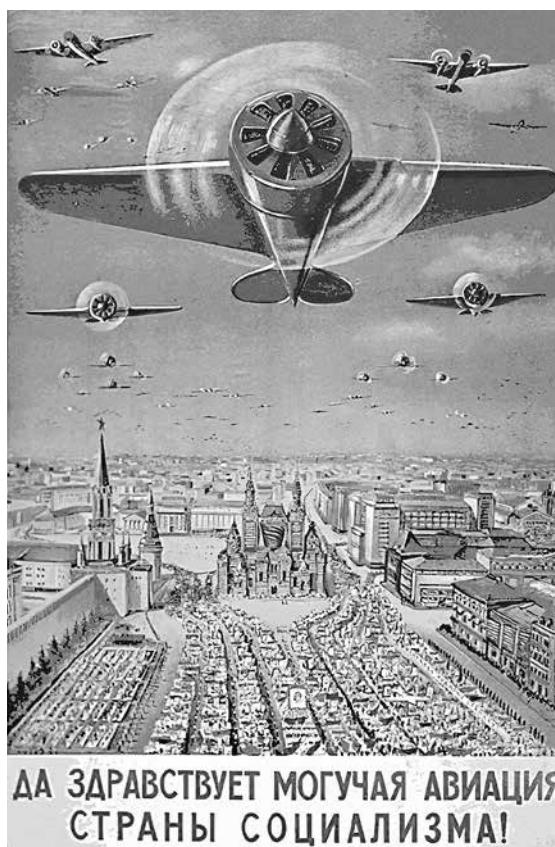
Воронежский период жизни Осипа Мандельштама оказался одним из наиболее продуктивных в его творческой биографии — и он же совпал с личным кризисом идеологической идентификации, а затем, казалось, наметившимся из него выходом.

На новом месте Мандельштам сотрудничал с драматическим театром и радиокомитетом, встречался с писателями и литературной молодежью, выписывал книги в местной университетской библиотеке, выезжал в провинцию. Штемпель вспоминает посещения Музея изобразительных искусств с Мандельштамом, где его больше всего интересовал зал западноевропейской живописи, экспозиция которого включала маленькую картину Дюрера²³. Концерт скрипачки Галины Бариновой (апрель 1935) заставил Мандельштама вернуться к поэзии после затяжного молчания стихотворением «За Паганини длиннопалым...» (начало «Первой воронежской тетради»), а арест флейтиста областного симфонического оркестра К.К. Шваба, устраивавшего для Мандельштамов маленькие домашние представления, подтолкнул к созданию стихотворения «Флейты греческой тэта и йота...» (апрель 1937)²⁴. На первом этаже здания кинотеатра «Пролетарий» (по следам походов туда были написаны стихи и кинокритики)

Ф. Весели. Ярославцы, стройте свой аэродром! Плакат. 1924. Реклама строительства местного аэродрома

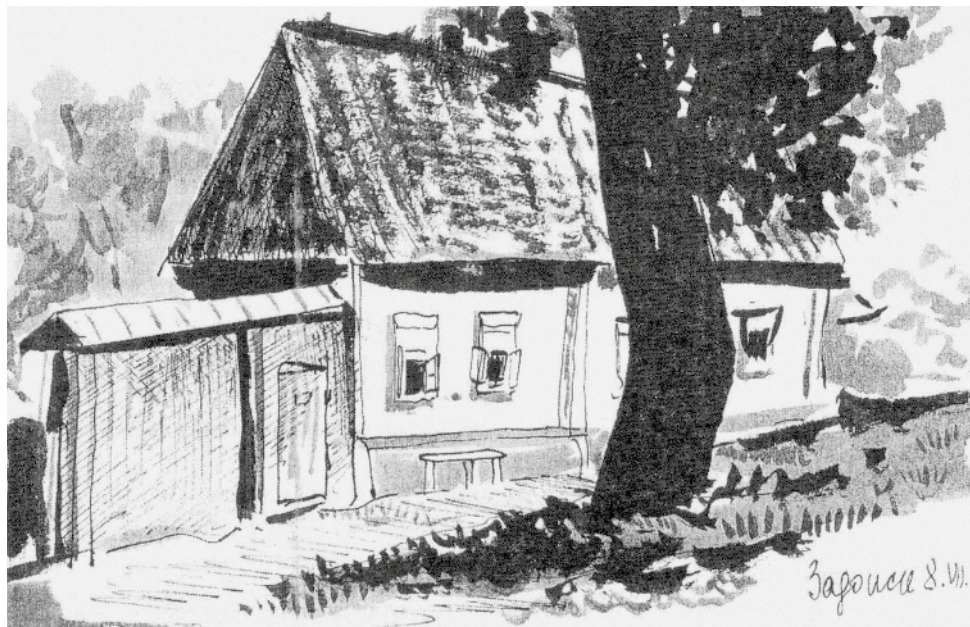
В. Добровольский. Да здравствует могучая авиация страны социализма! Плакат. 1939. Бесчисленные эскадрильи истребителей и бомбардировщиков в небе рифмуются с людским морем праздничных демонстрантов на земле. Конфигурация центрального самолета фантастична, как и его окраска, — но красный цвет тотален в визуальной пропаганде эпохи

С. Рудаков. Портрет Анны
Ахматовой, нарисованный
с натуры. Воронеж. 1936

С. Рудаков. «Дом Осипа
Мандельштама — крайние
два окна. Рисовано дома
по карандашному наброску
с натуры». Рисунок сделан
в Задонске, где отдыхали
Мандельштамы. 8 июля 1936

Сергей Борисович Рудаков.
Фотопортрет. 1930-е

располагался один из четырех воронежских книжных магазинов, в которые ходил Мандельштам.

Еще о *сопротивлении материалов*. В стихах воронежского периода — это преодоление самого «жесткого воздуха» современности, попытка деформации Мандельштамом собственного мировоззрения, которое он попытается уложить в прокрустово ложе советской идеологии.

Допуская насилие над собой, Мандельштам не щадил и читательское сознание: стихи его к середине 1930-х становятся все более герметичными по смыслу, головокружительно сложными для неподготовленного исторического читателя. Может показаться, что экспериментальная задача Мандельштама-поэта на пике его литературной эволюции — ввести читателя в подобие интеллектуального ступора (или штопора), а затем выполнить «мертвую петлю» и вернуться в исходное положение, восстановив баланс сил между поэзией и действительностью. Касаясь темы «смерти в воздухе» в «Стихах о неизвестном солдате», Н.Я. Мандельштам допустила: «Чтобы осуществилось то, что предвидел Мандельштам, нужна не только воля к убийству, но и воля к гибели, тяга к концу, к воздушной яме...»²⁵

6. Свидетели

Когда работа над «Не мучнистой бабочкою белой...» была закончена, Мандельштам еще не успел познакомиться с Натальей Штемпель, поэтому основной корпус свидетельств о поэтическом труде Мандельштама, относящийся к истории создания данного текста, мы черпаем из корреспонденции Сергея Борисовича Рудакова. Без зеркальной половины воспоминаний Штемпель понимание воронежского периода жизни поэта было бы неполным — и, несмотря на противоречивость этих двух источников, их полифоническое «соседство и спор» порождают напряжение и конфликт, соответствуя духу самого Мандельштама²⁶. Мандельштам читал стихотворение на смерть летчиков, написанное до их встречи, Наталье Штемпель среди других новых текстов, сложившихся в воронежской ссылке:

Я слышала стихотворение «Нет, не мигрень, но подай карандаш ментоловый...» от Мандельштама в двух разных вариантах.

Осип Эмильевич мне говорил, что оно связано *со стихотворением на смерть летчиков* и написано вместе с ним в Воронеже, когда он жил на проспекте Революции рядом с газетой «Коммуна».

Мандельштам рассказывал, что он тогда же читал его ночью типографским наборщикам. Он считал, что это стихотворение предвестник «Неизвестного солдата», и в этой связи он мне его прочел зимой или весной 1937 года²⁷.

В отличие от тонкой и благодарной слушательницы Штемпель, Рудаков был вдобавок профессионалом: учеником формалистов, внимательным

читателем Шкловского и последователем идей Тынянова, с которым связывал свои научные планы. Наблюдая за творчеством Мандельштама, записывая комментарии к его стихам и дискутируя с автором, ссыльный филолог рассматривал процесс «как фактологическую подготовку концептуального историко-литературного построения» в русле тыняновского подхода изучения литературной эволюции²⁸. В силу трагических биографических обстоятельств замыслу этому было не суждено сбыться (Рудаков погиб в 1944 г.), но исследователи сходятся в мнении, что при всей склонности к преувеличению собственной роли и влияния на Мандельштама в ссылке, оказавшись силой обстоятельств рядом с ним во время создания «Первой воронежской тетради», Рудаков, несомненно, «занял место столь необходимого поэту в такие моменты слушателя, советчика и критика»²⁹. Без Рудакова многие опорные точки в творческой и текстологической истории «Не мучнистой бабочкою белой...» остались бы невыясненными; наличие и фиксация авторской воли и выбора Мандельштамом того или иного варианта делает этот текст столь интересным предметом для филологического анализа даже на фоне остальных стихотворений воронежского цикла.

7. Небо — земля

После смерти Рудакова гумилевский архив оказался в руках его вдовы Лины (Полины) Самойловны (Самуиловны) Финкельштейн (1906–1977), адресата писем воронежского периода, послуживших наряду с мемуарами Н. Штемпель источником подробных сведений о быте и творчестве Мандельштама в ссылке³⁰.

За исключением тех периодов, когда Л.С. Финкельштейн приезжала к мужу в Воронеж, Рудаков писал ей ежедневно — нередко дважды в день (утром и вечером). 6 августа 1935 г. Рудаков отчитался Финкельштейн о том, что Мандельштам «[с]ейчас (только что)... докончил мучившие его строки “Летчиков”. [Забегая вперед, отметим, что это еще не было финалом работы над «Не мучнистой бабочкою белой...».] Веселый бегаёт по комнате, подпрыгивает, машет руками, говоря, что боль сломанной руки прошла, т. к. рука только функция психики, а сейчас он доволен и спокоен»³¹. В том же письме автор выражает надежду, что через посредничество четы Мандельштамов ему удастся получить от Ахматовой доступ к архиву Гумилева («литературные разговоры уперлись в то, что они через А<нну> А<ндреювну> нажмут на вопрос пуска меня к материалам Гумилева. Боже, жить бы и работать!»). В корреспонденции с женой Рудаков систематически поднимал вопрос о необходимости будущей работы с гумилевскими рукописями (письма от 2 октября и 7 ноября); Гумилева он боготворил и в других своих посланиях характеризовал «совершенно неизмеримым гением» (17 ноября), «святым гением» (10 декабря). С Ахматовой в Воронеже Рудаков познакомился в начале февраля 1936 г., и, в итоге

завоевав доверие вдовы поэта в качестве обещающего литературоведа, получил на хранение заветные материалы.

Еще в 1910 году Гумилев в письме к Брюсову связал войну и достижения авиации («...аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична»³²). Интерес Рудакова к Гумилеву, который он постоянно демонстрировал осенью 1935 года, соблазнительно сопоставить с летчиками Мандельштама: остается только гадать, известно ли было в пору шлифовки «Не мучнистой бабочкою белой...» Рудакову и Мандельштаму что-либо о неоконченном гумилевском стихотворении об авиаторе Латаме (ср. у М. Кузмина: «Забудь ли мне полет Латама...», 1910). Из цитируемой Р.Д. Тименчиком копии в архиве П.Н. Лукницкого (оригинал наброска хранился у Ахматовой) мы знаем, что последний текст Гумилева носил рабочее название «Аэроплан»:

На безумном аэроплане
В звездных дебрях на трудные кручи
И в серебряном урагане
Станешь новой звездой падучей³³.

Французского авиатора Губерта Латама, по сообщению газет (7 сентября 1912 г.), во время охоты в Конго затоптал раненый буйвол.

Если 1930–1934 годы были для поэта временем внутреннего и внешнего отщепенства, то арест, ссылка в Чердынь, а потом в Воронеж, как полагает Ю.И. Левин, «многое поставили на свои места» и помогли Мандельштаму преодолеть чувство одиночества, покончив с «неустойчивостью», приобщив «к судьбе миллионов»³⁴. М.Л. Гаспаров также считал, что вокруг этого приятия разворачивается художественное пространство воронежских стихов Мандельштама, и если в московских его стихах предшествующего периода был детализирован урбанистический мир городской среды, то теперь проступают обобщенные контуры земли и неба: «Земля эта — местная, воронежская: Воронеж для поэта одновременно и место заточения, и место спасения через приобщение к земле... черноземное поле, рабочая земля, жирный пласт...»³⁵ Образы замурованных урн с пеплом мертвецов в кремлевской стене («Пластами боли поднят большевик») подпитывали представление о предсмертном удушье и последних секундах жизни летчиков в «жестких небесах» сопротивляющейся стихии. В переломный для своей личной судьбы и сталинской эпохи момент на развилке истории накануне Большого террора Мандельштам смотрит в небо, но сердцем готовится принять чернозем.

Фото [возможно, с элементами монтажа] из альбома «Красная армия» [Л., 1938].
Художники-оформители Александр Родченко и Варвара Степанова

/1933

1934

Хроника* :

О.Э. Мандельштам

в 1933–1936 годы

* Хроника событий из жизни поэта основана на сводной «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама», составленной П.М. Нерлером с учетом биографических исследований и архивных материалов. Цит. по: Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М., 2017. Т. 2. С. 20–25.

Осип Эмильевич
Мандельштам.
Фотопортрет работы
Н.Г. Колли. Воронеж.
1935

1935

1936

/1933

Политика

Инаугурация Франклина Делано Рузвельта, 32-го президента США.
Адольф Гитлер становится рейхсканцлером Германии.
Йозеф Геббельс назначен министром народного просвещения и пропаганды.
Япония выходит из Лиги Наций.
Нацисты организуют первые концентрационные лагеря.
На конференции в Лондоне представители СССР подписывают конвенцию, в которой сформулировано понятие международной агрессии.
Правительство США признает сталинский режим и ратифицирует торговые отношения с Советским Союзом.

Литература

Роман «Улисс» Джеймса Джойса постановлением суда разрешен к продаже в США.
Нацисты сжигают книги писателей еврейского происхождения.
Томас Манн вынужден бежать из Германии в Швейцарию, работает над романом «Иосиф и его братья».
Выходит английский перевод «Истории русской революции» Л.Д. Троцкого.
Роман Кнута Гамсуна «А жизнь идет».
Автобиографическая повесть Джорджа Оруэлла «Фунты лиха в Париже и Лондоне».
Умер писатель Джон Голсуорси.
Нобелевская премия по литературе присуждена И.А. Бунину.

Кино, музыка, искусство

На экраны выходят фильмы «Кинг-Конг» (реж. Мериан Купер) и «Завещание доктора Мабузе» (реж. Фриц Ланг).
После закрытия нацистами «Баухауса» В.В. Кандинский эмигрирует во Францию.
Покинувший родину в 1918 г. С.С. Прокофьев возвращается в СССР.
Сальвадор Дали пишет картину «Загадка Вильгельма Телля».

Вокруг света

Английские пилоты Дуглас-Гамильтон и Макинтайр пролетели над вершиной горы Эверест.

Малкольм Кэмпбелл развил на автомобиле скорость 272,46 мили в час.

Спущен на воду первый американский авианосец «Рейнджер».

Открытие Всемирной выставки в Чикаго.

Во Франции умер генерал Н.Н. Юденич.

Январь. В журнале «Литературный современник» опубликован анонс новой книги стихов О.М.

9 января. Возвращение из Переделкина. В квартире О.М. в это время жила Н.Н. Грин, вдова А.С. Грина.

31 января. Подписан договор с ГИХЛ на книгу «Избранное».

23 февраля. Состоялся вечер О.М. в ленинградской Капелле.

2 марта. Второй вечер О.М. в Ленинграде (в Доме печати). В программе: «Стихи из "Камня". Новые стихи. Московский цикл. Армения. Стихи о русской поэзии. Фрагменты из новой прозы». Отвечая на вечере на вопрос: «Вы тот самый Мандельштам, который был акмеистом?», О.М. ответил, что он «тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей, соратником своих соратников, современником Ахматовой».

14 марта. Вечер О.М. в Малой аудитории Политехнического музея в Москве. Вступительное слово произнес Б.М. Эйхенбаум.

16 марта. В газете «Вечерняя Москва» помещен отчет С.Г. Гехта о вечере в Политехническом музее.

3 апреля. В Московском клубе художников состоялся вечер «Осип Мандельштам у художников». В тот же день (или на следующий) арестован Б.С. Кузин.

5 апреля. Пишет письмо к М.С. Шагинян с просьбой помочь Б.С. Кузину.

10 апреля. О.М. и Н.М. присутствовали на концерте А.Ф. Гёдике в Консерватории.

Не ранее 11 апреля. Вместе с Н.М. и освобожденным из-под ареста Б.С. Кузиным едет в Старый Крым к Н.Н. Грин (О.М. и Н.М. собирались вернуться в Москву первоначально к 1-му, а позднее — к 17 июня).

Май. В журнале «Звезда» (1933, № 5) опубликовано «Путешествие в Армению», в журнале «Литературный критик» — статья В.Б. Шкловского «Путь к сетке», посвященная этой прозе.

4–6 мая. В Старом Крыму пишет ст-ние «Ариост» (впоследствии утерянное и восстановленное по памяти — в иной редакции — в июне 1935 года). Тогда же, по-видимому, написано и четверостишие «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...». Начало работы над «Разговором о Данте».

Середина мая. Написано ст-ние «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...».

Около 18–20 мая. Написано ст-ние «Старый Крым».

28 мая. Переезд в Коктебель. Встреча с Андреем Белым в доме отдыха писателей (О.М. и Андрей Белый в столовой сидят рядом); работает над «Разговором о Данте», читает его Андрею Белому и А.Б. Мариенгофу.

17 июня. «Литературная газета» печатает статью Н. Оружейникова «На полях журналов», «Литературная газета» печатает статью Н. Оружейникова «На полях журналов», в которой критик отмечает «опасность литературщины, формалистской подмены мастерства коллекционерством» в «Путешествии в Армению».

Июль–август. Работа над корректурой книжного варианта «Путешествия в Армению» (для «Издательства писателей в Ленинграде»).

Август. Получение ордера на двухкомнатную квартиру в Нащокинском пер. (ул. Фурманова), д. 5, кв. 34.

30 августа. Газета «Правда» публикует статью С.Д. Розенталя «Тени старого Петербурга», в которой о «Путешествии в Армению» О.М. говорится: «От образов Мандельштама пахнет старым, прелым, великодержавным шовинизмом... Старый петербургский поэт-акмеист О. Мандельштам прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении».

Сентябрь. Пребывание в Ленинграде; читает «Разговор о Данте» А.А. Ахматовой, В.М. Жирмунскому, Ю.Н. Тынянову, Б.К. Лившицу.

3 сентября. Пишет письмо в «Издательство писателей в Ленинграде» с просьбой вернуть отклоненную издательством рукопись «Разговора о Данте».

Октябрь. Переезд на новую кооперативную квартиру в Нащокинском пер.

Ноябрь. Написаны роковые ст-ния «Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...», а также примыкающие к ним «У нашей святой молодежи...» и «Татары, узбеки и ненцы...». Написаны или начаты ст-ния, вошедшие позже в цикл «Восьмистишия»: «Люблю появление ткани...» (закончено в январе 1934 года в Москве), «В игольчатых чумных бокалах...», «И я выхожу из пространства...» (два последних закончены в июле 1935 года в Воронеже) и «Когда, уничтожив набросок...», «О бабочка, о мусульманка...», «Скажи мне, чертежник пустыни...», «И клена зубчатая лапа...».

Не позднее 16 ноября. В новую квартиру к О.М. приезжает А.А. Ахматова.

Конец месяца. Болезнь Н.М.; приезд из Киева ее матери — В.Я. Хазиной.

Декабрь. О.М. приглашает отца переехать к нему. Начало работы над вольными переводами сонетов Петрарки.

/1934

Политика

Во Франции объявлена всеобщая забастовка.
Леопольд III восходит на трон в Бельгии.
Гитлер и Муссолини встречаются в Венеции.
Убит С. М. Киров.
Турецкий парламент присвоил Мустафе Кемалю, первому президенту Турецкой Республики, фамилию «Ататюрк» («отец турок»).
Образован НКВД СССР; Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) возглавил Г. Г. Ягода.

Литература

Роман Агаты Кристи «Убийство в "Восточном экспрессе"».
Роман Френсиса Скотта Фицджеральда «Ночь нежна».
Роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь».
В Москве проходит Первый съезд советских писателей.
Нобелевская премия по литературе присуждена Луиджи Пиранделло.

Кино, музыка, искусство

Премьера пьесы Жана Кокто «Адская машина».
Премьера оперы Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» в Малом ленинградском оперном театре (МАЛЕГОТ).
И. Ф. Стравинский сочиняет музыкальную драму «Персефона» в Париже.
Фильм «Чапаев» [реж. братья Васильевы].
Фильм «Веселые ребята» [реж. Г. Б. Александров].

Январь. В новой квартире поочередно гостят: отец О. М., Н. Н. Грин, Л. Н. Гумилев, А. А. Ахматова. Знакомство, короткая и безответная влюбленность в М. С. Петровых.

Не позднее 8 января. Завершает работу над сонетами Петрарки.

8 января. Смерть Андрея Белого.

10 января. Похороны его на Новодевичьем кладбище. О. М. пишет цикл ст-ний, посвященных памяти Андрея Белого.

Конец января. Заканчивает работу над «Восьмистишиями».

7 или 8 февраля. Навестил К. И. Чуковского в больнице, читал ему свои стихи.

13–14 февраля. Написано ст-ние «Мастерица виноватых взоров...», обращенное к М. С. Петровых.

17 февраля. В. Д. Бонч-Бруевич предложил О. М. продать свой архив в Литературный музей Наркомпроса.

16 марта. В Фондовой комиссии Литературного музея слушали предложение О. М. о приобретении рукописей из его архива, оцененных в 600 р. Было решено приобрести их за 500 р.

Около 20 или 21 марта. Телефонный разговор с В.Д. Бонч-Бруевичем. О.М. пишет два письма: одно — в Литературный музей с отказом от передачи туда своих рукописей и с доверенностью на имя жены на предмет получения этих рукописей назад согласно описи; другое — лично Бонч-Бруевичу, превратившему, по словам О.М., «покупку писательского архива... в карикатуру на посмертную оценку».

Середина апреля. Поездка с Н.М. в Ленинград.

15 апреля. Присутствует в Ленинграде на встрече востоковедов, отмечавших тысячелетний юбилей Фирдоуси и обсуждавших перевод «Шахнаме», выполненный М.Л. Лозинским. Из дневника Д.И. Выгодского: «Когда заговорил Мандельштам, он десятью словами перечеркнул и холодные слова ираниста, и стихи Лозинского... Заговорил один из глубочайших людей нашего времени, заговорил поэт, в котором тревога, для которого Фирдоуси целый мир, который он по-своему, своим миром ощущает, переживает, к которому у него есть <собственное> отношение... Мандельштам сразу поднял на сто градусов <температуру> всего того разговора, которого писател<и> уже не мог<ли> поддерживать».

Около 6 мая. В Ленинграде (в «Издательстве писателей») дал пощечину А.Н. Толстому.

13 мая. В.А. Меркурьева писала Е.Я. Архиппову: «Мандельшт<ам> неожиданно уехал в Л<ени>нгр<ад> “распутывать какую-то свою скверную историю”, в чем дело — не знаю. Говорят, Анна Андр<еевна> приедет в конце месяца — “проездом в Узкое”».

16 мая. У О.М. останавливается приехавшая в Москву А.А. Ахматова.

Ночь на 17 мая. Обыск и арест О.М. «Обыск продолжался всю ночь, искали стихи... Его увели в семь утра. Было совсем светло» (Ахматова А.А. Листки из дневника (О Мандельштаме) / Введен., публ. и коммент. В.Я. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 207). Утром Н.М. идет к своему брату, Е.Я. Хазину, А.А. Ахматова — к Б.Л. Пастернаку и А.С. Енукидзе (в то время секретарю Президиума ЦИК СССР). Узнав об аресте, Б.Л. Пастернак обращается к Демьяну Бедному и Н.И. Бухарину с просьбой сделать для освобождения О.М. все возможное.

До 28 мая. Содержался под следствием на Лубянке (следователь — Николай Христофорович Шиваров). Начало травматического психоза, вызванного заключением; попытка самоубийства (вскрыл вены).

18–19 и 25 мая. Допросы в тюрьме.

27 мая. Окончание следствия. Приговор: трехлетняя ссылка на поселение в г. Чердынь (ныне Пермской обл.) (формулировка: «Изолировать, но сохранить»). Н.М. предложено сопровождать мужа. А.А. Ахматова и Е.С. Булгакова собирают деньги на отъезд.

29–30 мая. Переезд по железной дороге в Свердловск под конвоем. В дороге усиливается душевный недуг: напряженное ожидание казни, навязчивая идея самоубийства.

- 1 июня.** В Свердловске на вокзале в ожидании пересадки написано шуточное стихотворение «Один портной...».
- 1–3 июня.** Дальнейший маршрут: поездом по узкоколейке вдоль Камы до Соликамска, там пересадка на пароход до Чердыни. Прибытие в Чердынь, где в здании земской больницы О.М. и Н.М. выделяют комнату на втором этаже.
- Ночь на 4 июня.** Новая попытка самоубийства (прыгнул из окна больницы, упал на вскопанную клумбу); в результате — вывих правого плеча и перелом без смещения правой плечевой кости, обнаруженный лишь позже, в Воронеже.
- Между 3 и 12 июня.** Н.М. шлет телеграммы в Москву с просьбами о помощи, в том числе и в ЦК ВКП(б).хлопоты А.А. Ахматовой и Б.Л. Пастернака. Письмо Н.И. Бухарина Сталину. Спад психической болезни.
- 10, 12 июня.** Пересмотр приговора; телеграмма Е.Я. Хазина об изменении приговора.
- 13 июня.** Телефонный звонок Сталина Б.Л. Пастернаку по поводу О.М. (Сталин обещал, что с О.М. «все будет хорошо»).
- 14 июня.** В Чердынь приходит официальная телеграмма о трехлетней административной высылке из Москвы с лишением по истечении этого срока права проживать в Москве, Ленинграде и еще десяти городах страны («минус двенадцать»). Последняя регистрация в Чердынском райотделении ОГПУ.
- 15 (16?) июня.** Вызов к коменданту для выбора города высылки; остановились на Воронеже.
- 16 июня.** Отъезд из Чердыни, где О.М. и Н.М. провели две недели. Дорога до Москвы заняла около пяти дней.
- Около 21–23 июня.** Провели несколько суток в Москве.
- Около 25 июня.** Приезд в Воронеж. Размещение в гостинице «Центральная».
- Конец июня.** О.М. осматривает психиатр: травматического психоза уже не обнаружено. Н.М., заболевшую сыпным тифом, кладут в инфекционную больницу.
- Начало июля.** Снимает на летнее время у старика-повара застекленную террасу в Привокзальном поселке, недалеко от Бринкманского сада.
- Конец июля.** Н.М. уезжает на месяц в Москву по квартирным делам. На это время по просьбе Э.Г. Герштейн к О.М. приезжает жена В.Н. Яхонтова Д.М. Бутман.
- Август.** Б.Л. Пастернак обращается к заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И. Стецкому с просьбой помочь О.М. в организации его литературной деятельности в Воронеже.
- Конец августа.** Возвратившись из Москвы, Н.М. заболевает дизентерией и снова попадает в инфекционную больницу. Из больницы она вышла не позднее 8 сентября и выздоравливала дома.
- Сентябрь.** О.М. обращается к председателю правления Воронежского областного отделения ССП А.В. Шверу с просьбой дать ему возможность участвовать в работе местной писательской организации.

Сентябрь–октябрь. Поездка вместе с группой воронежских писателей и журналистов в один из районов области на открытие там первого советского театра. Ведет платные литературные консультации в журнале «Подъем»; работает над рецензией для «Подъема»; трудится над книгой «О старом и новом Воронеже».

Около 15 октября. О.М. и Н.М. сняли комнату по адресу 2-я Линейная ул., д. 4 (ныне ул. Швейников, д. 4б) в доме агронома Е.П. Вдовина.

12–13 ноября. Посещает концерты пианистки М.В. Юдиной в Воронеже.

20 ноября. Заместитель заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) П.Ф. Юдин пишет письмо заведующему аналогичным отделом обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области (разделенной на Курскую и Воронежскую шесть месяцами ранее) М.И. Генкину о возможности «расширения литературной деятельности Мандельштама».

29 ноября. В ответ на поручение М.И. Генкина сообщить о жизни Мандельштама в Воронеже и о его связи с писательской организацией из Воронежского отделения ССП в обком ВКП(б) отправлена записка О.К. Кретовой.

/1935

Политика

Серия первых показательных процессов в СССР по сфабрикованным делам о «Ленинградском центре» и кремлевском заговоре против Сталина.

СССР заключает мирные договоры с Францией, Чехословакией, Турцией.

Умер маршал Юзеф Пилсудский, первый глава возрожденного Польского государства, основатель польской армии.

На башнях Московского Кремля вместо царских двуглавых орлов устанавливают пятиконечные звезды.

Забойщик А.Г. Стаханов ставит рекорд по добыче угля на луганской шахте.

Литература

Роман Синклера Льюиса «У нас это невозможно».

Томас Стернз Элиот пишет драму в стихах «Убийство в соборе».

Кино, музыка

Фильм «Анна Каренина» (реж. Кларенс Браун) с Гретой Гарбо в главной роли.

Фильм «39 ступеней» (реж. Альфред Хичкок).

Опера Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» поставлена в Нью-Йорке.

Опера Рихарда Штрауса «Молчаливая женщина».

Вокруг света

Открытие Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича.

Роберт Уотсон-Уотт изобрел и сконструировал первый радар, который мог обнаружить самолет, летящий на расстоянии 64 км.

Нобелевская премия по химии присуждена Ирен Жолио-Кюри и Фредерику Жолио «за выполненный синтез новых радиоактивных элементов».

Январь. В первом номере журнала «Подъем» опубликована рецензия на книгу «Дагестанская антология», подписанная инициалами «О.М.».

5 января. Заключен договор с местным отделением издательства «Советский писатель» на книгу «Старый и новый Воронеж».

Февраль. Выступил с докладом об акмеизме на собрании воронежских писателей (4. С. 419–420).

Конец марта. Н.М. уезжает в Москву. Только теперь она узнаёт о разговоре Сталина и Б.Л. Пастернака (Пастернак полностью повторил ей свой разговор с ним).

30 марта — 1 апреля. В Воронеж приехал высланный из Ленинграда С.Б. Рудаков; О.М. знакомится с ним. Ожидает приезда в Воронеж А.А. Ахматовой и В.Н. Яхонтова; строит планы перебраться 20–25 апреля вместе с А.А. Ахматовой на дачу под Воронежем.

5 апреля. Вместе с С.Б. Рудаковым присутствовал на концерте скрипачки Г.В. Бариновой. После концерта написаны первые строчки ст-ния «За Паганини длиннопалым...» (домашнее название «Скрипачка»), законченного в июле. По существу, это начало «Первой воронежской тетради».

6 апреля. Начало работы над переводом «Иветты» Ги де Мопассана (закончен в июне).

15 апреля. Вечер памяти В.В. Маяковского в помещении Воронежского музыкального техникума. С докладом выступил критик и литературовед Л.А. Плоткин, с литературной композицией «Маяковский» — В.Н. Яхонтов. О.М. с С.Б. Рудаковым были на вечере, но встретиться с Яхонтовым им не удалось.

После 17 апреля. Написаны ст-ния «Чернозем» (посвященное С.Б. Рудакову), «Я должен жить, хотя я дважды умер...», «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», «Я живу на важных огородах...», «Наушнички, наушники мои!..», «Это какая улица?...», а также «Мне кажется, мы говорить должны...», «Мир начинался, страшен и велик...». Начаты ст-ния «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...», триптих «Кама» (закончены в мае), «От сырой

простыни говорящая...» (завершено в июне), а также, по-видимому, «Не мучнистой бабочкою белой...» (датировано «Весна–лето 1935 г.», окончательный вариант последней строки этого ст-ния был записан 30 мая 1936 г.). С.Б. Рудаков писал жене: «17, 18, 19, 20 — дико работает Мандельштам. Я такого не видел в жизни... Он не видит и не помнит ничего. Он ходит и бормочет: “Зеленой ночью папоротник черный”. Для четырех строк произносится четыреста. Это совершенно буквально. Он ничего не видит. Не помнит своих стихов».

21 апреля. Переезд в новую комнату на втором этаже углового двухэтажного здания [дом не сохранился, на его месте — шестиэтажный дом (ул. 25 Октября, д. 45)].

22 апреля. Возвращение Н.М. из Москвы.

Конец апреля. Начало работы над радиокомпозицией «Молодость Гёте» (завершена в июле). Май. Написаны ст-ния «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», «Ты должен мной повелевать...», «Лишив меня морей, разбега и разлета...» и «Стансы» (завершено в июне).

8 мая. Н.М. уезжает в Москву (возвратилась только 14 июня).

23 мая. Начало работы с С.Б. Рудаковым над комментированным собранием ст-ний (начиная с 1907 года), продолжавшейся до 30 июня и возобновленной в сентябре. Рудаков планирует написать монографию об О.М.

Конец мая. О.М. получил трехмесячную прописку и паспорт.

3 июня. Написаны ст-ния «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» и «Возможна ли женщине мертвой хвала...», законченное 14 декабря 1936 г.

19 июня. Проведено медицинское обследование О.М. для установления нетрудоспособности (травма руки) и назначения лечения.

15–23 июня. Работа над рецензиями для «Подъема»: на книгу Г.А. Санникова «Восток» и на поэтический сборник литкружковцев Метростроя «Стихи о метро».

27 июня. Начато ст-ние «Бежит волна — волной волне хребет ломая...» (завершено в июле).

Июль. Написано ст-ние «Исполню дымчатый обряд...»; окончена «Первая воронежская тетрадь».

6 или 7 июля. В гостях у О.М. побывали артисты Камерного театра.

9 июля. Переработал радиокомпозицию «Молодость Гёте»; собирается поехать в колхоз в командировку от газеты «Коммуна».

12 июля. Письмо от А.А. Ахматовой: «Милый Осип Эмильевич, спасибо за письмо и память. Вот уже месяц, как я совсем больна. На днях лягу в больницу на исследование. Если все кончится благополучно — непременно побываю у Вас».

22–31 июля. Поездка вместе с Н.М. в Воробьевский район для подготовки очерка о совхозах.

1–2 августа. Работа над очерком для газеты «Коммуна» и вычитка корректур рецензий в «Подъеме». Корректуры сданы в журнал. «Коммуна» отклонила очерк о совхозах.

- 4 августа.** Вместе с Н.М. закончил переделку очерка.
- 8–20 августа.** Еще одна поездка в район.
- Конец августа.** В пятом номере журнала «Подъем» напечатаны рецензии О.М. на книгу Г.А. Санникова «Восток» и сборник «Стихи о метро». В местной писательской организации О.М. заявили, что врагом его не считают, но не знают, как к нему относится писательский центр, и потому от дальнейшего сотрудничества с ним отказываются.
- Сентябрь.** В № 6 журнала «Подъем» опубликованы рецензии О.М. на книги стихов А.Е. Адалис «Власть» и М.А. Тарловского «Рождение родины».
- 27 сентября.** Написан проспект книги о фольклоре (для получения аванса в издательстве).
- Сентябрь–октябрь.** Возобновляет работу с С.Б. Рудаковым над комментированным собранием своих стихов; одновременно правит некоторые стихи.
- 10 октября.** По рекомендации местного отделения ССП назначен на должность заведующего литературной частью в воронежский Большой советский театр.
- 11–13 октября.** Посещает репетиции и два концерта Большого симфонического оркестра Воронежского областного радиокомитета под управлением итальянского дирижера Вилли Ферреро.
- 14 октября.** Вечером с Н.М. и С.Б. Рудаковым в гостях у флейтиста К.К. Шваба (ему посвящено стихотворение «Флейты греческой тэта и йота...», написанное в апреле 1937 года).
- 16 октября.** По заданию театра готовит сокращение пьесы А.Е. Корнейчука «Платон Кречет» для передачи по радио. Вечером — с Н.М. и С.Б. Рудаковым — в театре на премьере спектакля «Слуга двух господ» по пьесе Карло Гольдони.
- 13–19 ноября.** Прошел медицинское обследование в клинике обкома ВКП(б); психиатр сделал заключение об истощении у О.М. нервной системы.
- 23 ноября.** В гостях у О.М. — дирижер Лео Гинзбург.
- Декабрь.** Присутствовал на репетициях в театре.
- 15 декабря.** Н.М. уезжает в Москву.
- 17 декабря (?).** Пишет «Заявление Минскому пленуму», содержащее ряд серьезных политических высказываний; передает его в Воронежское отделение ССП, откуда его пересылают в Москву, в Правление ССП.
- 18 декабря.** Получение трехгодичного паспорта. Отъезд в Тамбов на отдых в санатории; из Мичуринска во время пересадки послана телеграмма Н.М.
- 19 декабря.** Приезд в Тамбов.
- Конец года.** Найдена последняя строка стихотворения «Мне на плечи кидается век-волкодав...» (начато 17–18 марта 1931 года): «И меня только равный убьет...».

/1936

Политика

Военный мятеж под руководством Франсиско Франко; начало гражданской войны в Испании.

Франклин Делано Рузвельт вновь избран президентом США.

Германия и Япония подписывают совместный оборонный Антикоминтерновский пакт.

Умер король Англии Георг V; на трон восходит его сын, Эдуард VIII.

Троцкий переезжает в Мексику, где живет в доме семьи художников Фриды Кало и Диего Риверы.

Принята сталинская Конституция.

Московский процесс над членами «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»; Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев расстреляны.

Литература, искусство

Книга стихов Уистена Хью Одена «На этом острове» («Смотри, незнакомец»).

Книга стихов Роберта Фроста «Дальний хребет».

Сборник Дилана Томаса «25 стихотворений».

Бестселлер Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей».

Роман-эпопея Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (продано более миллиона экземпляров).

Пьеса Ирвина Шоу «Предайте павших земле».

Умерли Редьярд Киплинг, Гилберт Кит Честертон, Максим Горький, Луиджи Пиранделло, Федерико Гарсиа Лорка.
Нобелевская премия по литературе присуждена Юджину О'Нилу.

Кино, музыка, спорт

Первый чемпионат СССР по футболу.
Летняя Олимпиада в Берлине.
Комедия Чарли Чаплина «Новые времена».
Фильм «Цирк» (реж. Г.В. Александров).

Вокруг света

Женщина-пилот Джин Баттен совершает рекордный одиночный перелет из Великобритании в Новую Зеландию: время перелета составило 11 дней и 45 минут.
Трансатлантический лайнер «Королева Мэри» пересек Атлантический океан в рекордный срок — 3 дня 20 часов и 42 минуты.
Во главе журнала «Лайф» (США) встал издатель Генри Люс, сделавший ставку на фотожурналистику.
Лондонская служба вещания ВВС начинает эксперименты с телевизионной трансляцией.
Умер французский изобретатель и пионер-авиатор Луи Блерио.
Умер ученый И.П. Павлов, лауреат Нобелевской премии по медицине (1904).

- 5 января.** Возвращение из санатория раньше срока; в отсутствие О.М. и Н.М. хозяева квартиры Пановы заняли их комнату; О.М. снимает комнату у журналиста из «Коммуны».
- 13–14 января.** Хозяин квартиры Панов пришел в ССП с извинениями и пригласил О.М. и Н.М. возвратиться в прежнюю квартиру (О.М. согласился).
- 15 января.** Возвращение Н.М. из Москвы.
- 26 января.** На заседании правления Воронежского отделения ССП рассматривалось заявление Н.М. об оказании помощи О.М. Постановили: в связи с ухудшением здоровья О.М. обратиться в Литфонд СССР и просить разрешить и оплатить ему выезд на курорт за счет средств Литфонда; обеспечить наблюдение за состоянием его здоровья до разрешения Москвой вопроса о дальнейшем лечении; выдать О.М. 80 р. из средств Литфонда.
- 3 февраля.** Внес исправления в ст-ния 1920-х годов: «Я не знаю, с каких пор...» и «Век».
- 4 февраля.** Закрыт журнал «Подъем» (вместо него дважды в год должен выходить альманах «Литературный Воронеж»).
- 5 февраля.** В Воронеж приезжает А.А. Ахматова. На вокзале ее встречают Н.М. и С.Б. Рудаков. Литфонд согласился выделить О.М. деньги и дал разрешение на его поездку в Крым или на Кавказ.
- 11 февраля.** Отъезд А.А. Ахматовой в Москву. Телеграмма из Литфонда, подтверждающая бронь на путевку в Старый Крым.
- 16 февраля.** На банкете по окончании пленума ССП в Минске Б.Л. Пастернак за своим столиком поднял тост за О.М.

- Конец февраля.** Б.Л. Пастернак и А.А. Ахматова обращаются к прокурору Р.П. Катаньяну с просьбой облегчить положение О.М.; они посылают в Воронеж 1000 р.
- 27 февраля.** Новая ссора с квартирными хозяевами.
- 4 марта.** Дата под ст-нием А.А. Ахматовой «Воронеж», посвященным О.М.
- 13 марта.** Переезд на другую квартиру (ул. Ф. Энгельса, д. 13, кв. 39).
- 16 марта.** На заседании правления Воронежского отделения ССП слушали вопрос об О.М., требующем обеспечить его выезд с женой в Крым или замену путевки деньгами для поездки на отдых сроком не менее чем на три месяца, а также предоставить средства для поездки по районам области. Постановили, что, поскольку в разные сроки О.М. уже выдали свыше 1000 р., дальнейшие его просьбы, принявшие систематический характер, не могут быть удовлетворены.
- 29 марта.** Работа над вводным словом к опере Глюка «Орфей» для радио-фестиваля.
- 31 марта.** В радиостудии слушал трансляцию своего вступительного слова к опере «Орфей».
- Начало апреля.** Обострение болезни печени у Н.М.
- 3 апреля.** Отметили чаепитием годовщину знакомства с С.Б. Рудаковым; О.М. подарил ему «Египетскую марку» с автографом.
- Около 12 апреля.** На областном пленуме ССП прозвучали критически-пренебрежительные отзывы об О.М. («пишет будуарные стишки», «довольно с ним возиться»).
- 13 апреля.** У О.М. сердечный приступ на пути из театра домой.
- Около 28 апреля.** От А.А. Ахматовой и Б.Л. Пастернака получены деньги, а от Пастернака еще и записка. О.М. откликнулся на нее письмом.
- 1–4 мая.** Приезд в Воронеж на праздничные дни Э.Г. Герштейн.
- 7 мая.** Присутствовал на исполнении 9-й симфонии Бетховена с участием Д.Ф. Ойстраха. На концерте О.М. почувствовал острую сердечную боль и, не дожидаясь антракта, уехал в поликлинику.
- 12 мая.** Приезд А. Э., привезшего 800 р. за переиздание мандельштамовского перевода поэмы Важи Пшавелы «Гоготур и Апшина».
- 27 мая.** Консилиум в поликлинике № 1 признал О.М. нетрудоспособным и направил его в комиссию по инвалидности для определения степени потери трудоспособности.
- 30 мая.** Добавлена последняя строчка к ст-нию «Не мучнистой бабочкою белой...»: «Кто же будет продолжать за них?».
- Июнь.** Арестован А.И. Стефен, воронежский знакомый О.М.
- Середина июня.** Прислано сообщение об увольнении из воронежского Большого советского театра с 1 августа; получает расчет.
- 16 июня.** На правлении Воронежского отделения ССП слушали: заявление Н.М. о полной нетрудоспособности О.М. и об отсутствии у него средств к существованию. Постановили: рекомендовать обратиться в Правление

ССП и Литфонд СССР, переслав в их адрес все необходимые документы и заключение медицинской комиссии.

17 июня. Приезд Е. Э. к брату; пробыл у него один день.

20 июня. Отъезд на автомашине в Задонск. Встреча с Ю.Л. Слезкиным; поиски вместе с ним комнаты.

7–8 июля. В Задонск приезжает перед отъездом в Ленинград С.Б. Рудаков; их прощальная встреча. Рудаков делает копию «Разговора о Данте».

Начало сентября. Возвращается из Задонска. Знакомство с Н.Е. Штемпель.

11 сентября. На собрании воронежских писателей, посвященном вопросам борьбы с классовыми врагами на литературном фронте, обсуждали деятельность писателей Л.Н. Завадовского, Б.Г. Пескова и О.М.

16 сентября. Публикация в газете «Коммуна» статьи И. Черейского «Каникулы в Союзе писателей», направленной против О.М.

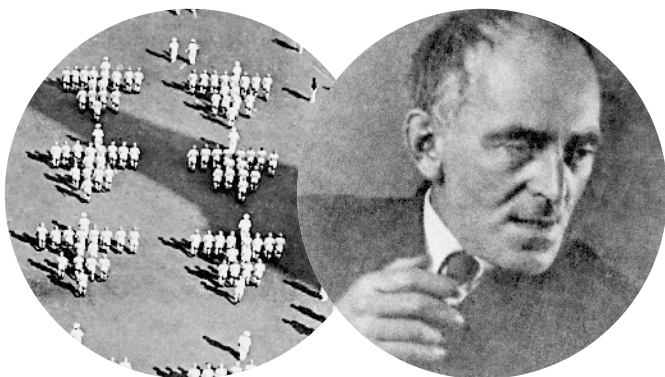
28 сентября. Письмо секретаря партбюро Воронежского отделения ССП С.Н. Стоичева в Правление ССП В.П. Ставскому в ответ на его телеграмму о разоблачении классового врага на литературном фронте.

Октябрь или ноябрь (?). Переезжает на последнюю воронежскую квартиру: ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1 (дом не сохранился).

6–9 декабря. Написано ст-ние «Из-за домов, из-за лесов...» — начало «Второй воронежской тетради». Работа над стихами шла до конца года, почти не прерываясь.

Конец декабря. Серьезно заболела Н.Е. Штемпель; О.М. и Н.М. навещали ее ежедневно.

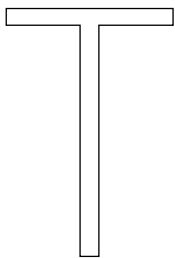
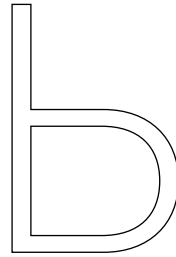
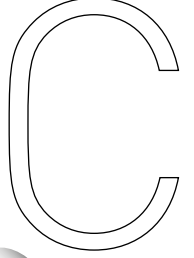
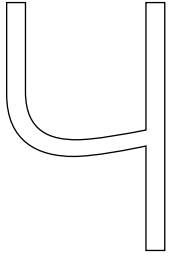
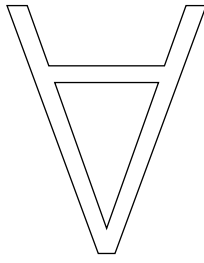
31 декабря. Отправляет письмо Н.С. Тихонову с просьбой о помощи.

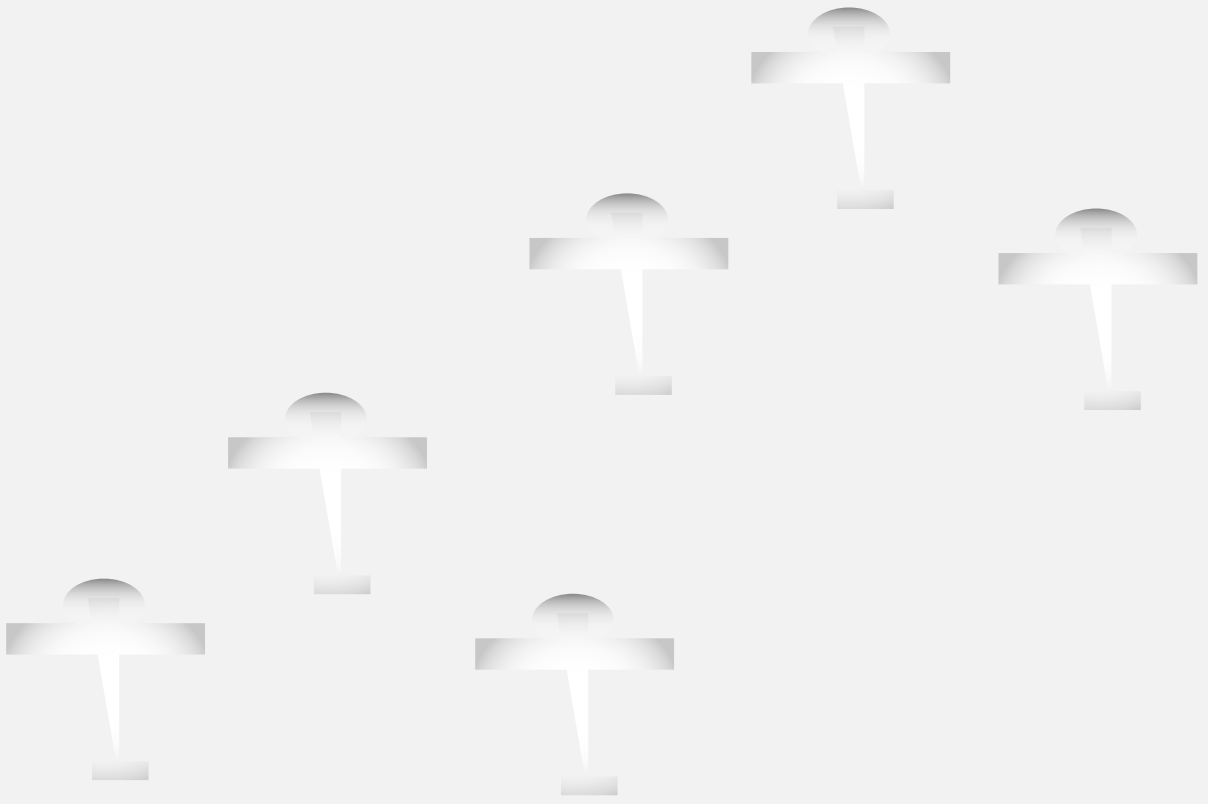
Крушинница мучнистая
(*Gonepteryx farinosa*) — дневная
бабочка из семейства белянок
(*Pieridae*)

Герои Советского Союза
М. Громов, С. Данилин и
А. Юмашев у своего самолета
АНТ-25. 12–14 июля 1937 года
экипаж совершил перелет
«Москва — Северный полюс —
Сан-Хосинто»

«НЕ МУЧНИСТОЙ БАБОЧКОЮ БЕЛОЙ...» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

/ ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ /

День стоял о пяти головах. Шлошние набь³⁵уток
д, смелаясь, гордиле про француз вал за то, что
роело на дрожащих.
Слух был шарше, темсон, сон был шарше, темслух-
сифтен, цуток
А за нами неслись ~~мучники~~ баляшки на
элицуциных возцах.

День стоял о пяти головах и, гулея от пла-
са
була конная, пешая, ама зерноверхая
масса
Расширивел аорти мочуццева вделах ногах-
кег-вюках
День превращался в хваление миео.

Наверток бы мне сиево морд, на шольние
Тольно умно,
Годивотка конвойнею времени нарусаки
неслае хорошо.

Сухометнае русская сканка, деревянное покрыв-
су!
где в Грехе славику ребат из железных ворот
п.н.у
Чтоб Пушкина худити жар не пошет по
рукам дармидов

Не мучнистой бабочкою белой ³⁶
В земли е землнии прах верну, -
Духоту, чтоб миелящее тело
превратилое в улику, встрану
Обгорелое, обугленнее тело,
Сознющее свою длину
~~возможное~~
~~Мучники мучники мучники~~
~~Мучники мучники~~
Возглась краснозакаленной хвои
С глубинной колодезной венки
Тянут нежить и время дороже
Опершись на смертине ефани -
Возглась краснознаменной хвои -
Азбуки, крутите венки

Или говаривши последнего призыва
По работе в неестных небесах,
Прочесла пехора молотамиво
Воскликанье фужей на плечах
И землику расети орудии -
Карих то зрачки или голубух
Или нестройно лодии, лодии, лодии -
Кто же будет продолжаться за них?
© 85. П.

Земли волна - волной волно хребет полая,

Текст стихотворения
«Не мучнистой бабочкою белой...»
из так называемого Второго
альбома. 1935 (Osip Mandel'shtam
Papers, C0539, Manuscripts Division,
Department of Special Collections,
Princeton University Library)

Текст³⁶

1 Не мучнистой бабочкою белой
2 В землю я заемный прах верну —
3 Я хочу, чтоб мыслящее тело
4 Превратилось в улицу, в страну:
5 Позвоночное, обугленное тело,
6 Сознающее свою длину.

7 Возгласы темно-зеленой хвои,
8 С глубиной колодезной венки
9 Тянут жизнь и время дорогое,
10 Опершись на смертные станки —
11 Обручи краснознаменной хвои,
12 Азбучные, круглые венки!

13 Шли товарищи последнего призыва
14 По работе в жестких небесах,
15 Пронесла пехота молчаливо
16 Восклицанья ружей на плечах.

17 И зенитных тысячи орудий —
18 Карих то зрачков иль голубых —
19 Шли нестройно — люди, люди, люди, —
20 Кто же будет продолжать за них?

Четверть века назад иронически было замечено, что в мандельштамоведении выделилась отдельная отрасль — «солдатоведение»³⁷, при этом имелись в виду «Стихи о неизвестном солдате» (1937). Несмотря на внушительность корпуса «солдатоведческих» работ последних лет³⁸, критические исследования, посвященные гражданской лирике Мандельштама, редко включают детальный разбор написанного годом ранее стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...» (далее — **НМББ**)³⁹. Именно этот подступ⁴⁰ к «Стихам о неизвестном солдате» послужил первой вспышкой будущего текста, высветившей круг эксплицитно развитых позднее мотивов и образов.

При всей кажущейся прозрачности образного строя замыкающее «Первую воронежскую тетрадь» стихотворение фактически остается темным по смыслу произведением. На всем протяжении, от первой до последней строки, НМББ транслирует торжественный пафос и высокое эмоциональное напряжение, но содержание его остается парадоксально герметичным: без комментариев Н.Я. Мандельштам из текста прямо не следует даже то, что стихотворение это посвящено погибшим летчикам⁴¹. НМББ как будто создано с установкой на молчание — семантика прямого высказывания замещается здесь средствами визуальной графики, метафорами, эмфатической интонацией, знаками пунктуации.

В первой части работы мы восстановим сюжет стихотворения, его краткую творческую историю, биографический и историко-литературный контекст. Во второй части будет предложен построчный комментарий и инвентарь вероятных подтекстов.

Сюжет⁴²

Содержание НМББ:

- (I) «Мне суждено умереть, но смерть означает только прекращение существования физического тела, в то время как плоды моего сознания продолжают свое бытие — их наследуют моя страна/культура».
- (II) Венки, возложенные в память о покойных, продолжают за них разговор с миром; жизнь, несмотря ни на что, продолжается, так как коллективное время невозможно остановить смертью одного человека.
- (III) В последний путь покойных провожают скорбящие товарищи, почетный эскорт следует за гробом и караул производит салют.
- (IV) Участники похоронной процессии проходят нестройными рядами, но сама непрерывность движения, каким бы неорганизованным оно в этот тяжелый момент ни казалось, является залогом продолжения общего дела.

НМББ представляет собой многократно описанную применительно к поэтике Мандельштама модель текста с «опущенными звеньями»⁴³. В данном

случае монтажный принцип оправдан композиционно и семантически — осознанием промежуточности человеческого бытия. Жизнь, по мандельштамовской установке в НМББ, является звеном в цепи — или ступенькой к достижению высшей цели; смерть — результатом возвращения «домой с небес» на землю, конечный приют «всякого дерзновенного»⁴⁴.

Тело (прах) объявляется *заемным* — то есть на время занятым (душой) для выполнения земной миссии человека. Ветхозаветная доктрина, выраженная в приговоре Адаму («возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»; Быт. 3:19), принимается Мандельштамом с коррективой: на религиозно-философскую платформу в стихотворении о гибели летчиков накладывается современная реальность с ее постоянно форсируемыми границами возможного — как физическими (для человека-испытателя), так и техническими (для самих испытуемых на дальность, высоту, прочность пилотируемых средств). Метафоры взлета и падения⁴⁵ в поэтике XX века стали актуальны благодаря технологическому прорыву человечества; топос управляемого полета развивался в русской поэзии с десятых годов и достиг пика к середине тридцатых⁴⁶.

В 1935 г. Мандельштам оказался перед сложным выбором. После катастрофы, вызванной написанием антисталинской стихотворной эпиграммы, поэт должен был опробовать противоположную тактику, обусловленную стремлением ощутить причастность к историческому моменту и к народу. Желания этого он вскоре устыдился, как сделки с совестью: «Меня голодом заставили быть оппортунистом. Я написал горсточку настоящих стихов и из-за приспособленчества сорвал голос на последнем» (цит. по письму С.Б. Рудакова от 2 августа 1935)⁴⁷.

Согласно Б.М. Гаспарову, образ гибнущего летчика в стихах Мандельштама о неизвестном солдате соткан из элементов современной поэту эпохи: «от первых катастроф в воздухе, воздушных и газовых атак Мировой войны — к времени “Осоавиахима”, новых летных подвигов и новых катастроф, времени, когда новые знаменательные годовщины (гибели Пушкина, Лилиенталя, Лермонтова, битв Мировой войны, а сквозь их призму — и битв Наполеоновских войн) надвигались с такой же неуклонностью, как политические и военные предзнаменования»⁴⁸. Приятие действительности в стихах Мандельштама опирается на осознание примата истории и силы, направляющей ее ход. Мечта о будущем единстве человечества во всемирной культуре приводит к убеждению, что «несчастья — это случайный чад вокруг большого плана»⁴⁹.

Абстрактные понятия «слава» и «смерть» получали в сталинской эстетике высшее воплощение в коллективно-обрядовом похоронном ритуале. Созданию НМББ непосредственно предшествовали или его сопровождали похороны Кирова, Куйбышева, Циолковского, Мичурина и др. В свою очередь, череда похоронных мероприятий переплеталась в сознании современников с катастрофизмом середины 1930-х годов, тем, что А.А. Блок ранее называл «неотступным чувством катастрофы».

Нацеленность советского человека в будущее и его готовность пожертвовать настоящим резонируют с центральной для НМББ темой *бессмертия* — тело человека смертно, но дело его живет (как троп эта идея была активизирована в девизах на многочисленных репродукциях портретов Ленина начиная с 1924 года). Годы спустя, цитируя первую строфу НМББ, Илья Эренбург писал о стихотворении как о сбывшемся пророчестве — своими текстами Мандельштам продолжал существовать в русской литературе⁵⁰. Близкое окружение поэта истолковало эти стихи о смерти и похоронах как своего рода литературное завещание — «И стихи у него какие-то “последние”»⁵¹, делилась своей тревогой Надежда Мандельштам с К.И. Чуковским по поводу НМББ в финале «Первой воронежской тетради».

У Ольги Берггольц в стихотворении 1935 года, опубликованном под названием «Бессмертие»⁵², упомянуты три недавних провала советской техники: катастрофа стратостата «Осоавиахим-1», поднявшегося на рекордную высоту 22 км («Свистя, обратно падал на планету / мешком обледеневшим стратостат»; 30 января 1934); столкновение в небе над столицей восьмимоторного гиганта «Максим Горький» с легким аэропланом — «перебитое крыло косое / огромного, как слава, самолета» (18 мая 1935)⁵³; гибель подводной лодки Б-3 с экипажем во время учений в Финском заливе (25 июля 1935). Залог бессмертия погибших летчиков поэтессе видится в памяти потомков:

<...> Но даже скорбь, смущаясь, отступала
и вечность нам приоткрывалась даже,
когда невнятно смерть повествовала —
как погибали наши экипажи.

Они держали руку на приборах,
хранящих стратосферы откровенья,
и успевали выключить моторы,
чтобы земные уберечь селенья.

Так велика любовь была и память,
в смертельную минуту не померкнув,
у них о нас, — что мы как будто сами,
как и они, становимся бессмертны⁵⁴.

В контексте стихотворения Берггольц семантика заключительной, наименее связанной в НМББ строфы становится понятнее: по площади провозят зенитные орудия, обращенные стволами в небо; отверстия стволов напоминают человеческие глазницы, помноженные на несметное число зрачков марширующих строем солдат и тех, кто пришел проститься с погибшими летчиками; человеческая масса медленным потоком движется в едином направлении. Нет никакой другой силы, которая смогла бы изменить заведенный порядок, на смену ушедшим встанут новые силы — движение

будет вечным. Так воспринял содержание стихотворения Мандельштама Илья Эренбург⁵⁵, впервые процитировавший НМББ в печати⁵⁶.

Отражением того, что трагедия с самолетом АНТ-20 «Максим Горький» обсуждалась в кругу Мандельштама в Воронеже, служит стихотворение Рудакова «Ничего не скажешь милому соседу...», написанное в июле 1935 г. В нем новейшие, только что (в 1934 г.) построенные самолеты марки «АНТ» совершают рискованные маневры (летчики низко бреют над спящими домами):

Авиаполеты совершая ночью,
Тайно наклоняясь до крыш,
АНТы-самолеты — слышим мы воочью —
Нарушают неземную тишь⁵⁷.

В аварии «Максима Горького» погибли 49 человек: в тот злополучный майский день самолет-гигант был поставлен во главе агитационной эскадрильи, отправленной реять в московском небе. В задачу Н. Благина входило выполнение акробатики в непосредственной близости к АНТ-20. Летчик-испытатель разогнал машину и, пройдя под правым крылом «Максима Горького», взмыл в небо, чтобы приступить к выполнению «мертвой петли» (ср. у Мандельштама: «Как сутулого учит могила / И воздушная яма влечет»). Оказавшись над крылатым гигантом кабиной вниз, летчик выполнил полубочку с большим разворотом и пристроился к левому крылу «Максима Горького». Затем Благин удачно повторил набор фигур высшего пилотажа, однако на третьей попытке И-5 врезался в середину правого крыла АНТ-20, пробил его обшивку и застрял там. В облаке черного дыма «Максим Горький» начал разваливаться на части; вначале откололся капот мотора с кусками истребителя, за ними упали полкрыла, а также часть фюзеляжа с хвостом — и гигант рухнул на землю⁵⁸. Собравший отзывы советской прессы на катастрофу «Максима Горького» Олег Лекманов внес в их число законченное позднее НМББ. А непосредственной реакцией Мандельштама, по-видимому, стало стихотворение «Железо» [22 мая 1935]⁵⁹.

Датировка, разночтения

Стихотворение писалось сравнительно долго — более года. Надежда Яковлевна свидетельствует:

Очень долго становившиеся стихи, вокруг которых собирался целый цикл. Здесь были стихи о «черепахах»-танках, о ползающих и улетающих тварях... Цикл сбился и не воплотился из-за трудностей жизни, каких-то поездок (в районы, одна с воронежскими писателями, среди них была Кретьова, другая — со мной

в Воробьевку). *Повод — похороны погибших летчиков, кажется, испытателей.* <...> Про первое стихотворение я спросила О.М.: «Чего ты опять себя хоронишь?» — я об этом писала... Сохранилось в «Ватиканском» <списке> и в «альбомах»⁶⁰.

Пока Мандельштам бился над композицией НМББ, у стихотворения появились домашние названия — «Венок» и «Летчики», а конечному тексту предшествовали по меньшей мере «варианты на семи страничках» (свидетельство Рудакова), которые не сохранились. В отсутствие черновигов, которые могли бы пролить свет на историю текста НМББ во всей ее полноте, приходится полагаться на косвенные свидетельства. Неопределенность с названием отражает процесс поиска Мандельштамом смысловых векторов работы над темой стихотворения, в котором образный комплекс «венка» занимает центральное место. Проиллюстрируем это на примере двух «мерцающих» букв в прилагательном, характеризующем венок в 12-й строке.

В списках НМББ из Принстонского архива (сделанных рукою Н.Я. Мандельштам) в четырех из пяти версий прилагательное к слову «венки» — «круглые», а не «крупные». Однако публикаторы часто отдавали предпочтение «крупным» вместо «круглых», и в такой редакции стихотворение перепечатывалось до недавнего времени в различных авторитетных изданиях⁶¹. На разнотчение обратила внимание еще И.М. Семенко (сама она была за «крупные»); в принадлежавшей ей машинописи, в строке 12 — напротив «крупных венков» на полях помета карандашом: «NB. Откуда “круглые” в “Ардисе”?»⁶²

Источник ошибки (если это — ошибка, а не сознательный выбор самого поэта на момент фиксации поэтического текста) не слуховая аберрация, а семантическая конъектура, когда при составлении очередного списка переписчик или переписчица решил(а), что фраза тавтологична (какая еще может быть форма у венка?! — хотя погребальные венки обычно не круглые, а овальные, и поэтому у составителей мичиганского издания были все основания не только следовать принципу доминирования варианта, фигурирующего в большинстве автографов принстонского собрания, но и истолковывать уточнение о нестандартной «круглой» форме траурных венков как соответствующее оригинальной авторской интенции)⁶³. При этом обе версии имеют право на существование в рамках поэтики «просвечивающих слов» Мандельштама. Как утверждал Ю. Фрейдин вслед за Тыняновым («У него не слова, а тени слов»⁶⁴), у Мандельштама «просвечивающие слова — во все не посторонние к семантике текста и вполне способны ее обогатить. Иногда в их взаимодействии с авторским словом можно увидеть эффект “настаивания на своем”, как в “азбучных, крупных венках”»⁶⁵. В целом, однако, разнотчений в дошедших до нас рукописях НМББ столь мало, что по ним реконструировать творческую историю стихотворения невозможно.

Ядро стихотворения оформилось к 19 июля 1935 года, но через два дня (21 июля 1935) С.Б. Рудаков делится с женой: «Это еще не конец, и вся

история текста слишком многообильна». Мандельштам читал незаконченный еще, по-видимому, текст группе актеров⁶⁶. Он продолжал работу с учетом их замечаний. Благодаря свидетельству Рудакова мы точно знаем, когда была эта встреча: 21 июля 1935 года. Далее в письмах Рудакова к жене упоминания о НМББ встречаются неоднократно — по ним ясно, что Мандельштам интенсивно работает над стихотворением в течение всего августа. О НМББ Рудаков сообщает 2-го («подхалимские стихи»), 3-го («Идет и пересасывание стихов о летчиках»), 6-го (утром: «докончил мучившие его строки "летчиков"») и позднее вечером — на фоне чтения и перевода Данта — «дошлифовали "летчиков"»), а также в письме от 21 августа⁶⁷.

В декабре 1935 г. Н.Я. Мандельштам возила НМББ в Москву с другими новыми стихотворениями в надежде на облегчение участи ссыльного мужа (одной из целей поездки было узнать, сможет ли Пастернак заступиться за Мандельштама после недавнего успешного его ходатайства перед Сталиным за арестованных Н. Пунина и Льва Гумилева, но встреча ее с Пастернаком не состоялась). Из письма Н.Я. Мандельштам к мужу известно, что стихотворение о летчиках (она его называет «венок») понравилось Всеволоду Вишневскому⁶⁸: «Большое впечатление от стихов. Особенно: чернозем, день стоял о пяти головах, и венок. Цитируют. Вернее <Вишневский> цитирует. Спрашивает, куда я сдала стихи. Расспрашивает. Волнуется, читая заявление» [2 января 1936].

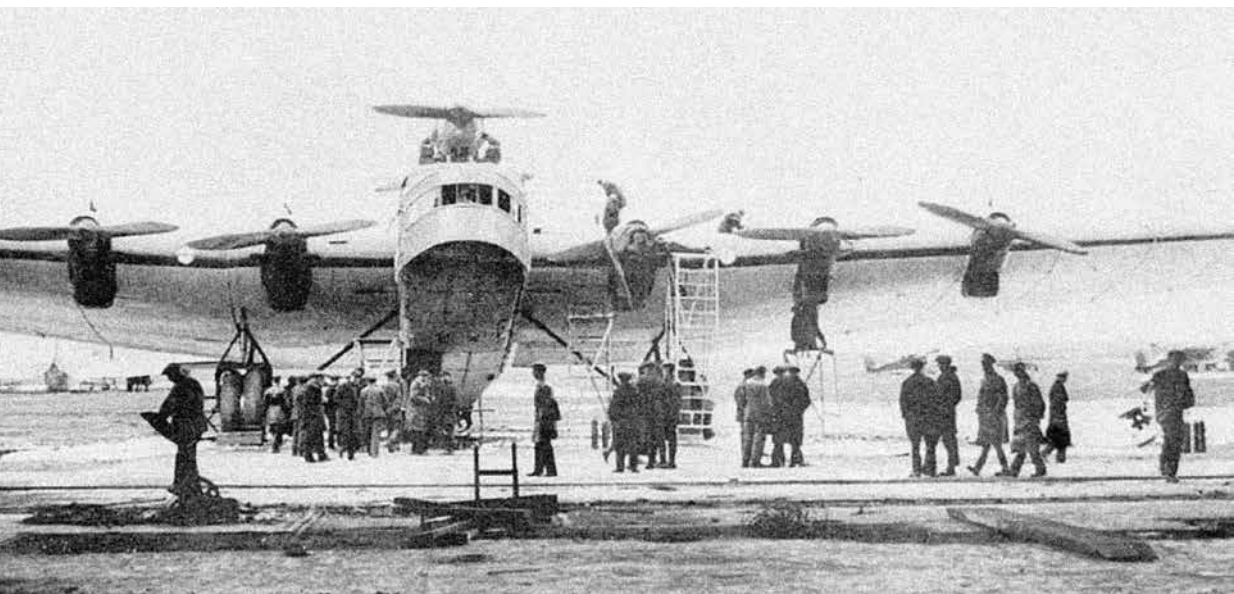
Колесания Мандельштама относительно названия, как нам кажется, отражают его неуверенность по поводу семантического центра тяжести стихотворения. В показаниях очевидца (Рудакова) явно отдается предпочтение авиационному мотиву, и тема венка уходит на периферию образного строя НМББ — начиная с августа 1935 года он упоминает о произведении исключительно как о стихах про «летчиков». Н.Я. Мандельштам, с другой стороны, все еще называла стихотворение «венком» в письме к мужу в начале января 1936-го.

В архиве Н.И. Харджиева сохранился листок типографского набора НМББ, почти идентичного финальной версии (с двойной датировкой «Воронеж. 21 июля 1935 года» и от руки добавленной надписью: «Задонск, 7 июля 36 г.»⁶⁹), происхождение которого некоторое время оставалось неясным⁷⁰. По предположению Ю. Фрейдина, речь могла идти о дружеском подарке «наборщиков, решивших типографским способом отпечатать стихотворение поэта, хоть и ссыльного, но все же сотрудничающего в их журнале»⁷¹. Загадка была разрешена, когда Т. Лангерак установил, что листок с типографским набором НМББ является материальным свидетельством неудачной попытки Мандельштама опубликовать стихотворение в шестом номере воронежского журнала «Подъем» (1936)⁷². Текст НМББ дошел до стадии гранок, но публикация не состоялась: вместо него в номер поставили стихотворение местного поэта из Воронежа, Григория Рыжманова⁷³. При этом заменившее стихотворение (под названием «Летная погода») было посвящено той же теме, что и отвергнутый мандельштамовский

МОЛОДЕЖЬ НА САМОЛЕТЫ

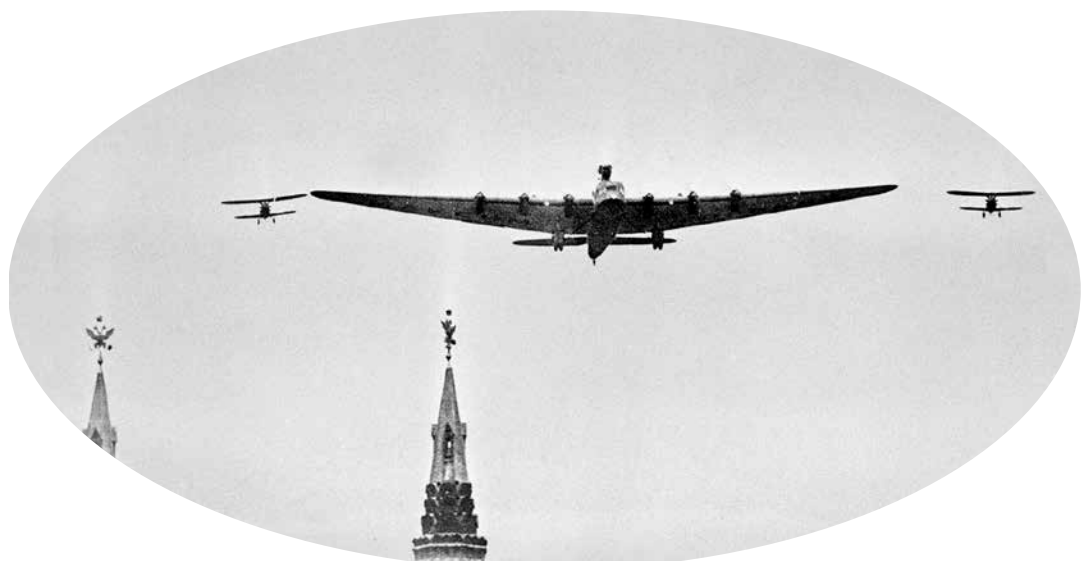
Агитационный пассажирский самолет АНТ-20 «Максим Горький» в воздухе. 1935. Агрегаты для 8-моторной машины производились на Воронежском авиационном заводе

Г. Клужис. Молодежь, на самолеты. Плакат. 1934. Выдающийся мастер цветного фотомонтажа поместил в небе изображение флагмана советской авиации — самолета-гиганта АНТ-20 «Максим Горький»

Вид на самолет АНТ-20 «Максим Горький» с земли. 1935

Проверка моторов самолета АНТ-20 «Максим Горький» перед взлетом. 1935

Экскурсия к трапу АНТ-20 «Максим Горький» — самого большого в мире самолета. 1934–1935

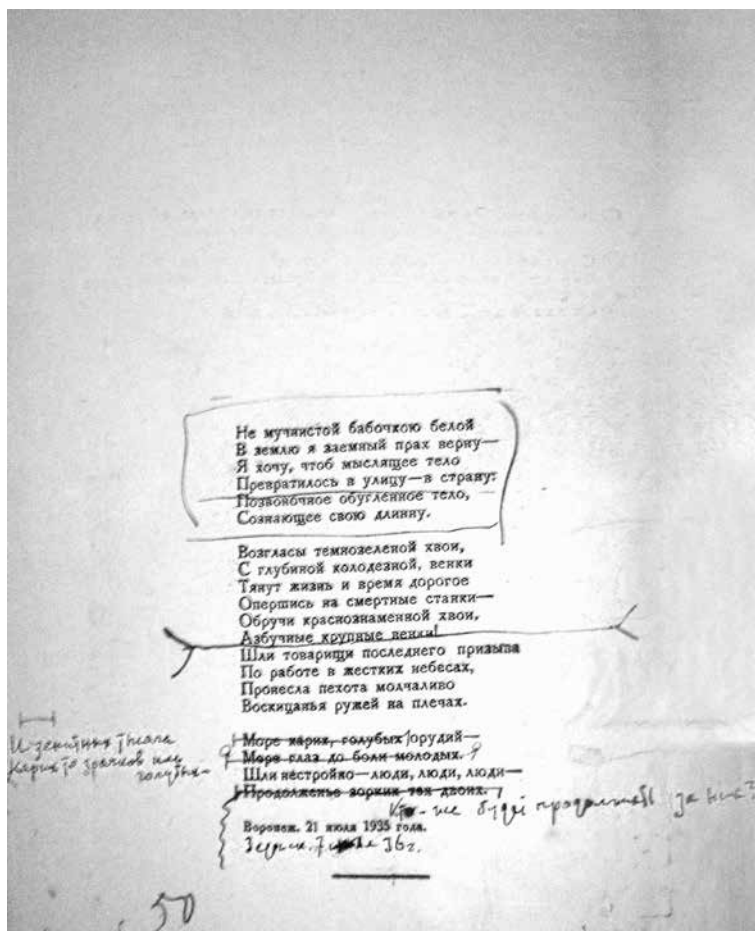
Пролет АНТ-20
«Максим Горький» над Красной
площадью в сопровождении
двух истребителей И-5 во время
первомайского парада 1935 года.
Фрагмент фотоснимка

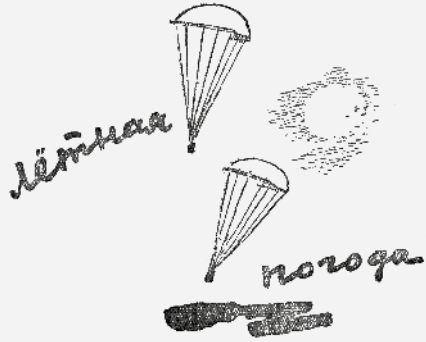
Листок типографского
набора с текстом «Не мучнистой
бабочкою белой...»
и исправлениями от руки для
журнала «Подъем» (1936. № 6)
(Архив Н.И. Харджиева, Stedelijk
Museum Amsterdam)

Стихотворение
Г. Рыжманова «Летная погода»
в последний момент было
поставлено редактором журнала
«Подъем» (1936. № 6) вместо
стихотворения О. Мандельштама

Крыло самолета АНТ-20
«Максим Горький»

Пролет АНТ-20 «Максим
Горький» над Красной
площадью в сопровождении
двух истребителей И-5 во время
первомайского парада 1935 года

Скажи, глаза не застигла мгла
На лихорадцем краю крыла,
Когда, как жизнь, кольцо брала?
Дрожала напряженная рука,
Предчувствуя момент рывка?
Нет, нет. Улыбку не слухало с губ,
Глаза не замораживала глубь,
Когда узнала наш аэролаз,
Где сотни глаз из подлодной ядут:
Вот-вот, как магний вспыхнет парашют!
И снежую, крутую высоту
Ты ощущала, как спору мечту.
Ты знала: развернется налету
Телохранитель первый-парашют,
И руку многие тебе пожмут.
Ты видела на солнечном свету
Дымится трубы и сады цветут,
И так, на героическом постоу
Ты глубже познавала радость дней
И родина был тебе родней.
И ты с любовью сделала прижог,
И вспыхнул в синем небе белый шелк
И плавно к ласковой земле пошел,
Тебе навстречу в беспаду синевы
Тянулся каждый стebelек травы,
Удал и лег случайно на прутья,
Шнурами зацепился за кусты
Усталый, бедный парашют, а ты
Его сложила бережно, как мать.
Так персица ты будешь пленять.
1935 г.

39
Валки валки валкой валке хребет ломая,
Куда-то на луны в невольничьей расе,
И анатарская пудина молодая,
Кеуштаринная столица волновая,
Кривест, меледет и фреет рол в расе.

83
А гелез воздух сумрачно-хлопчатый
Кекаларой стеньки мерещатся зыбун,
А епешных лесниц падают сондагы
Султанов миндальных - разбрызганы, разваги
И ед разноег хладные скотцы.

Мюль, 35г.

Исполню джигитайи обряд;
Вопале предо мной пейзаф
Морского лега земляники -
Двуусиренные сердолики -
И муравьиный браф-леф,

84
86
По мне миней проедой сондаф
Морской пудин - джикки, (крик)
Которому фикро не раф.

Мюль, 35г.

За Паланини длинноноглы
Безут икитанеков шурбой,
Кто с сохолом-ях, кто с польовым балом,
А кто с венгерской гелитурой.

85
Девонка, висколка, кордетка,
Тей збуки широк, как Фисей -
Утешь мене штрой свой;
На голубе тивает, иклетке
Марини миндех холм кудрей
Слиток твой миндальен, киринатка.

Утешь мене Млонном тална,
Сервешны Торансом, кеф, кофой -
Парижеск можно-адмалны,
Мунчныи и потныи карнавалом,
Иль брагой венки молодой -

Вертлебой, в диринсерских араках,
В джункайских дрейтерверках, скачках,
Иль вальс из гроба в колбела,
Переи вачочет, как хмель...

Играй же на разры аорфа
С кошарвей головой ворфу,
Три коря биню - Ты гертвенти -
Последний чудный корт вавету.

Андрей - Мюль, 35г.

40
Не мушницой бабокою делити
Во землю я замкны прах верну -
Я хлю, чтоб мпалыце Тело
Пребратилосе в ушнуу, в ефрану;
Позвонокые, обугленные Тело,
Сознающее свою длитну,

Вознасе темно-зеленой хвои,
С глубинкой колодезной венки -
Тянут тресны и време дорогов,
Опершись на смертные станы -
Обручи краснознаменной хвои,
Азбукине, крупнине венки!

86
Мли товарищу по следнее призави
По работе в месетких небесах,
Тронесле пехота молчаливо
Восмизуанд рунесет на плечах,

И земитных тисели орудий -
Кариш - го зралоков иль голубых -
Мли нестроино - люди, мови, люди -
Продолженые зорных межубоих,

Воронец 21 июля
1931.

Кто же будет продолжать за
них?

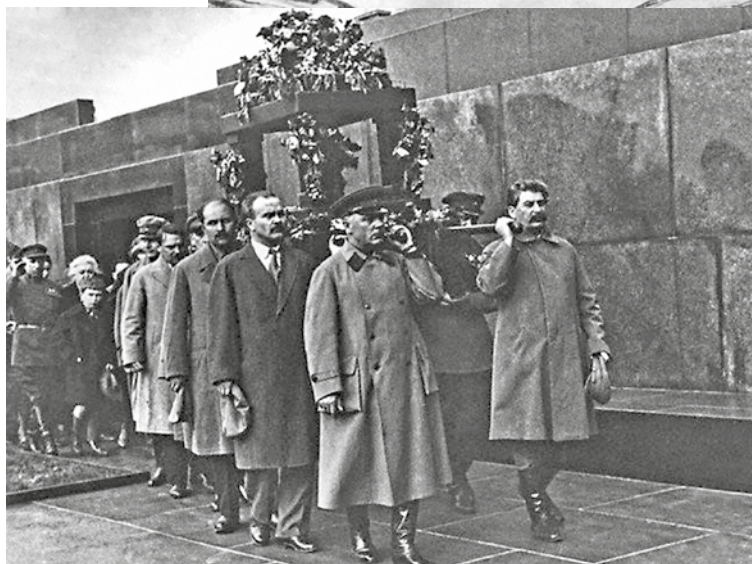

Один из списков стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...», датированный 1935 годом (Princeton University Library, CO539, Box 4, Folder 20, item 42)

Похороны Сергея Кирова в Москве. 6 декабря 1934

С. М. Киров за работой. Литография. 1935

Члены Политбюро несут тело Кирова на Красной площади. На переднем плане — В. Молотов, К. Ворошилов, И. Сталин

текст⁷⁴. Прыжок парашютистки аэроклуба описывается двумя встречными перспективами — картиной, которая открывается глазам девушки, парящей в небе, и одновременно тем, что видно наблюдающим за ней с земли зрителям:

...Дрожала напряженная рука,
Предчувствуя момент рывка?
Нет, нет. Улыбку не сдувало с губ,
Глаза не замораживала глубь,
Когда узнала наш аэроклуб,
Где сотни глаз из-под ладоней ждут:
Вот-вот, как магний, вспыхнет парашют!

Рыжманов не довольствовался тем, что потеснил приезжего на страницах периодического издания, и вскоре сочинил на неназываемого по имени, но хорошо узнаваемого Мандельштама рифмованный пасквиль — стихотворение «Лицом к лицу»⁷⁵. В финале его Рыжманов, кажется, прямо ответил на вопрос Мандельштама «Кто же будет продолжать за них?» —

Презирай, гляди надменно, —
Не согнусь под взглядом я.
*Не тебе иду на смену,
И не ты мой судия!*

Ему, по-видимому, был известен текст НМББ в типографском наборе. То есть, по логике Рыжманова, если кому-то и суждено «продолжать» за погибших советских летчиков, то никак не обреченному столичному мэтру с пророческой внешностью⁷⁶, которому на грядущую смену как классовому чужаку рассчитывать не приходится.

История создания текста

Пять рукописных списков НМББ хранятся с 1976 года в архиве Принстонского университета (США), куда их передала вдова поэта Н.Я. Мандельштам. Они не имеют существенных разночтений. Один из них (из так называемого «Ватиканского списка») — датирован 21 июля 1935 г. — то есть тем днем, когда состоялась встреча поэта с актерами.

Как и в других стихотворениях этой поры, Мандельштам своей рукой набрасывал только черновик, а затем диктовал первоначальный костяк будущего стихотворения жене. Далее поправки вносили либо он сам, либо Н.Я. Мандельштам, следуя его устным инструкциям. «Завершенный текст поэт авторизовывал — ставил под ним дату и подпись; нередко

возвращался к нему в ближайшие дни и совершенствовал — или на том же листе, или на новой сводке...»⁷⁷ Жена поэта фиксировала многочисленные поправки к одному и тому же тексту, что объясняет вариации в различных списках одного и того же стихотворения.

Было выдвинуто предположение, что непосредственным толчком к написанию НМББ послужила похоронная процессия в Воронеже погибших летчиков-испытателей, уроженцев города, которую Мандельштамы будто бы наблюдали из окна своей комнаты⁷⁸. Как писала Надежда Яковлевна,

Гибель летчиков приводит к мысли о собственной смерти. Смерть — это новое пространство, непонятное и другое. Именно летчики — в воздухе, в неизвестном новом пространстве, погибая, могут ощутить этот вкус, или как это там назвать, того внепространственного пространства, куда мы уйдем <...> Обугленных летчиков пытались спасти — они умерли от ожогов⁷⁹.

Ю. Фрейдин считал, что записанный Рудаковым 19 июля 1935 г. текст свидетельствует о том, что «эпизод похорон предстает как воронежский, локальный, а не увиденный в кинохронике (так иногда считали раньше)»⁸⁰. Однако версия, выдвинутая в мемуарах Н.Я. Мандельштам, не подтверждается документально: факт крупной аварии, связанной с воронежским авиапромом, не отражен ни в местной, ни в столичной официальной прессе. Напротив, в одном из июльских отчетов, посвященных празднику авиации в Воронеже, находим противоречащие показанию Н.Я. Мандельштам данные корреспондента: цитируя статистику о количестве налетанных в 1934–1935 годах летчиками-испытателями воздушных часов, автор с гордостью заключает: «и ни одной аварии, ни в воздухе, ни при посадке»⁸¹. Умолчание в областной газете о таком событии представляется невозможным на фоне сообщений о других катастрофах всесоюзного значения летом 1935 г.⁸²

До сих пор в связи с НМББ не упоминался проходной, на первый взгляд, эпизод, отраженный в незаконченном мандельштамовском очерке «Брат тов. Назарова», писавшемся для воронежской «Коммуны». По записям на обороте листов комментаторы датировали его апрелем или маем 1935 г.⁸³ Действие в этом наброске происходит в междугороднем телефонном пункте в Воронеже на ул. 27 февраля (куда Мандельштам часто приходил для разговоров с женой, когда она отлучалась в Москву). Однажды поэт услышал обрывок разговора:

...сыплются обычные стружки телефонного разговора. Коротенькие поддакивания. Семейное и командировочное. — А? С ним я буду сейчас говорить. У меня заказано...

И вдруг: — Что, Тося? Авария? А Коля? Разбился? Погиб?

И несколько раз он переспрашивает: «Так погиб до смерти? Ну передай там заболевание»⁸⁴.

Хотя на деле речь могла идти об аварии автомобильной, а не авиационной (ни читатель, ни автор не слышат того, что слышит человек в переговорной)⁸⁵, примечательно, что автор очерка сразу приходит к выводам, вторящим содержанию писавшегося в те же дни НМББ: «мы живем в стране, где работа сильнее смерти, где дикая случайность, слепая стихия, катастрофа — не властны поколебать великой тяги к будущему, охватившей всех нас, где гибель драгоценного близкого человека на славном посту рождает гордое и мужественное горе, где нормой является самозабвение, и великолепная героическая выдержка — самая будничная вещь»⁸⁶.

Несовпадение того, что на сегодняшний день известно по поводу зыбкой фактологической канвы НМББ, с выдвигаемой Н.Я. Мандельштам версией, которая пока не подтверждается архивными материалами, можно объяснить описанным самим Мандельштамом результатом анахронизма («пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтическом сознании»; «Барсучья нора»), при котором драматические события скрещиваются одно с другим в ряду им подобных. Более того, описание похоронной процессии погибшего летчика (или летчиков) не предполагало очного присутствия Мандельштама, и мнемический след мог возникнуть как *реконструированное воспоминание* вдовы — например, по неточным рассказам очевидцев. Не исключено, что спустя тридцать лет память Надежды Яковлевны конвергировала несколько сильных впечатлений, в том числе зрительную картину некоей помпезной похоронной процессии, однако при этом в последний путь летом 1935 года могли провожать просто военного высокого ранга или партийного деятеля областного значения в соответствии с государственным погребальным регламентом⁸⁷. Наконец, в качестве объяснения «мнимого свидетельства» приходится рассматривать психологическую мотивировку как сознательную попытку вдовы придать поэту статус очевидца, важный для первоначального импульса к сочинению НМББ — стихотворения, которым сам Мандельштам в конце концов остался недоволен, считая его концовку проявлением политического конформизма.

Двойчатка

В письме Рудакова от 20 июля 1935 г. из фонда Н.И. Харджиева в музее Стеделейк в Амстердаме⁸⁸, послужившем Ю. Фрейдину в 2005 году основанием для публикации и выдвижения (как позже выяснилось, несостоятельной) гипотезы⁸⁹, воспроизводился стихотворный текст, который был записан собеседником поэта накануне отправки («У Оськи — за вчера — стихи»). Публикатор называет его «ранним вариантом» НМББ. Курсивом выделены

строки, которые перекочевали в «канонический» текст практически без изменений, но расположение их внутри окончательной версии впоследствии менялось:

Город спит, земля отяжелела.
Пусть ко мне сейчас же постучат:
Что ты видел — нам большое дело,
Что ты слышал — знать, чем богат⁹⁰.

На воронежских асфальтах твердых
Каждый шаг знаком мне и росток,
И мальчишки в черепаших фордах,
И ночной мучнистый мотылек⁹¹.

День был жаркий, радио молчало,
Выгорали саженцы в пыли...
Областная улица не знала,
Что по ней еще не все прошли.

Сдерживая гордость или горесть,
Двум гробам, двум ношам молодым
Предоставил медленную скорость
Братской тяги — грузовик — двоим.
И людской⁹² походкой шли в покое,
На живые опершись станки,
*Обручи краснознаменной хвои —
Азбучные крупные венки.
Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах.
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.*

Продолжайся, начатое дело,
Превращайся, улица, в страну,
Мертвых летчиков расплющенное тело
*Сознает сейчас свою длину.
И зенитных тысячи орудий —
Карих то зрачков иль голубых —
Шли нестройно люди, люди, люди —
Продолженье зорких тех двоих.*

Список помечен Рудаковым «19.VII.35». Учитывая то, что более половины этого текста пересекается с НМББ лишь пунктирно, «Город спит, земля

отяжелела...» правомерно расценивать не как *вариант* НМББ, но как стихотворение-двойчатку. Оно заслуживает внимания в качестве самостоятельного произведения, и в будущих изданиях Мандельштама тексты эти следовало бы помещать рядом не как черновую и беловую редакции, но как два равноправных текста. Мандельштам отбросил лишние строфы, вероятно, посчитав получившееся произведение чрезмерно эксплицирующим исходный замысел («Стало лучше, тверже», выносит свой вердикт Рудаков, полагавший, что на Мандельштама подействовала его критика⁷³). По догадке Р.Д. Тименчика, зачин «День был жаркий» отсылает к стихотворению Анненского о похоронах, посвященному Гумилеву, — «День был ранний и молочно парный...»⁷⁴ (в тексте упомянуты пес, бьющий хвостом по ельнику, и пение медных труб солдатского оркестра)⁷⁵.

В числе отброшенных строк была одна, упоминавшая загадочные «черепаши форды»:

На воронежских асфальтах твердых
Каждый шаг знаком мне и росток,
И мальчишки в черепаших фордах

Относится она к марке американского автомобиля: 31 мая 1929 года в г. Дирборн (штат Мичиган) был подписан договор между компанией Ford и Совнархозом на поставки продукции предприятия на сумму 30 миллионов долларов в течение последующих четырех лет; в рамках соглашения Форд также обязывался оказывать техническую помощь в организации и оборудовании автомобильного завода в Нижнем Новгороде.

Завод по сборке автомобилей из импортных машинокомплектов открылся в начале 1932 года. На некоторых фотографиях модификаций советских фордов, позже получивших кодировку ГАЗ (по месту мануфактуры на Горьковском автозаводе им. В.М. Молотова), видны покатые кузова и цельнометаллические кабины, вызвавшие сравнение Мандельштама с черепашими панцирями⁷⁶. Сходство напрашивалось также благодаря выступавшим у Фордов-ГАЗов из капота по обеим сторонам двигателя крупным фарам, напоминавшим анатомическое расположение глаз у диасид.

В силу поэтической этимологии («черепаха» как производное от слова «черепа») образ фордов-черепах с молоденькими солдатами-пассажирами привносит в текст летальный обертон. «Мальчишки в черепаших фордах» — призывники, обреченные стать размолотой в катаклизмах войны «пшеницей человеческой», — предвосхищают страшный образ черепа, в пустые глазницы которого вливаются войска⁷⁷. Позднее Надежда Яковлевна ретроактивно соотнесла черепах из «двойчатки» НМББ с танками⁷⁸ (для этого, кажется, был и технический резон⁷⁹). Почему танки в ее сознании оказались тесно связанными со стихами о летчиках? Возможный

ответ на этот вопрос находится в ряде стихотворений Михаила Зенкевича, посвященных гибели боевых летчиков («Смерть авиатора», 1917; «Авиареквием» и «Альтиметр», 1918). Пресмыкающиеся «черепашьи форды»-уроды у Мандельштама перекликаются с «крупными крупповской брони»¹⁰⁰ и «бронированными бронтозаврами»¹⁰¹ Зенкевича, в то время как «расплющенное»/«обугленное тело» летчика у Мандельштама должно напомнить об авиаторах у Зенкевича, «в небе зажатых в клубке разрывов», которые с высоты наблюдают, как на земле,

Брызгая мозгом, *расплющиваемые черепа*
Лопаются, как под утюгом вши

— и «сеют пулеметов сеялки <...> *человеческих жизней зерна*» («Пашня танков», 1918). Впервые это последнее стихотворение Зенкевича было опубликовано в *Альманахе Цеха поэтов* (Петроград, 1921, кн. 2) вместе с тремя стихотворениями Мандельштама. В Воронеже Н.Я. Мандельштам читала вслух мужу статью о творчестве Зенкевича и акмеизме¹⁰², и этому, кажется, поэт обязан строкой «Свет размолотых в луч скоростей» в «Стихах о неизвестном солдате»: вероятный ее подтекст обнаруживается в сборнике Зенкевича *Пашня танков*, где череп представляется механизмом переключения скоростей от хода черепахи до предельной скорости движения частиц во вселенной:

Обезвредим время! Наши черепа
Всех его скоростей коробка,
От лучевых до черепаших¹⁰³.

«Ночной мучнистый мотылек» из раннего текста в двойчатке станет «мучнистой бабочкою белой» (НМББ), но, соположенный с мотивом *расплющенного* тела летчика, наводит на параллель с процедурой *расправления* насекомого, при которой распластанные крылья бабочки накалываются энтомологической булавкой. Возможный подтекст отсылает к наименованию крупной бабочки — «мертвая голова», — имеющей характерный рисунок на теле, напоминающий по форме человеческий череп¹⁰⁴. В финальном тексте НМББ, который Мандельштам счел достойным распространения, — «мертвых летчиков расплющенное тело» превратилось в *тело поэта*. Таким образом, Мандельштам как будто примеряет к своей собственной биографии участь сгоревших летчиков: еще в молодости им было найдено «решение конфликта между безличной вечностью и трепетной человечностью — смертный человек преодолевает свою смертность созданием вечного искусства»¹⁰⁵; теперь, в момент жизненного кризиса, эта мысль воплотилась в стихи о героях и посмертной славе.

Волно волкой волке хребет полая
на луку в вольничий Тоске
Кустарская тушка молодая
Кустылькая сфинкс моровая
Кривеет, мелеет и роет фов в неке

А через воздух сумрачно Хюнгайнь
Кекагагой сфинкс перегадет зубуи,
А слепых лесных кадают сондаи
Субаиов мильных, разорзманн, разаети
Идг разност хладнистокуи.

На музничой бадочкой белой
В землю я заелит прах отдам верну
Я хон, чтоб мислещее тело
Преображис в уличу, в страну
Телом обугленное тело,
Сознающее свою грешку.

Взглянет краснознамечной хвон
С тупидной колдешной велии
Впершнее на смертные сфинкс
Взглянет, краснознамечной
Ахрутите, круглые велии!

Или товарищи последнее прихва
То работе в крестных небесах
Пронесли пехота молчалив
Восстанованье ружей на пеллах

Или кто-то ружейки оружен
Кресты по зрачкам - и в бою вдах
Или за ними люди, люди, люди
Или кто-то будет проодоткати за них?

Возможна ли хемичие модурой хвала
Она в отурденной в савсе
Ее турселовая велие привела
И носилост венной жаркой молне

И тверде лаботки круглых дубей
Из гроба ко мне привелели
Сказать, что они сфинксис в своем
Холоднат сфинксисиской по сфин

И прагада екринки гордичая рвот фов
От шейки ее хорошеа
И фн раскрывана евопаленных руж
Силея, уральность, русея

И текжу и намбо твою дереву
Диток, ледвещеннок, мильнока,
А мильнику колесо, в снелу
И снелу фоток погальоне

Високих волн полновесане мильни
Юношу - тебе мильнее лопе
Ружь я в оверге, но не в унфисе
Всё мильнодонная мильни вие 32

17

Не лютшею бабочкою белой 36
В землю я заемный прах верну. —
Хочу, чтоб мнящее тело
Превратилось в угли, в срану
Обгорелое, обугленное тело,
Сознающее свою длину
нозбокозное

~~Мили Говарину последнего призыва~~
~~Поверь в нас вожделенный~~
Возглавь краснознаменной хвои
Слабкой колодезной венки
Телу жизни и време дорогое
Опершись на смертные скамьи —
Возглавь краснознаменной хвои —
Азбуки, крутые венки

Мили Говарину последнего призыва
По работе в неспящих небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицательные фразы на плечах

И зенитных тисаги орудий —
Карих то зрачков или голубых
Мили нестройно люди, люди, люди —
Кто же будет продолжаться за них?

© В. В.

Темней волна волной волне хребет поля,

Разночтения: «В землю я заемный прах отдам верну» (строка 2). Карандашные пометы — поверх «краснознаменной хвои» вместо зачеркнутого эпитета вариант: «темнозеленой» (строка 11); вместо «шли за ними» — «шли нестройно» (строка 19) (Princeton University Library, C0539, Box 4, Folder 18, item 11)

Разночтения: «обгорелое обугленное тело» (строка 5). Н.Я. Мандельштам раздавала копии стихов мужа заслуживающим доверия лицам, чтобы сохранить тексты для будущих публикаций (Princeton University Library, C0539)

У Осен - да брже - есену.

Воздух шум, шум, шум, шум,
Судьба у нас едина все помыслим:
Что мы будем - нам добрее же,
Что мы хотим - шум, шум, шум.

На возвышенном асфальтах млеющих
Кортеж маэстро и шум, шум,
И шум, шум, шум, шум, шум,
И шум, шум, шум, шум, шум.

И шум: шум, шум, шум, шум, шум,
Воздух шум, шум, шум, шум, шум,
Отраженная шум, шум, шум,
Что по шум, шум, шум, шум, шум.

Созвучная шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Продолжая шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум.

И шум, шум, шум, шум, шум,
На шум, шум, шум, шум, шум,
Воздух шум, шум, шум, шум, шум,
Асфальт шум, шум, шум, шум, шум.

И шум, шум, шум, шум, шум,
То шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Воздух шум, шум, шум, шум, шум.

Воздух шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум.

Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум.

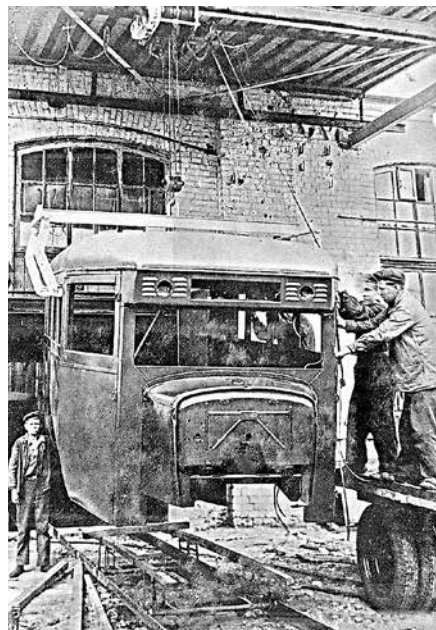
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум,
Шум, шум, шум, шум, шум.

19.VII.75.

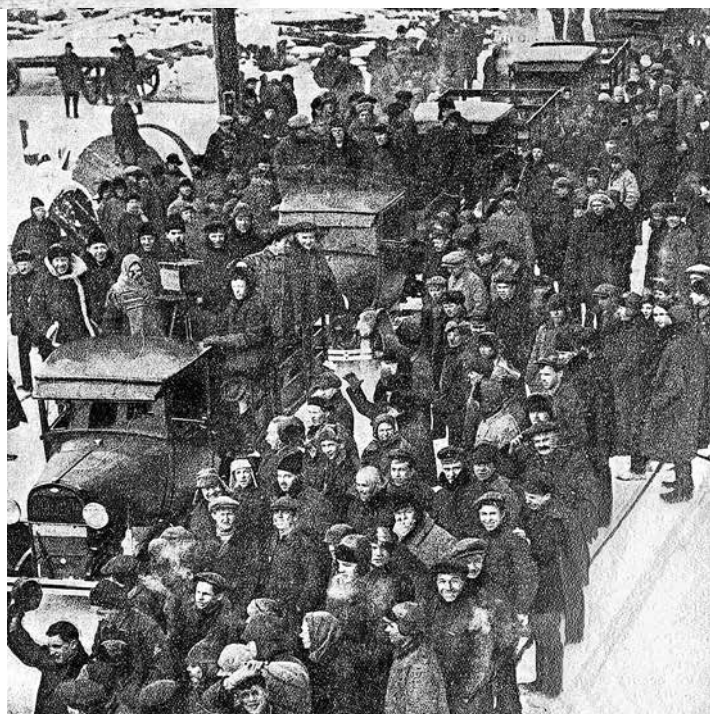
В сборочном цеху по производству лицензионных «Фордов». 1929

Советские грузовики — модифицированные модели американского «Форда». Начало 1930-х

Из письма С.Б. Рудакова — Л.С. Рудаковой (Финкельштейн), 19 июля 1935
(*Archief Chaga-Khardziev, Stedelijk Museum Amsterdam*)¹⁰⁶

Первый «советский форд» сходит с конвейера завода в Нижнем Новгороде. 1929

**«Работа в жестких небесах»:
воронежские летчики и газета «Коммуна»**

История Воронежа первой трети прошлого века тесно связана с развитием советской военной авиации. С 1927 года в городе постоянно дислоцировалась 11-я тяжелобомбардировочная бригада дальней авиации под командованием А.М. Осадчего, участника Первой мировой войны, бывшего капитана царской армии¹⁰⁷. В Центрально-Черноземной области были открыты несколько авиапарков и школ военных летчиков, с которыми сотрудничали и гражданские лица. Так, в авиационном техникуме на проспекте Революции, 6, преподавала русский язык и литературу Н.Е. Штемпель. Мандельштам иногда ее встречал там и провожал после занятий домой.

Воронежская эскадрилья принимала участие в первомайском параде 1930 года в Москве, пролетев в боевом строю над Красной площадью. Но вскоре воронежский командный состав был обезглавлен — 27 июня 1930 года в районе Саратова во время ночного испытательного полета Воронеж — Оренбург разбился новый самолет, на борту которого вместе с экипажем находились комбриг А.М. Осадчий, командир авиаотряда С.М. Сивоглазов и командир эскадрильи П.В. Столяров. Похороны семи летчиков 11-й авиабригады во главе с комбригом Осадчим состоялись 30 июня 1930 г. Хотя Мандельштам оказался в Воронеже только четыре года спустя, в памяти воронежцев авария и гибель летного состава долго продолжала переживаться как незаживающая рана¹⁰⁸. Массовая похоронная процессия двигалась по проспекту Революции, где позже в двухэтажном доме супруги Мандельштамы снимали квартиру у сотрудника НКВД. Гробы с телами летчиков установили на фюзеляж самолета, который буксировался автомобилем. Траурные мероприятия, развернувшиеся на площади III Интернационала, по воспоминаниям современников, были самыми крупными за новейшую историю города.

После инцидента с гибелью авиационного начальства явных нарушений воздушного кодекса до приезда Мандельштамов в Воронеж зафиксировано не было. Мог ли Мандельштам иметь в виду в НМББ похороны экипажа ТБ-1, которые сам не наблюдал, но о которых мог услышать от воронежцев? Воронежский аэроклуб славился в стране выпуском летчиков и парашютистов. По состоянию на середину июля 1935 г. воронежская область, как с гордостью отмечала газета «Коммуна», была «в числе передовых областей Советского союза по авиационной работе... Один только Воронежский аэроклуб выпустил уже 125 летчиков... 55 человек в нашей области получили звание парашютистов». За день до цитируемой публикации в заметке «Отвага, выдержка, хладнокровие» (17 июля) рассказывалось о подвиге парашютиста Красикова (при выполнении группового прыжка с самолета Красиков поделился запасным парашютом с напарником, у которого заклинило оборудование; когда в свободном

падении второй боец врезался ногами в купол раскрытого парашюта Красикова и соскользнул вниз, тот не растерялся, а помог товарищу зацепиться за свою спину и приказал рвануть кольцо собственного запасного парашюта).

Повальное увлечение парашютным спортом отразилось у Мандельштама летом 1935 г. в метафоре севооборота при описании поездки в село Никольское, когда он предполагал писать очерк о коллективизации в деревне под Воронежем: «Я заметил, что уборочная кампания в зерносовхозе подготавливалась, как будто *гигантский прыжок с парашютом: раскроется или не раскроется*. Представьте себе этот парашют, на котором повисли десятки комбайнов, тысячи га земли и тысячи людей» (28 июля 1935)¹⁰⁹. Запись эта сделана всего через десять дней после того, как в местной газете появился яркий эпизод о человеке, повисшем на парашюте товарища (в соответствии с журналистской практикой того времени случай, скорее всего, параллельно освещался и на радио, с которым Мандельштам в те недели тесно сотрудничал¹¹⁰).

Воронежская «Коммуна» в 1935 году буквально ежедневно публикует заметки и фотографии, связанные с новостями местной и всесоюзной авиации. Разворот от 14 апреля 1935 был посвящен годовщине проведения операции по спасению челюскинцев под эпической шапкой «Полярная стихия отступает перед всепобеждающей волей большевиков!» Ниже пестрели заголовки: «Ледяной шторм отбит», «Незабываемый день», «Последний рейс», «Их спасала вся страна»; между заметками было помещено стихотворение А. Суркова «Радость», актуализировавшее троп «сердце — мотор» («Сердце ревет пропеллер. / Мотор работает четко. / И сердце пилота бьется / Под теплым комбинезоном / Размеренно, как часы...»). Расположенные рядом тексты иллюстрировали репродукции: аэропланы над арктическими льдинами; толпы людей, встречающих членов экспедиции и их спасателей на Красной площади с флагами и транспарантами, и пр.

Не исключая того, что позднее воспоминание Н.Я. Мандельштам о якобы состоявшихся в Воронеже похоронах летчиков могло быть проявлением «ложной памяти», при анализе газетного текста значение следует придавать и визуальным блокам, из которых, по-видимому, достраивалась невидимая фактология. 9 мая 1935 г. на страницах газеты был помещен кадр из фильма режиссера Ю. Райзмана «Летчики» в сопровождении извещения, что лента будет демонстрироваться в воронежском прокате с конца мая¹¹¹. У нас нет свидетельств, что Мандельштам видел эту картину¹¹², но мимо него вряд ли прошли многочисленные отклики на нее. 9 июня в «Коммуне» ей были посвящены сразу несколько публикаций¹¹³. Оптимистический взгляд на будущее советской авиации выразился в широко циркулировавшем газетном штампе «На место погибших станут сотни новых бойцов»¹¹⁴, отзвуком которого была и строка НМББ.

Не относящимися напрямую к авиахронике, но связанными с мотивом торжественных похорон с почестями были грандиозные прощания с рядом

известных советских публичных фигур. Они были близки по характеру к военному погребальному церемониалу. В дополнение к похоронам летчиков к событиям-ориентирам, оказавшим влияние на рождение и постепенную деформацию замысла НМББ, относились и ритуализированные похороны ряда крупных политиков, ученых и общественных деятелей: С.М. Кирова (1 декабря 1934); В.В. Куйбышева (25 января 1935); И.В. Мичурина (7 июня 1935); К.Э. Циолковского (19 сентября 1935). Прощание с Куйбышевым венчало десятилетнюю традицию правительственных погребальных обрядов¹¹⁵, начатую ленинским, который сам Мандельштам наблюдал в Москве 1924 года вместе с Б.Л. Пастернаком. 10 июня 1935 года на первой полосе «Коммуны» были размещены сразу несколько репортажей о смерти и погребении Мичурина. Все связанное с ритуальной стороной похорон и личностью усопшего излагалось знакомыми штампами в безотказно работавшей стилистике воспроизводства народного горя. Футуристические гиперболы («Его дело будет жить века»; «В ближайшие годы миллионы деревьев мичуринских сортов принесут свои плоды в социалистических садах колхозов и совхозов») нагнетаются в пределах одной газетной полосы¹¹⁶, где мичуринский растительный мир примыкает к мировоззренческому комплексу, называемому Б. Гаспаровым (не очень удачно, на наш взгляд, но за неимением более точной формулировки) «организмом Мандельштама» и его обращением «к природной среде в качестве философской и филологической метафоры»¹¹⁷. Последний нашел отклик не только у Мандельштама, но и в поэзии Заболоцкого¹¹⁸ и Нарбута¹¹⁹.

Через три месяца после публикации lamentаций по русскому умельцу-селекционеру *Коммуна* провожала в последний путь писателя Анри Барбюса (4 сентября 1935). Член французской компартии скончался от пневмонии в Москве, где работал над биографией Сталина¹²⁰. Редакторы средств массовой информации в СССР, не считаясь с хрупкой психикой читателя, сурово воспитывали свою аудиторию на стойкость перед лицом неразборчивой Смерти, которая методически вырывала наиболее достойных представителей из рядов советского и братских народов. Не прошло двух недель после репортажей о транспортировке тела французского литератора на его родину, как редакция вновь с прискорбием заявляла о наступившей накануне смерти К.Э. Циолковского, этого «отца Икара», как о нем сказал поэт Василиск Гнедов¹²¹. Среди стандартных словоизлияний анонсировалось, что для участия в похоронах философа-космиста (сразу после проведения патологоанатомом вскрытия тела покойного с целью выявления научной причины смерти) 21 сентября в Калугу вылетит специальная траурная группа, в составе которой будут дирижабль и отряд самолетов особого назначения: во время «опускания гроба с телом великого ученого в могилу эскадрилья сбросит цветы и прощальное письмо Циолковскому от работников воздушного флота Союза»¹²².

Утраты чудо-изобретателей, ученых-самородков и партийцев ежегодно полагалось переживать по юбилейным датам заново. Существование совет-

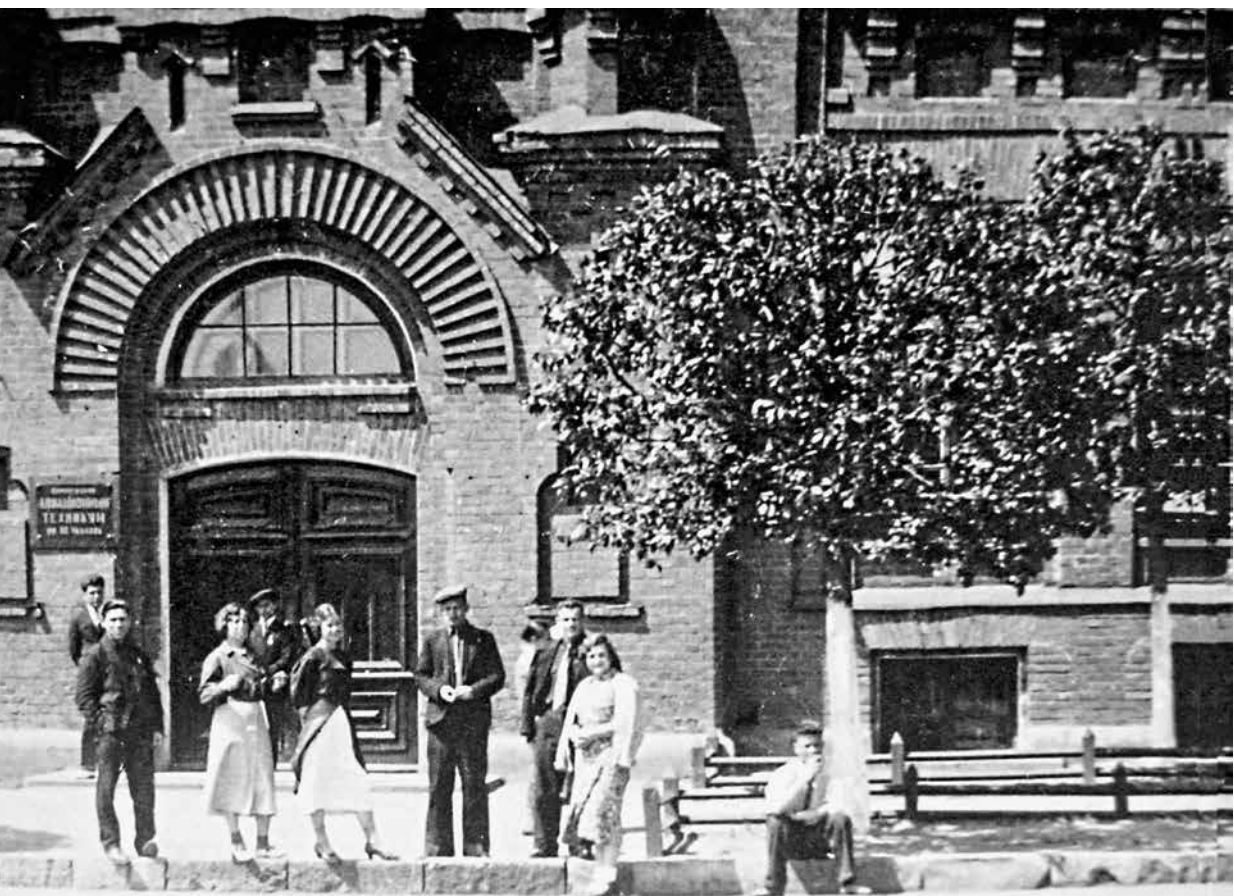
ского человека протекало в двойном хронологическом потоке — одновременно в реальном и историческом календарях; события недавнего прошлого взвинченной риторикой прессы синхронизировались с текущими событиями и носили внетемпоральный характер. По материалам воронежской «Коммуны» прослеживается тщательно выстраивавшийся медийный стереоскопический эффект, в котором спрессованные в одно плоское измерение минувшие памятные даты большевистского мартиролога¹²³ отмечались с той же энергией, что и происходящее здесь и сейчас¹²⁴. В процессе скольжения по заголовкам массовой печати для исторического читателя середины тридцатых годов зыбкая грань между живым и мертвым почти стиралась: человеческая смерть переставала быть уделом исключительно интимно переживаемого горя, но превращалась в символическую точку отсчета в публичном календаре новейшей эпохи революционной борьбы.

Проблема посвящения

Посвящение «Памяти В. Куйбышева» фигурировало в одной из машинописей, которые рассылались Мандельштамами в редакции газет и журналов¹²⁵. Как осторожно предположила Н.Я. Мандельштам после публикации 1967 года¹²⁶: «В Грузии это стихотворение было напечатано с посвящением Куйбышеву. Мне *вроде как* вспоминается, что один из этих летчиков был сыном Куйбышева, *может*, я и отметила это на каком-то списке»¹²⁷. Сын Куйбышева, Владимир (1917 — ?), летчиком никогда не был и к авиации отношения не имел (если не считать его учебу в ФЗУ Авиазавода № 1, где он получил квалификацию слесаря).

В памяти Н.Я. Мандельштам отложилось, скорее всего, эхо сразу нескольких драматических эпизодов, один из которых действительно был связан с сыном политика: незадолго перед смертью отца Куйбышев-младший оказался на борту исследовательского судна «Буг», потерпевшего аварию у берегов финского острова Нерва. Курсанты и члены экипажа были спасены в ходе спецоперации, а ледокол «Ермак» отбуксировал останки корабля в ленинградский порт. В период спасательных работ, по воспоминаниям очевидцев, Куйбышев говорил о сыне: «мой маленький челюскинец». В свою очередь, сами летчики охотно примеряли на себя символическое звание сыновей названного отца Валериана Куйбышева: «Словно отец, беззаветно любящий отец, строго, но ласково пожурил своего провинившегося сына...»¹²⁸ То, что осталось от «Буга», в Ленинград пришвартовали в середине января, но Владимир увидеться с отцом не успел: Валериан Куйбышев скончался 25 января¹²⁹.

Между тем, героический ореол вокруг имени Куйбышева, распространенный в мемуарах Н.Я. Мандельштам на его несуществовавшего сына-летчика,

Кинотеатр «Спартак».
Воронеж. 1960

Красная площадь,
парад физкультурников.
Прыжок «ласточкой» в момент
прохождения колонн. 1935.
Фото Н. Кубеева

Аноним. Трудовой народ,
строй свой Воздухофлот. Плакат
ленинградского отделения ОДВФ
(Общества друзей воздушного
флота). 1924–1925

Гостиница «Центральная»,
Воронеж. Мандельштам здесь
остановился в 1934 году

Воронеж. Гостиница «Центральная»

Рабочие Семилукского
огнеупорного завода
прослушивают радиопередачу.
Воронеж. 1931

Осип Манделштам в группе.
Около 1936

Кадр из фильма «Летчики»
(режиссер Ю. Райзман),
воспроизведенный в заметке,
опубликованной газетой
«Коммуна» [9 мая 1935]

Траурные сообщения
о смерти К.Э. Циолковского
в воронежской газете «Коммуна».
20 сентября 1935

вероятно, был связан с операцией по вызволению челюскинцев, к которой видный партиец имел самое прямое отношение. 13 февраля 1934 года в Чукотском море льдами раздавило пароход «Челюскин», и экипаж в составе 103 человек под руководством О.Ю. Шмидта вынужден был высадиться на льдину. На следующий день Куйбышева назначили главой правительственной комиссии по возвращению команды погибшего судна домой. Кремлевский кабинет Куйбышева превратился в оперативный штаб, куда стекались сведения о ходе спасательных работ. Речь шла не только о жизнях людей, но и о престиже советской науки и техники. Сводки за подписью Куйбышева ежедневно публиковались в прессе, вся страна напряженно следила за развитием этой драмы. Для вызволения участников экспедиции с дрейфующей льдины Куйбышев приказал использовать дальнюю авиацию. Благодаря эффектно проведенной спасательной операции и, главное, ее удачному исходу¹³⁰ эпопея быстро обросла легендами¹³¹, а печатные отчеты украшались элементами фольклорного сказа и были призваны не оставить у доверчивого читателя сомнений в демиургических способностях непосредственного руководителя операции¹³².

На Мандельштама вся история произвела столь сильное впечатление¹³³, что в дни помутнения сознания в Чердыни летом 1934 года, когда «в припадке умоисступления бегал» по городу, он «арки в честь челюскинцев считал поставленными в честь своего приезда»¹³⁴.

Советские летописцы подчеркивали организационный талант и самоотверженное поведение Куйбышева в те дни¹³⁵. После челюскинской эпопеи интерес партийного деятеля к авиации не угас: он продолжал поддерживать тесные контакты с полярниками и пилотами¹³⁶. По иронии судьбы, Куйбышев внезапно умер в тот самый день, на который был запланирован юбилейный прием с его участием в честь летчиков, снявших за год до того со льдов челюскинцев¹³⁷. Эмигрантская газета «Новое русское слово» не без злорадства отмечала заминку с оповещением советской общественности о том, кто именно из партийного руководства умер в тот январский полдень¹³⁸. Современникам запомнилась исключительно мрачная обстановка во время похорон Куйбышева¹³⁹, описания ее близко напоминают экспозицию у Мандельштама в НМББ¹⁴⁰. Траурное извещение ЦК ВКП(б) о смерти большевика заканчивалось клятвой в том, что «неутомимая работа на благо трудящихся В.В. Куйбышева будет служить примером для миллионов пролетариев и трудящихся в их великой борьбе за торжество коммунизма»¹⁴¹.

Адресация к фигуре старого партиейца могла появиться с ведома автора после неудачной попытки пристроить НМББ для публикации в «Подъеме». Факт посвящения мог подчеркнуть политическую актуальность произведения и повысить шансы на его попадание в официальную печать. Образцом покаянной тактики для Мандельштама (несмотря на очевидную сложность их отношений друг к другу¹⁴²) служил пример Николая Заболоцкого,

которому после травли, последовавшей вслед за появлением «Торжества земледелия» (1933)¹⁴³, было позволено вернуться на страницы газет и быть принятым в создававшийся летом 1934 г. Союз писателей «несмотря на яростные атаки на него в прессе в течение года»¹⁴⁴. Так состоялась публикация его стихотворного отклика на смерть Кирова «Прощание». Хотя стихотворение «не понравилось властям предрержащим: убийство и смерть Кирова описывались у Заболоцкого как общечеловеческая трагедия, как смерть как таковая, а не как смерть героя, полубога нового коммунистического Олимпа»¹⁴⁵, цель публикации была достигнута: Заболоцкий в печать вернулся. Мандельштам мог ознакомиться с «Прощанием» Заболоцкого через Рудакова, преклонявшегося перед автором «Столбцов» и летом, в июне 1935 г., декламировавшего Мандельштамам стихотворение Заболоцкого «Осенние приметы», помещенное в «Известиях» 18 ноября 1934 г., и обсуждавшего его с ними¹⁴⁶. У нас нет сведений относительно того, насколько успешной приманкой для литературных властей служило бы посвящение мандельштамовского стихотворения Куйбышеву, но генеральный секретарь Союза писателей В.П. Ставский, посылая докладную записку о Мандельштаме 16 марта 1938 г. наркому внутренних дел Ежову, приложил машинопись новых стихотворений поэта и отзыв Петра Павленко о них, в котором, в числе «относительно хороших», было названо «Не мучнистой бабочкою белой...»¹⁴⁷.

Версию Н.Я. Мандельштам о гибели сына Куйбышева в итоге следует признать неудовлетворительной, но фигура его отца-политика среди остальных партийцев однозначно выделялась: об эрудированности Куйбышева и его привычке декламировать стихи как собственного, так и чужого сочинения рассказывают многие мемуаристы. Более того, он сам был поэтом — биографическая деталь, незначительная для большинства советских граждан, но говорящая для мандельштамовского круга. Именно Куйбышев (а не убитый несколькими месяцами ранее С.М. Киров, тоже известный книголюб) должен был восприниматься Мандельштамом как исчезающий тип большевика-интеллектуала, политика бухаринского толка¹⁴⁸. Отнюдь не являясь конъюнктурным жестом поэта-конформиста, данное, а затем снятое посвящение Куйбышеву оправдано внутренним сюжетом и творческой предисторией НМББ — оно не просто подзаряжает стихи о летчиках и их патроне эпитафийной энергией, но переводит стихотворение в особый жанровый статус — произведение о смерти и похоронах поэта.

В поисках концовки

К концу лета 1935 г. две первые строфы НМББ уже существовали на бумаге, однако Мандельштам был явно недоволен взятым регистром: 2 августа Рудаков сообщает жене, что поэт назвал свои стихи о летчиках

«подхалимскими», — «Я трижды *наблудил*: написал подхалимские стихи (это о летчиках), которые бодрые, мутные и пустые. Это ода без достаточного повода к тому»¹⁴⁹. Примечательно здесь употребление слова «*наблудил*» — его же незадолго до того использовал Н. Бухарин в связи с арестом Мандельштама в письме Сталину, причем в кавычках, что позволяет интерпретировать выражение одновременно как метафорический эвфемизм и как цитирование того, за кого заступался партийный бенефактор, фактически поручившись за Мандельштама: «он — первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он — безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. Т. к. ко мне все время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он “наблудил”, то я решил написать тебе об этом»¹⁵⁰.

Самооценка Мандельштама по времени совпала с очередной авиационной драмой: бесславным провалом широко разрекламированного перелета летчика С.А. Леваневского по маршруту Москва — Северный полюс — Сан-Франциско. 3 августа, вскоре после вылета, экипаж экстренно запросил разрешения вернуться на один из аэродромов в районе Ленинграда. Согласно официальной версии, в воздухе произошел выброс масла из расходного бака. После интенсивных августовских переделок НМББ Мандельштам на несколько месяцев откладывает черновик в сторону. В конце мая 1936 г. закрепляется окончательный текст НМББ. Закончил поэт свою работу над стихотворением после появления двух новых стихотворений Б. Пастернака, ознаменовавших собой наибольшее сближение автора с советским режимом, — «Я понял: все живо...», «Мне по душе строптивый норв...» в новогоднем номере «Известий» за 1936 г.; и большой подборки в апрельском номере журнала «Знамя» (1936, № 4), открывавшейся этими же стихотворениями.

Заключительный аккорд НМББ приходит к Мандельштаму спустя лишь девять месяцев после начала работы. Он был сделан на листке, подаренном Рудакову:

...Шли нестройно люди, люди, люди...

Кто же будет продолжать за них?

Шизоидный психопат¹⁵¹. О.М.

В<оронеж>. 30/V/36.

Концовку эту воспроизвела Э. Герштейн по копии из письма Рудакова, который, в свою очередь, пояснил, что новый финал появился «вместо “Продолжение зорких тех двоих”»¹⁵². Подобно многим мандельштамовским текстам, ходившим по рукам или спасенным Н.Я. Мандельштам, текстологическая работа при изучении НМББ в отсутствие черновых рукописных автографов затруднительна. Из известных вариантов строк, не вошедших в окончательный текст, одна (во II строфе) — «Как венок, шагающий в покое» — сообщена Рудаковым (автором ее, возможно, сам он и являлся)¹⁵³.

К концу мая 1936 года НМББ автора, как всякий незавершенный труд, уже в течение нескольких месяцев тяготило. Прочитанный им цикл новых пастернаковских стихотворений заставил его вернуться к начатому стихотворению о летчиках. Стихи Пастернака (по словам Мандельштама в передаче Рудакова) раскрыли то, что «закупорило, запечатало» (прорыв, как выразилась Э. Герштейн, «полную стиховую немоту»)¹⁵⁴. В подборке, напечатанной в *Знамени*, было и стихотворение Пастернака «Безвременно умершему», написанное на смерть Н.И. Дементьева (1907–1935). В финале его сошлись ключевые образы и темы НМББ — небесный дозор (этимологически связанный с «зоркими»), венки и погребение мертвых: «Из комнаты с венками / Вечерний виден двор / И выезд звезд верхами / В сторожевой дозор. // Прощай, нас всех рассудит / Невинность новичка. / Покойся, спи. Да будет / Земля тебе легка». Дементьев покончил жизнь самоубийством 28 октября 1935 года, бросившись с балкона шестого этажа в Москве. Незадолго до этого в 1934 году попытку суицида пережил и сам Мандельштам¹⁵⁵. Перед смертью Дементьев проходил обследование в Институте судебной психиатрии им. Сербского и был помещен в психиатрическую больницу им. Кащенко. Мандельштам, которого в тот период мучили галлюцинации и «голоса», обследовался у заведующего кафедрой психиатрии в Воронежском мединституте С.С. Сергиевского. Ироническая подпись «шизоидный психопат» под финалом НМББ на автографе, данном С.Б. Рудакову, сближает судьбы обоих поэтов, погибшего и живущего. Хотя лирика Дементьева вряд ли входила в «упоминательную клавиатуру» воронежского цикла, Мандельштам должен был обратить внимание на строки, где совмещены образы пикирующего аэроплана и солдат, «шагающих» в парадном строю:

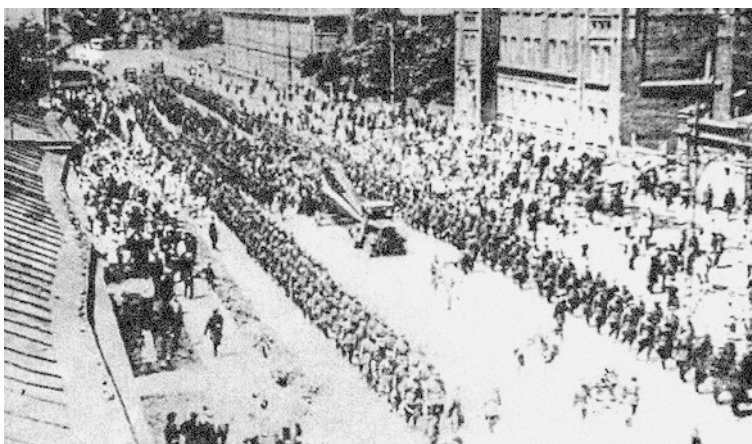
На площади, помню, квадраты парада
Шагали от храма обратно к воротам,
Аэроплан неожиданно падал
И вновь выпрямлялся одним поворотом¹⁵⁶.

— а фигура самого Дементьева могла ассоциироваться с его «последним словом», если не загробным, с которым тот наскочил на всю акмеистическую традицию¹⁵⁷.

В структуре НМББ поэтические реминисценции наслаиваются на советские газетные штампы. Стилистика описаний гибели новейших героев в официальной риторике наследовала топосу «памятника» гораццианско-пушкинской традиции (ср.: «С.М. Киров, один из славных коммунаров наших дней, *воздвиг себе неизгладимый памятник* в великом сердце рабочего класса»¹⁵⁸ и слова Мандельштама о метростроевцах в 1935 году — «ощущение работы как *памятника*, который коллектив *воздвигает себе* в эпохе»¹⁵⁹). В свою очередь формула *Exegi monumentum*¹⁶⁰ о бессмертии поэта сталкивалась с приговором Бога Адаму («прах ты и в прах возвратишься»).

Похороны семи летчиков
11-й авиабригады во главе
с комбригом Осадчим. Воронеж.
30 июня 1930

Фрагмент письма
Н.И. Бухарина Сталину об аресте
Мандельштама с резолюцией
вождя: «Кто дал им право
арестовать Мандельштама?
Безобразия...». Июнь 1934

3) О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и вв-
слан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и вв-
сказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что
он подрался (!) с А. Толстым, которому нанес "символиче-
ский удар" за то, что тот несправедливо ежко решил его дело,
когда другой писатель подал его жене. Я говорил с Агра-
новичи, но он мне ничего конкретного не скавал. Теперь
е побугато отгаданные телеграммы от жены М., что он
психически расстроен, пытается выбраться из окна и т.д.
Моя оценка О. Мандельштама: он - первоклассный поэт, но
абсолютно несовременен; он - безусловно не совсем норма-
лен; он чувствует себе затравленным и т.д. М.к. ко
мне во время апеллируют, а я не знаю, что он и в
"тем он наблюдил", то я решил тебе написать и об
этом. Прости за длинное письмо. Привет.
Твой Николай

Тип. «Изв ЦИК», Зак. 796. Тир. 200x100 л.

Ф. О Мандельштаме пишу тебе /на об.

И. Ганф. Комсомол!
Овладевай авиационной техникой.
Плакат. 1932

Проспект Революции, где супруги Мандельштамы снимали квартиру в двухэтажном доме. Фото В. Новикова. Воронеж. 1930-е

Похороны С.М. Кирова. 6 декабря 1934. В почетном карауле (справа налево) Жданов, Сталин, Постышев (его лицо зачеркнуто; расстрелян в 1939 году), Каганович

В эмигрантской печати о смерти Куйбышева сообщали в иной тональности, подчеркивая растерянность советской прессы. Первая полоса воскресного выпуска газеты «Новое русское слово». Нью-Йорк, 27 января 1935

Гаутман был ли как-то связан?

С самого начала допроса Владимира Гаутмана вытирал губы платком, проявляя свою сильную нервозность. Он сначала выкрикивал свои ответы, когда речь шла об его противоречивых показаниях в Брюсселе и здесь. Затем, говоря об осуж-

денном им его в полиции, — это последние отчаянные попытки Гаутмана спастись от электрического кресла. Гаутмана допрашивали в присутствии начальника полиции и высших властей, давали ему спать и есть и, напротив, охраняли его от всяких случайностей, как важнейшего в истории страны преступника.

ю обратно. Сэр Бернард Пайкс Керенский, — ожидали только

ТРАГЕДИЯ В ЧИКАГСКОМ БЮРО ПОМОЩИ

ЧЕТВЕРО УБИТЫХ И ДВОЕ РАНЕНЫХ — ЖЕРТЫ БЕЗРАБОТНОГО УЧИТЕЛЯ И ЕГО МАТЕРИ

ЧИКАГО. — 25 янв. — В городское бюро помощи явились сегодня 24-летний учитель Генри Арден и его 54-летняя мать, вооруженные револьверами. Они проникли в кабинет заведующего бюро мисс Боллар. Выстрелом в упор Арден смертельно ранил ее. Затем и он, и его мать начали стрелять, и среди ста служащих были тяжело ранены три. Мисс Воллас вскоре умерла от полученных ран. Сам Арден подбежал к матери, приложив револьвер к ее виску и выстре-

лил, а затем выстрелил себе в голову. Оба умерли моментально. Полиция бросилась тотчас же в квартиру мисс Арден и нашла там труп служащей бюро мисс Эрник, посланной для проверки по имени семьи Арден. Арден раньше получал пособие, но недавно были лишены его, и по их ходатайству к ним была отправлена мисс Эрник. Вся трагедия во власти объясняют безжалостным отчаянием Арден.

ВНЕЗАПНО СКОНЧАЛСЯ В. В. КУЙБИШЕВ

ВСЕ СОВЕТСКИЕ СТАНЦИИ МОЛЧАЛИ В ТЕЧЕНИЕ ЧАСА

МОСКВА, 25 янв. — Сегодня в 2.30 дня от разрыва сердца скончался заместитель председателя совнаркома, член политбюро и ЦКва, председатель Госплана Валерий Владимирович Куйбышев. Он должен был присутствовать в 6 ч. вечера на открытии съезда советов.

Открытие съезда отложено до поведельника. О том, что умер советский савромин, в Москве узнали в 6 часов вечера, когда вдруг было объявлено, что все радио-станции приостанавливают работу передачу на 30 минут. Затем программы радио были отложены еще два раза и вдруг военный оркестр начал играть по радио похоронный марш. О смерти Куйбышева было объявлено только в 12 часов ночи.

Со смертью Кирова и Куйбышева в Политбюро осталось только семь человек. Кандидатами состоят: Микоян, Чубарь (пред. украинского совнаркома)

стал в соц.-демократических организациях, в Омске. В 1905 году работал в Петербурге, присоединившись затем к большевикам. Был несколько раз сослан, но ему удавалось бежать. В 1917 году был председателем самарского губисполкома, участвовал в походе против Колчака, затем против туркестанских повстанцев. Был членом реввоенсовета, полпрезом в Бухаре (в 1921 г.), в 1922 г. был избран секретарем ЦК, в 1923 г. — председателем центральной контрольной комиссии, наркомом рабоче-крестьянской инспекции, с 1927 г. после смерти Дзержинского был назначен председателем высшего совета народного хозяйства, и выполнял главные задачи по разботке и осуществлению первой пятилетки.

ОГРАБЛЕНИЕ РУССКОГО
На углу 1 avenue и 4-я ул.

БЭТОН РУЖ ОБЪЯВЛЕН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

БЭТОН РУЖ, Луизиана, 26 янв. — Объявлено, что раскрыт заговор, имевший целью убийство сен. Лонга, губернатора Эдлена объявил столичку Луизианы на военном положении. В Бетон Руж отправлены отряды национальной гвардии из Нью Орлеана и других городов, и сам сен. Лонг поехал туда, чтобы руководить действиями войск, в случае новых действий со стороны его противников.

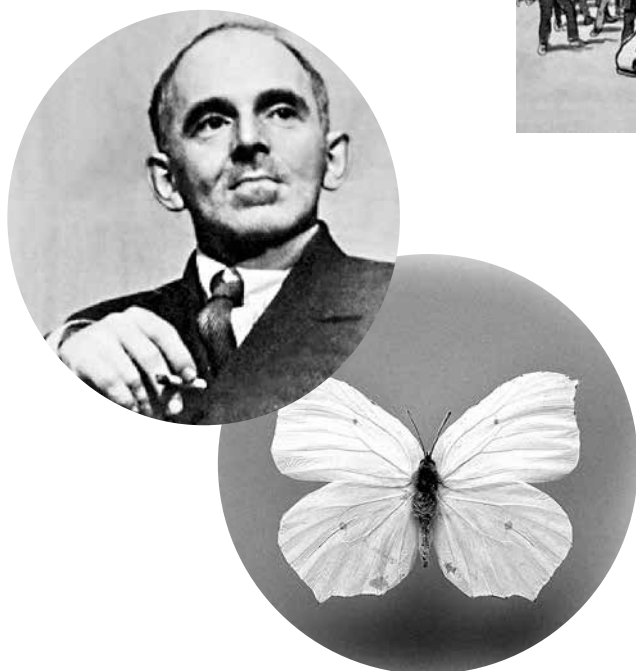
стала «армия», многие вооруженные ружьями, захватили здание суда, и угрозы властей пойти на уступки. Они добились освобождения одного из руководителей «армии» и отмены ордеров об аресте других.

СЫЩИКУ ДАЛИ ОРУЖИЕ ДЛЯ УБИЙСТВА ДОНГА
БЭТОН РУЖ, 26 янв. — Сыщик Склейд Сонга заявил, что шпIONS на деньги Лонга, сред-

[Е. Т.] А ТЫ что сделал?..
Плакат. 1926. Целью общества
Авиахим, образованного
в 1925 году, являлось содействие
развитию военной авиации
и гражданского воздушного флота.
Художник визуально цитирует
знаменитые вербовочные плакаты
Первой мировой войны —
от работы английского
художника А. Литта (1914)
до плаката Д. Моора
«Ты записался добровольцем?»
(1920)

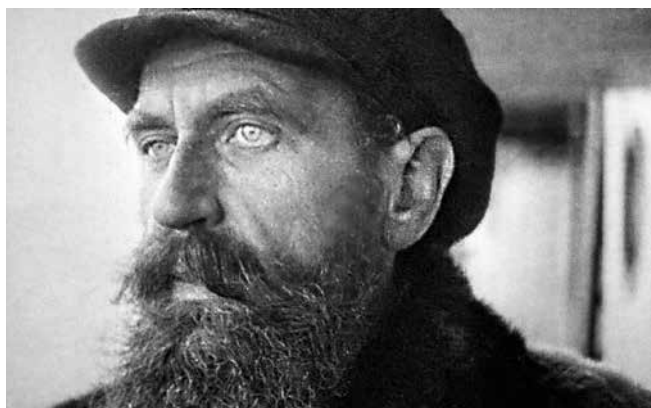
Осип Эмильевич
Мандельштам. Фотопортрет
работы Н.Г. Колли. Воронеж. 1935

Крушинница мучнистая
(*Gonepteryx farinosa*) — дневная
бабочка из семейства белянок
(*Pieridae*)

Памятник жертвам
авиакатастрофы — военным
летчикам, разбившимся летом
1930 года во время испытания
новой техники по маршруту
Воронеж — Оренбург

О.Ю. Шмидт — начальник арктической экспедиции, член-корреспондент АН СССР. Фото 1930-х

Пароход «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул в течение двух часов 13 февраля 1934 года. Экипаж и пассажиры (104 человека) успели выгрузиться на окружающие льды

Самолет спасателя «челюскинцев» Анатолия Ляпидевского после приземления в бухте Провидения. Летчик первым обнаружил лагерь челюскинцев 5 марта 1934 года

Столетний интервал завершения двух «Памятников» (21 августа 1836 — пушкинского и 21 августа 1936, зафиксированная Рудаковым дата работы над НМББ), по-видимому, осознавался Мандельштамом как знаменательный. В своем стихотворении Мандельштам пересматривает существенные взаимоотношения с народом и властью, что приводит к усилению в его поэзии ранее не свойственного ей гражданского пафоса¹⁶¹.

Подтексты и комментарии

О методологии: в этом разделе я счел возможным указать ряд поэтических цитат, являющихся в строгом смысле не *подтекстами* (в терминах школы К.Ф. Тарановского), но типологическими параллелями (включая несколько источников из эмигрантской поэзии, с которой Мандельштам вряд ли был знаком — и не смог познакомиться бы в силу исторических обстоятельств, даже если бы захотел). В подобных случаях, как правило, я старался придерживаться хронологических рамок, релевантных для анализируемого стихотворения, а именно: ограничиваться текстами, написанными до 1936 года, по возможности избегая, как элегантно сформулировал по другому поводу В. Зельченко, ловушки литературоведа, чтобы не увлекаться вопросом «читал или не читал» автор тот или иной текст, избрав предметом анализа «не “точечные” явления, а механизм символического осмысления повседневной детали, иначе говоря — истори[ю] топоса...»

1. Не мучнистой бабочкою белой

Сравнение с куколкой бабочки у Мандельштама могло быть вызвано увиденными забинтованными телами обгоревших в катастрофе летчиков; в более отдаленной перспективе на эту ассоциацию его могли привести египетские мумии¹⁶² (при бальзамировании на тело усопших фараонов накладывали бинты в строго определенной последовательности).

В отсутствие доказательств вечной загробной жизни остаются артефакты в виде музейных экспонатов и книг, пережившие своих владельцев и создателей. Поэт, подобно летчику-герою или гусенице в процессе ее метаморфозы в бабочку, должен принести себя на жертвенник всеожжения, «сгорев» на боевом посту.

Образ летящей навстречу огню бабочки — из заключительных строф стихотворения Гёте «*Selige Sehnsucht*» («Блаженная тоска»), где человек назван временным гостем на Земле:

Keine Ferne macht dich schwierig,
Kommst geflogen und gebannt,
Und zuletzt, des Lichts begierig,
Bist du Schmetterling verbrannt,

Und so lang du das nicht hast,
Dieses: Stirb und werde!
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde¹⁶³.

Мандельштам неоднократно возвращался к попыткам фиксации тактильных ощущений от прикосновения к тельцу или крыльям насекомого. Определение «мучнистая» позволяет идентифицировать принадлежность бабочки к так называемой мучной моли¹⁶⁴. Внешние атрибуты дневной бабочки-капустницы привлекли внимание Мандельштама уже в «Египетской марке» (1927–1928): «робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница»¹⁶⁵. В поездке на Кавказ, судя по пассажиру из «Путешествия в Армению» (1933), Мандельштам изучал местную экзотическую фауну, где, скорее всего, подглядел не прозаическую капустную белянку, а крушинницу мучнистую (*Gonepteryx farinosa*) из того же семейства — с двумя характерными точками на крыльях, которые назвал «глазастыми»:

Длинные седые усы этой бабочки имели остистое строение и в точности напоминали ветки на воротнике французского академика или серебряные пальмы, возлагаемые на гроб. Грудь сильная, развитая в лодочку. Головка незначительная, кошачья.

Ее глазастые крылья были из прекрасного старого адмиральского шелка, который побывал и в Чесме, и при Трафальгаре.

И вдруг я поймал себя на диком желании взглянуть на природу нарисованными глазами этого чудовища¹⁶⁶.

Когда Мандельштам характеризует крылья бабочки как сделанные из «адмиральского шелка», то имеет в виду не только фактуру ткани¹⁶⁷, но и ее энтомологическое название — *Vanessa atalanta*, по-русски — адмирал¹⁶⁸. Темно-бурый окрас с оранжевыми врезками напоминает гамму, в которой на самом деле были выдержаны парадные военные мундиры конца XVIII века, как можно убедиться по портретам героя Чесменского сражения адмирала Г.А. Спиридова и адмирала Ф.Ф. Ушакова — оба кисти неизвестных художников (последний находится в собрании Государственного Эрмитажа). Передние крылья у самцов крушинницы на верхней стороне покрыты оттопыренными чешуйками, которые производят эффект мучного налета. Бабочки этого вида водятся на Малом Кавказе, Армянском нагорье и на южных склонах Мегринского хребта. Очевидно, что во время армянского вояжа в сознании Мандельштама возникла символическая связь между

ритуализацией смерти и торжественной окраской бабочки, а также некоторыми анатомическими особенностями чешуекрылого (усики, напоминающие возлагаемые на гроб украшения). Именно этот смысловой мостик маркирует начало апофатической конструкции в НМББ.

Образ бабочки/мотылька появляется у Мандельштама несколько раз — непосредственно перед (в стихотворении «О бабочка, о мусульманка...»; ноябрь 1933 — январь 1934) и во время работы над воронежским циклом (в двойчатке НМББ, помеченной в рудаковском списке 19 июля 1935: «И ночной мучнистый мотылек»). В итоговом беловике мотылек стал бабочкой, но имплицитное сравнение белой пыльцы («заемного праха») с мукой сохранилось¹⁶⁹.

Метаморфоза *личинка > гусеница > куколка > имаго* подразумевает поэтапную трансформацию физической формы, но кульминация этих метаморфоз — духовно-религиозная: бабочка в античной мифологии символизирует душу — Психею (*Psyche*)¹⁷⁰. Согласно предположению Омри Ронена, толчком для развития метафорической цепочки превращений Мандельштаму мог послужить пассаж из сочинения Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности» (1905)¹⁷¹:

Гусеница обращается в куколку и долгое время живет в теплом и покойном мире. Если бы она обладала человеческим сознанием, может быть, она сказала бы, что ее мир есть лучший из миров, даже единственно возможный. Но приходит время, и какая-то неведомая сила *заставляет ее начать работу разрушения*. Если бы другие гусеницы могли видеть, каким ужасным делом она занимается, они, наверное, возмутились бы до глубины души, назвали бы ее безнравственной, безбожной, заговорили бы о пессимизме, скептицизме и т. п. вещах. Уничтожить то, созидание чего стоило таких трудов! И затем, чем плох этот теплый, уютный, законченный мир! Чтобы отстоять его, необходимо выдумать священную мораль и идеалистическую теорию познания! А до того, что у гусеницы выросли крылья и что она, прогрызши свое старое гнездо, вылетит в вольный мир нарядной и легкой бабочкой — нет никому дела.

Крылья — это мистицизм, самоугрызение же — действительность. Те, которые создают ее, достойны пытки и казни. И на белом свете достаточно тюрем и добровольных палачей: большинство книг тоже тюрьмы, и великие писатели нередко были палачами¹⁷².

Парадокс, по Шестову, состоит в том, что любому созидательному процессу неизбежно сопутствует «работа разрушения», а для того, чтобы убедиться в благах посмертной метаморфозы, для начала необходимо покинуть телесную оболочку и освободить сознание от оков физического существования. «Позвоночное тело» неизбежно станет добычей червя, внешне похожего на гусеницу из отряда чешуекрылых, хотя к бабочке отношения не имеющего. Стадии разложения погибших солдат перечислены в стихотворении Лермонтова «Могила бойца» (1830):

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

— ср. «Есть женщины, *сырой земле* родные...» (1937). Вопрос «Кто гниет в сырой и теплой яме?» задан в мандельштамовском переводе (1924) стихотворения Макса Бартеля «Неизвестному солдату» («Alles Schwere, was auf meinen Händen lastet...»); военное кладбище там описывалось как **сад смерти**: «Или там, где наблюдает мать / Сыновей могучее цветенье», вполне в русле лермонтовской традиции с ее типологически скупой солдатской могилой: «Над ним бугор насыпан был, / Зеленый дерн кругом»¹⁷³. Спустя столетие строки о свершивших подвиг отозвались в «Балладе о мертвом комиссаре» (1934) Кирсанова, описывающей дырявый череп павшего геройской смертью, через который сквозит свет и прорастают острые корни и сорняк:

Надо лбом комиссара волк провыл, —
ну и горе!
Прямо в сердце ему заразихи-травы
опустился корень¹⁷⁴.

2. В землю я заемный прах верну

В русской поэтической традиции «возвращение праха» Создателю преемственно по отношению к библейской литературе; впервые формула прозвучала в приговоре Бога Адаму (Быт. 3:19). Связь человека с почвой в древнееврейской теологии подкреплена также этимологически (слова «человек» [*adam*] и «земля» [*adama*] практически омонимы): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2,7); «<из> праха земного» (Пс. 103:14); в Книге Экклезиаста: «Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?» (3, 20–21); «И возвратится прах в землю, чем он и был» (12, 7).

В стихах «На смерть князя Мещерского» (1779) Державин писал, что слава, как и стремление к ней, и даже память о мужестве, — преходящи; монарху и его узнику уготована одна участь — им обоим предстоит стать «снедью червей»:

Сегодня Бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?¹⁷⁵

— на что Мандельштам откликнулся своим парафразом: «Сегодня — ангел, завтра — червь могильный» (<Стихи к Н. Штемпель>, 1937). В полемике с Державиным современник Мандельштама пошел еще дальше, отказав человеку в образе и подобии Творцу и сравнив жалкое существование людей с земляными червями (Мандельштам этих стихов читать не мог):

Не Бог, а жалкий червь. Комок навоза,
Вздыхающий о дальних небесах.
Не небеса, а бочка водовоза,
Нелепая случайность, гибель, прах.

А.П. Ладинский. «Не Бог, а жалкий червь. Комок навоза...»
(1935)

Впрочем, на заре воздухоплавания пилоты еще представлялись членами особой касты летунов, поправших законы природы. В поэме «Грозою дышащий июль» (1915) частого собеседника Мандельштама и одного из прототипов главного героя «Египетской марки» В. Пяста летчики Петр Нестеров и Ролан Гаррос¹⁷⁶ — трагические избранники. Французский авиатор пополняет у Пяста пантеон полубогов вслед за русским основоположником высшего пилотажа, а газетное сообщение о его преждевременной гибели (следующие две строфы в кавычках) передается языком героического эпоса:

Он на своем аэроплане
Летел и, встретив цеппелин,
Его, играя, протаранил,
Стихии нежной властелин.

И газа пламенного взрывом
Отброшен ввысь, погиб герой, —
Пав метеором горделивым,
И воссияв векам звездой.

Гарро Господь хранит доныне,
И этот подвиг совершен
Не им в воздушной был пустыне, —
То сделал Нестеров, не он.

Но летчик доблестный — в ответе ль,
Что не сулил погибнуть Бог? —
Сам миф о подвиге — свидетель,
Что совершить его он мог¹⁷⁷.

В «Смерти авиатора-героя Нестерова» Н. Тихонова инцидент описывается лексемами, близкими к использованному Мандельштамом в НМББ:

Порвалась жизнь с широким взмахом
Победоносных крыл,
Пускай он пал мгновенно прахом,
Он пал, но победил.
Земле он отдал все земное,
Но дух остался там,
За этой гранью голубую
Парить по сторонам¹⁷⁸.

«Воздушная могила» в «Стихах о неизвестном солдате» отсылает у Мандельштама не только к погибшим авиаторам из современной действительности, но вообще к мифопоэтическому сюжету «гибели в воздухе» — от Лермонтова до Гумилева («Орел», 1909)¹⁷⁹. Словосочетание «великолепная могила» в финале гумилевского текста, в свою очередь, является цитатой пушкинского стихотворения «Наполеон», где — что важно для контекста НМББ — также описываются торжественные военные похороны государственного уровня:

Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал...

Взлеты и падения гордых пернатых описаны русскими поэтами многократно: неподвластная законам природы птица покоряет небо — «Высоко от тщеты земной, / Вознесся праху неподвластный» (в «Орле» А.А. Голенищева-Кутузова) или стремительно пикирует вниз — «Камнем он с неба низринулся в прах» (П.Ф. Якубович)¹⁸⁰.

Жест возвращения¹⁸¹ человеком Богу **заемного праха** ставит НМББ в один ряд со стихами Мандельштама воронежского периода «о вечном круговороте жизни и смерти»¹⁸².

Эта топика с вариациями занимала русскую поэзию на протяжении всей первой четверти XX века:

Не уйти нам от теплой плоти.
От нашей тяжелой земли.
Кто уйдет, все равно вернется,
Только ноги будут в пыли.

И. Эренбург. «Не уйти нам от теплой плоти...»
(1919)¹⁸³

Из желтой глины, из праха, из пыли
Я его вылепил.
Я создал его по своему подобию,
Плоть и кровь ему дал.
Я сделал ему короткие ноги,
Чтоб, земной, он крепко на земле стоял.

И. Эренбург. «Из желтой глины, из праха, из пыли...»
(1922)¹⁸⁴

В рассматриваемом метафорическом кластере душа, заключенная в темницу тела, воспринималась наподобие временной «гостьи» в физическом мире (идея, восходящая к гностикам):

И я пошел, не слыша ног,
Бежал, хватая ветра гроздь.
И понял: дух мой одинок,
Душа моя — не прах, а гостья.

С.В. Барт. «Опять крылом взмахнула ночь...» (1934)¹⁸⁵

Разновидность путешествия «воздушной души» в мир потустороннего, когда тело живого, но спящего человека уподобляется мертвецам:

Засни и в миг душой воздушной
В сады беспечные войди.
И тело спит, как прах бездушный,
И ручка дремлет на груди.

Д. Хармс. «Засни и в миг душой воздушной...» (1935)¹⁸⁶

Называние разлагающейся субстанции возвышенным «прахом» позволяет поэту в какой-то мере отстраниться от экзистенциального ужаса смерти (тело — как будущая пища для червей, не взирающих ни на славу мертвеца, ни на обилие цветов на могиле):

Мой прах осенили гранит и металл,
И тонны цветов расцвели и завяли,
И мальчик о воинской славе мечтал,
И девушки памятник мой рисовали.

А.А. Штейнберг. «Могила неизвестного солдата» (1932)

А мать уходит. Горбатым жуком
В страшную пропасть этажной громады,
Как в прах. Как в гроб. Шажок за шажком.
Моя дорогая, заплакана маты...

И.Л. Сельвинский. «Портрет моей матери» (1933)¹⁸⁷

Терапевтическая вера во второе пришествие или судный день победила институт советской цензуры. Восстание из праха и реинкарнация — мотив, как понятный для воцерковленных, —

Трехсолнечный свет и нет страха,
Восстану в час судный из гроба.
Извергнет земная утроба
Останки сожженного праха.

Е.Ю. Кузьмина-Караваева.

«Трехсолнечный свет и нет страха...» (1933)¹⁸⁸

— так и допустимый (как ни парадоксально для атеистической поэзии) среди советских версификаторов тридцатых годов:

В полночный час, в глубокий мрак,
Вздымая сырь и смрад,
Могилы братской сбросив прах,
Встает лихой солдат.

В.Н. Афанасьев. «Баллада о мертвом солдате»

(1934–1936)¹⁸⁹

Последние строки могут являться вариацией «Ночного смотра» (1836) Жуковского, где мертвые солдаты в полночь встают из могил — правда, не на страшный суд, а чтобы предстать перед своим генералом (Наполеоном):

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту...

В НМББ Мандельштама просматриваются сразу несколько наслаивающихся друг на друга подтекстов и стихов с типологическими мотивными переключками с общим сюжетообразующим мотивом героизированной «рыцарской» смерти.

3. Я хочу, чтоб мыслящее тело

Я хочу применительно к телесному вторит призыву в стихотворении Луговского: «Я хочу, чтоб череп к позвонкам прирос!»¹⁹⁰. Тело уподобляется

у него авиационному ангару¹⁹¹, из которого угасающее сознание рвется наружу: «Как стена ангара, выгнулось ребро, / Яростное сердце падает в ведро»¹⁹². Метафора, основанная на анатомии, в свою очередь, обязана происхождением «Облаку в штанах»: «Дайте о ребра опереться. / Выскочу!».

Второй стилистически близкий источник фразы «Я хочу» (очевидного в русской и советской поэзии клише¹⁹³) также из Маяковского — это рефрен стихотворения «Домой!» (1925):

Я хочу,
 чтоб над мыслью
 времен комиссар
с приказанием нависал...

...Я хочу,
 чтоб в конце работы
 завком
запирал мои губы
 замком.

В образе закрываемых на замок губ в стихотворении Маяковского Мандельштам мог узнать и приветствовать попытку диалога с написанным им самим — «И губы оловом зальют» («1 января 1924»), апеллируя к образам металла — твердого и ковкого (конечный продукт: *замок*) или горячего и легкоплавкого (*олово, сталь, чугун* и т. д.). Текст «Домой!» местами почти дословно предвосхищает панегирическое «Великий Сталин наш — той стали / сталевар» [в мандельштамовском наброске версии стихотворения «Обороняет сон мою донскую сонь...»; 1937] —

С чугуном чтоб и с выделкой стали
о работе стихов, от Политбюро, чтобы делал доклады Сталин.

За минувшее десятилетие, разделившее два текста, троп «Сталин — сталевар» успел превратиться в клише, поэтому назвать его сознательной реминисценцией из Маяковского нельзя.

«Мыслящее тело» в мнемоническом репертуаре читателя русской поэзии должно почти автоматически вызвать сочетание «мыслящий тростник» из стихотворения Ф.И. Тютчева. В эру пилотируемого воздухоплавания разбег «от земли до крайних звезд»¹⁹⁴ актуализирует текст XIX века на фоне неустаревающего противостояния *моря-хора* и *тростника-индивида*. Подобно тому, как предшественник мучительно переживал разлад с хором, советский поэт в середине 1930-х пытается нащупать связь и общий язык с Homo Sovieticus. Парадигму противостояния Мандельштам наметил еще в ранней статье «Пушкин и Скрябин» («Мы требуем хора, нам

наскучил ропот *мыслящего тростника*»¹⁹⁵) и в «Шуме времени».

4. Превратилось в улицу, в страну:

Процесс любой метаморфозы, главным образом идеологической в рамках искусства социалистического реализма, созвучен перековке сознания — большевики должны «закаляться как сталь», перерождаясь в качественно новую человеческую породу: «Привет удивительному племени советских летающих людей» — выразил Л. Леонов общую реакцию представителей литературного цеха на подвиг пилотов, спасших челюскинцев¹⁹⁶.

Смерть лишает героев-летчиков физической оболочки, но преодоление границ воздушной стихии как будто обеспечивает переход в метафизическое измерение или мемориальное пространство в виде существования в памяти следующих поколений. Схожим образом удостоившийся народной славы поэт продолжит «жить» после смерти в заученных наизусть потомками текстах, в городской топографии или в названных в честь героев кораблях и самолетах — как у Маяковского:

...чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

«Товарищу Нетте, пароходу и человеку» [1926]¹⁹⁷

— или М. Исаковского:

Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела. <...>
Запомни — цель одна...
Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты, — слеп и глух, —
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню, — вслух.

«У мавзолея Ленина» [1935]

Под влиянием мандельштамовской шутки «Это какая улица?» [1935] строки о метаморфозе тела в улицу прочитывались рядом исследователей буквально — как авторская интенция в духе переназывания улиц¹⁹⁸. Однако нет оснований полагать, что Мандельштам при этом имел в виду собственное имя в будущем уличном справочнике среди фамилий героев революции и политических деятелей¹⁹⁹. Что возможно в стихотворении на случай, выглядело бы неприемлемо в НМББ — скорбном произведении о похоронах жертв катастрофы. Именно поэтому после первой строфы

происходит переключение режима повествования и авторское «я» полностью вытесняется.

Картографическое переписывание «тела в страну» (фамилии в название города) — зеркально рифмуется с позже снятым посвящением. Город Самара был переименован в честь Куйбышева в январе 1935 года, сразу после смерти этого партийного деятеля²⁰⁰. О переименовании Вятской губернии в Кировский край, существовавший в качестве административно-территориальной единицы в 1934–1936 годах в составе РСФСР, написала А. Адалис в поэме, которую Мандельштам, как высоко оценивший первый сборник поэтессы, должен был прочитать:

Человеком ты кончил быть, —
Будь же тысячами людей!
Встать и выпрямиться не мог.
Завоеванного не сдал:
В усыпальницу пеплом лег, —
Целым Кировским краем встал!²⁰¹

5. Позвоночное, обугленное тело

Морфологический образ позвоночника как модели сцепления столетий сложился у Мандельштама задолго до НМББ: «И свою кровью склеит / Двух столетий позвонки»; «Но разбит твой позвоночник, / Мой прекрасный жалкий век» («Век», 1922); «Дети играют в бабки позвонками умерших животных» («Нашедший подкову», 1923); «Могучий некрещеный позвоночник, / С которым проживем не век, не два!» («Сегодня можно снять декалькомани...», 1931).

«Позвоночное тело» должно напомнить, с одной стороны, о научных классификациях Линнея, Ламарка и Гёте²⁰², а в поэзии о «Флейте-позвоночнике» (1915) Маяковского, где ад длинных улиц («Версты улиц взмахами шагов мну») погружается в атмосферу страшного веселья, обставленного физическими пытками:

Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике²⁰³.

Военные похороны подводят автора НМББ к размышлениям о судьбе и предназначении поэта в советской действительности, и, по-видимому, в какой-то пафосной точке он сближает процесс письма на грани нервного

срыва с катастрофической миссией летчиков. Летающий человек сопротивляется косной природе «рожденного ползать» [«Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!..»; М. Горький. «Песня о Соколе», 1899]. В контексте 1930-х годов общее место в поэзии символистов — падение, распад и разрыв — Мандельштам корректирует с точки зрения социальной и исторической необходимости восстановления разорванной нити времен — будь то собирание осколков, стертых подков, окаменелых зерен, древних монет или сочинение рецензии на сборник социалистической лирики. Обязанность к действию ложится на современных литераторов — и память потомков становится гарантией непрерывности связи между поколениями²⁰⁴.

Генезис метафоры «обугленного тела» — в эпатажной авиационной поэзии 1910-х годов, прежде всего Михаила Зенкевича («Лазурью обугленный стержень метеора»). Подробные описания инцидентов с воздушными суднами заполнили российскую периодику на начальном этапе развития авиации. Графические и поданные с излишним физиологическим натурализмом подробности о погибших в авиакатастрофах проникли одновременно в поэзию:

Все ждешь — свихнувшийся с зубцов уступа
Мотор, застопоривший наверху,
Низринется горбом на плечи трупа
В багряную костистую труху.

[«Мертвая петля», 1915]²⁰⁵

На труп противника спланировал к земле
С *переломленным позвоночником* мертвый Нестеров...

[«Авиареквием», 1918]²⁰⁶

После скорости *молнии* в недвижимом покое
Он лежал в воронке в обломках мотора, —
Человеческого мяса дымящееся жаркое,
Лазурью обугленный стержень метеора.

[«Смерть авиатора», 1922]²⁰⁷

— и в прозу: «На землю [пилот] больше не вернулся. То, что, крутясь, низверглось с высоты и тяжестью раздробленных костей и мяса вдавилось в землю, уже не было ни он, ни человек — никто. Тяготение земное, мертвый закон тяжести сдернул его с неба, сорвал и бросил оземь...»²⁰⁸

В письме к Н.Я. Мандельштам из тамбовского неврологического санатория, датированном концом 1935 г., обнаружим неожиданную биографическую подоплеку к активизации метафоры сгоревшего позвоночника в недели работы над текстом НМББ:

Здесь живут бригадиры и трактористы, испортившие сердце, *два-три летчика*, учителя. <...> Ежедневно *сосновые ванны* и два вида электризации через день: «франклин» и *электризация позвоночника*²⁰⁹;

«Ванны ежедневно. *Электричество* тоже»²¹⁰.

Настроенный по отношению к провинциальным тамбовским врачам крайне подозрительно, лежащий во время процедуры в заполненной хвойной водой ванне (формой напоминающей гроб) пациент вытесняет болезненные страхи в подконтрольную ему область — поэзию. Обугленные торсы погибших летчиков Мандельштам (хотя «электризация», разумеется, не предполагает сожжения), возможно, примеряет к собственному позвоночнику, который может «перегореть» от случайного электроразряда, одновременно помня о страшном пассаже в «Петербурге» А. Белого:

...будто садишься в нарзанную холодную ванну и углекислота пузырьками по коже — щекочет, пульсирует, бегают — все быстрее, быстрее, так что если замрешь, то биения, пульсы, щекотка превращаются в какое-то мощное чувство, будто тебя терзают на части, растаскивают члены тела в противоположные стороны: спереди вырывается сердце, сзади, из спины, вырывают, как из плетня хворостину, собственный позвоночник твой; за волосы тащат вверх; за ноги — в недра...²¹¹

6. Сознющее свою длину.

Тему «посмертной длины» и насилия над телом («укорачивание» жизни смертью) поднимает Асеев:

*Меня уложили на ложе Прокрустово
в каком-то безвыходном сонном краю.
Я смирно лежал и тихонько похрустывал,
и — больше не в силах — встаю и пою!*²¹²

— вероятно, вслед известному экспромту Маяковского²¹³. (Независимо от Мандельштама см. также в «Могиле неизвестного солдата» [1936; опубликовано позже] И. Сельвинского: «На Курфюрстенштрассе в гранитной сажени / Протянуто тело солдата»²¹⁴).

Прояснить смысл этой строки можно, обратившись к другим произведениям поэта, где, как это часто бывает у Мандельштама, одна и та же метафора у него варьируется и в развитии постепенно привносятся смысловые нюансы. В стихотворении «Рояль» (1931) звучит мотив «выпрямления» мертвого тела —

Чтоб смолою соната джина
Проступила из позвонков,
Нюрнбергская есть пружина,
Выпрямляющая мертвецов.

— где посмертный рост художника-спасителя, по предположению О. Ронена, представляет собой переработку гоголевского образа наследственного, родового греха в «Страшной мести»: «выросший в земле великий, великий мертвец»²¹⁵. С Роненом спорит Г.А. Левинтон, который полагает здесь более важным мотив не роста, а выпрямления (ср. поговорку «Горбатого могила исправит»). Топоним «Нюрнбергская», как отметил ученый, «видимо, связывается у Мандельштама с темой смерти, казни, террора», а эпитет *нюрнбергский* восходит к тексту Ф. Сологуба²¹⁶, где возникает яркий образ переломленного мечом позвоночника:

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

«Нюрнбергский палач» (1907)

Представляется, что правы оба: О. Ронен и Г.А. Левинтон, и НМББ является именно синтезом двух перекликающихся и взаимодополняющих мотивов роста и выпрямления *postmortem*, заявленных Мандельштамом еще в ранней статье «Скрябин и христианство»: «Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено <...> сказочный *посмертный рост* художника в глазах массы»²¹⁷.

Н.И. Дементьев (см. о нем выше в гл. «В поисках концовки») угодил в героинекрологической лирики Багрицкого: в «Разговоре с комсомольцем Дементьевым» (1927) есть фраза о теле, положенном в могилу и истлевающим «от глотки до ног». В этом диалоге из загробной жизни между автором и его адресатом упомянуты книжки поэтов-современников (Тихонов, Сельвинский и Пастернак), тлеющие рядом в походной сумке убитого, — их постепенно исчезающий типографский набор становится похожим на разбегающихся муравьев, а тела и одежда мертвецов органично сливаются с землей, питая и насыщая собой траву на могиле:

Не дождалась гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет... <...>

Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеклась,
И книги лежат... <...>

— Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат!
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах
Буквы муравьями
Тлеют на листьях...

В автометаописательном измерении НМББ образ «тела, сознающего свою длину» связан с *длиной* (количество стоп) как формальным признаком силлабо-тонического стихосложения, в котором *тело* (*corpus*) равноценно поэтическому тексту, обретающему после ухода автора бессмертие.

7. Возгласы темно-зеленой хвои

Какой именно звук должен мысленно воспроизвести читатель НМББ, подсказано собственно формой венка: круг из хвои и окружность колодца иконически воспроизводят начертание буквы «О» (к тому же ударного звука в словах *возгласы* и *хвои*²¹⁸). Умножением в текстовом наборе этой гласной передается стон или протяжный крик («о-о-о»). Про потенциал «зияющего» звука рассуждал Хлебников: «относительно **О** <...> можно сказать, что стрелки [ее] значений направлены в разные стороны» и придают словам «обратные значения»²¹⁹.

Синестетический и смысловой обертоны «возгласов» включают несколько эффектов:

- (а) могут передавать остроту колющих хвойных игл;
- (б) могут подразумевать ламентации в надписях на лентах;
- (в) могут вводить «шумовую завесу» звуков духового оркестра при возложении венков на могилу или похоронный плач сопровождающих катафалк.

В поздней мандельштамовской поэтике «возгласы хвои» соотносятся с семиотической моделью разновекторных смысловых траекторий, как сказано в «Разговоре о Данте» («Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны»). Хвойная ветвь вписывается в эту парадигму

на тактильном уровне: в результате перед читателем воспроизводится метаописательная модель (или, прибегая к лотмановскому языку, «моделирующая система») художественного текста, каким его понимал автор в 1930-е годы.

Сенсорный контакт с хвоей через иглы и уколы в стихах о смерти ассоциируется Мандельштамом с похоронным мотивом вослед Пастернаку:

Твой обморок мира не внес
В качанье венков в одноколке,
И пар обмороженных слез
Пронзил *нашатырной иголкой.*

И марш похоронный роптал,
И снег у ворот был раскидан,
И консерваторский портал
Гражданскую плыл панихидой.

Б. Пастернак. «Еще не умолкнул упрек...» (1931)

В слове «одноколка» (т. е. двухколесный легкий экипаж с одной осью), которое рифмуется с «иголкой», у Пастернака различимо смысловое мерцание внешнего воздействия, описываемого глаголом *колоть*; в то время как синестезия Мандельштама, связанная с речевым аппаратом («возгласы»), рассчитана на стимулирование у читателя внутреннего «колющего» эффекта наподобие ощущаемого от пузырьков газированного напитка; ср.: «В *игольчатых* чумных бокалах...» (ноябрь 1933, июль 1935), где бокал для шампанского представляет собой сосуд и еще одну вариацию отравленного (чумного) колодца.

В основе сюжетного поворота второй строфы НМББ — ритуальные причитания пришедших проводить покойного в его последний путь. В рамках эпитафийного жанра «возгласы» (атакующие акустическое пространство, как острые иглы хвои²²⁰, которые покалывают кожу при касании с венком) могут относиться к словам скорби по умершему, клятве верности общему делу либо к украшающим цветы надписям. Иными словами, *возгласы* включают в себя не только вербализацию, но и письменный текст. Прощальные слова на перевязи иногда сокращались или вовсе заменялись аббревиатурами, позволявшими идентифицировать представителей подносящей могильный венок институции —

И уснул я без галлюцинаций,
белый и холодный, как клинок.
От общественных организаций
поступает за венком венок.

Б.П. Корнилов. «Без тоски, без грусти, без оглядки...»
(1933)

Надписи на надгробных камнях и памятниках, зачитанные вслух, проходят по ведомству акустики. Воспроизведенный по-итальянски надгробный инскрипт у Блока —

Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.
«Равенна» (1909)

— по звучанию сравнивается с тембром медного духового музыкального инструмента, используемого на похоронах и поминках:

Комиссар сказал: «Челдон,
Принимаю смерть...
Обо мне Москва и Дон
Будут песни петь,

*На беседах, на собраниях
Будет плакать медь.
О моей разлуке ранней
Будет гром греметь!»²²¹*

Вышитые на ткани знамен (но не артикулируемые в тексте) надписи могут демонстрировать коммуникативный акт как таковой:

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье.
Н. Полетаев, «Красная площадь» (1918)

Более радикальный случай — отсутствие как надписей, так и самого тела, сгоревшего в результате катастрофы или преданного печи крематория:

Принят прах — не крематорием,
Не Ваганьковом, безвестно чей,
Без надписи *in memoriam*,
Без венков, но и без речей.
В.А. Меркурьева. «Мои́ла неизвестного поэта» (1933)²²²

8. С глубиной колодезной венки

Диаметр колодезной шахты — еще один заполненный темнотой круг в тексте НМББ (подробнее об обручах, кольцах, круглых венках см. в комм. к строкам 11–12). Стенки ствола колодца обрамляют невидимое дно

вертикальной скважины. Черную дыру можно рассматривать как разновидность апокрифической пещеры или подземелья, которая, в свою очередь, генерирует трансцендентные смыслы, связанные с переходом в иное измерение (направление вглубь указывает на смерть или ворота в мифологический Ад). Цветы и колодец упомянуты в финале Книги Екклесиаста вместе с образом миндального дерева, этимологически связанным с фамилией поэта: «И *высоты* будут им страшны, и на дороге ужасы; и *зацветет миндаль* (Mandel) <...> Доколе... <...> не обрушилось *колесо над колодезем*» (Еккл., 12, 5–6). В культуре и фольклорных текстах темный колодец обычно сопряжен с роковой опасностью:

Дней колодезная глубина.
Нам ли серые глаза струй черпать —
Кровь сентябрьская рябина,
Ведро *человеческий череп*.

А.Б. Мариенгоф. «Слепые ноги» [1919]²²³

Из множества примеров, когда образ колодца выполняет дихотомическую функцию (прежде всего в мифологических текстах²²⁴) соединения посю- и потустороннего, к началу 1930-х относятся строки П. Васильева: «В кувшин с колодезною темью и / В большое небо родины»²²⁵ и его же:

Заря боярская, холопья,
Она хранит крученый дым,
Колодезную темь и хлопья
От яростных кремлевских зим.
Прими признание простое:
Я б ни за что сменить не смог
Твоей руки тепло большое
На плит могильный холодок!
Нам жизнь любых могил дороже,
И не пойдем ни я, ни ты,
За что же мертвецам, за что же
Приносят песни и цветы?

П.Н. Васильев. «Посещение Новодевичьего монастыря»
[1932]

Венок — структурообразующий для НМББ образ. Как предмет ритуального обихода, с одной стороны, он связан с мемориальным измерением текста о смерти и возрождении; с другой стороны, замкнутая форма круглого венка миметически подражает циклическому устройству всего стихотворения. Как видно по ряду текстов, непосредственно предшествовавших созданию НМББ, в русской поэзии за венком закрепились два основных вида коннотаций.

(1) Венок как праздничное украшение. В стихотворении Хармса из венка на крыле самолета выпадает на мостовую цветок (жест замещения падения пилота) под звуки литавр и пальбу пушек:

Ты среди первых будешь первым.
Ликует мир. Не в силах нервам
Такой музыки слышать стон,
И рев толпы, и звон литавров,
Со всех сторон венки из лавров,
И шапки вверх со всех сторон.
Крылами воздух рассекая,
Аэроплан парит над миром.

<...>

*Куда идти? Куда бежать,
Когда толпа кругом грохочет
И пушки дымом вверх палят?*²²⁶

Д. Хармс. «Обращение учителей к своему ученику
графу Дэкону» (1934)

Свитый руками головной убор, венки — частый аксессуар любовной лирики²²⁷, но для НМББ гораздо важнее другие коннотации: (2) венки **как обрядовый элемент похоронной церемонии**. Материал, из которого изготавливались ритуальные украшения, мог быть разным. Из натуральной хвои —

Готовьте,
 готовьте
 брата и сына,
плетите
 горы
 траурных венков.

Слышу,
 чую
 запах бензина
прущих
 танков
 и броневиков.

В. Маяковский. «Костоломы и мясники» (1928)

Так печален и тих городок,
Так высокий спокоен собор.
А кругом, как *могильный венки*,
Темно-синий раскинулся бор.

А.С. Штейгер. «Я сегодня как будто ослеп...» (1932)

Как травы и вербы плакучи!
Ты кем, лебеденок, замучен
Под хмурым *еловым венком*?
Не все еще песни допеты,
Дописаны зарью портреты
Опаловым лунным лучом!

Н.А. Клюев. «Над свежей могилой любви...» (1933)

— или быть искусственного происхождения: из жести, меди и реже — крашеной бумаги:

Я не куплю воскресного *венка*
у кладбища, *из розоватых стружек* —
ведь под апрельским дерном бугорка
нет у меня ни матери, ни мужа.
Но я люблю забвенные кресты
и надписей беспомощные скорби.

О.Ф. Берггольц. «Я не куплю воскресного венка...» (1928)

Качаются *железные венки*.
Ты, верно, слышишь, как они скрежещут
Раскаяньем?..

М.С. Петровых. «Ранняя утрата» (1929)

Их положат вперемешку, вместе —
к телу собирается народ,
жалко — большинство *венков из жести*, —
дескать, ладно, прах не разберет.

Б.П. Корнилов. «Без тоски, без грусти, без оглядки...»
(1933)

В русской, а позже советской поэзии венок как троп устойчиво ассоциировался со смертью и подведением итогов; его присутствие в тексте, как правило, означает, что отведенное герою время истекло — нарядная молодость уходит, уступая место старости. Пришла пора подводить черту всей жизни:

Но в тишине еще синеют звезды
И вянут *затонувшие венки*,
Да у шатра разрушенного мерзнут
Горбатые, седые старики.

Г. Адамович. «Стоцветными крутыми кораблями...»
(1916)²²⁸

О миртовый ужас ее венка,
О безумие сказочной ивы!
Она утонула в других веках, —
Если хочешь, так будь счастливым!

В.К. Шилейко. «Ты думаешь, свечи скромней горят...»
(1913–1930)

Сегодня на улицах свято.
Голуби клевали прямо из руки.
Сегодня на могилу *Неизвестного Солдата*
Известные люди несли венки.

В.М. Лебедев. «Юбилей республики» (1929–1931)

Как сборы на общий венок,
Плетни у заставы чернели.
Короткий морозный денек
Вечерней звенел ригурнелью.

Воспользовавшись темнотой,
Нас кто-то догнал на моторе.
Дорога со всей прямою
Направилась на крематорий. <...>

Б. Пастернак. «Как сборы на общий венок...» (1931)

9. Тянут жизнь и время дорогое

Двусмысленность фразы состоит в том, что она с одинаковой вероятностью может описывать как протяжные ноты исполняемой оркестром мелодии, так и эмоциональное состояние собравшихся отдать последнюю дань погибшим (попытка живых оттянуть момент расставания с навсегда ушедшими близкими)²²⁹.

Играть траурный марш при погребении военнослужащих для современных обществ — часть государственной церемониальной традиции: торжественная музыка обычно сопровождает катафалк в пути и непосредственно у могилы. В 1924 году во время похорон Ленина, пока сменялся почетный караул, игрались скорбные мелодии Вагнера, Моцарта и «Интернационал»; в день похорон вождя оркестр Большого театра наполнил Колонный зал звуками траурного марша Шопена. Для Мандельштама присутствие на Красной площади в дни прощания с Лениным послужило сильным эмоциональным опытом, отразившимся в статье «Прибой у гроба» (1924):

Который час? Два, три, четыре? Сколько простоим? Никто не знает. Счет времени потерян. Стоим в чудном ночном *человеческом лесу* <...> Три черных ленты спадают к ногам толпы. Там, в электрическом *пожаре*, окруженный *елками*, омываемый вечно-свежими *волнами толпы*, лежит он, *перегоревший*, чей лоб был воспален еще три дня назад... И мертвый — он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой *воспаленный лоб*²³⁰.

Как свидетель масштабного исторического события Мандельштам нашел для короткой заметки точные образные ячейки (*хвоя*, как спутник смерти) и тропы (*горение, воскрешение*), которые спустя десятилетие пополняют метонимический арсенал НМББ.

«Воспаленный лоб» покойного Ленина и «горячая лобная кость» мертвого поэта в стихах памяти Андрея Белого (1934) принадлежат к одному семантическому полю — метафора жизни, отказывающейся покориться холоду смерти. Посвященные символисту стихи Мандельштам заканчивал оксюмороном — образом посмертного омоложения: «Меж тобой и странной ледяная рождается связь — / Так лежи, молодежь и лежи, *бесконечно прямясь*» (в строке 6: «Сознающее свою длину»). Здесь имеется в виду не буквальное «распрямление» тела, но символическая способность покойного сохранять актуальность для грядущих потомков. «Рост летчика» обусловлен также техническими параметрами машины — телу летчика приходилось группироваться, чтобы поместиться в тесной кабине аэроплана:

И рота стриженных солдат
Не отпускала хвост,
Пока пилот смотрел назад
Во весь пилотский рост.
Касторкой в крылья фыркал гном,
Касторку крыла пыль,
И сотрясал аэродром
Окружность в десять миль.
Во сне летал... И наяву —
Летал. Парил Икар,
Роня крылья на траву
Трефовой тенью карт²³¹.

Стихотворение Катаева Мандельштам знал, так как оно было опубликовано вместе с его собственным произведением в сборнике «Лёт» (1923). Годы спустя Катаев будет одним из тех немногих, кто после ареста и ссылки Мандельштама (1934) продолжит поддерживать отношения с попавшим в опалу поэтом²³²; и не отсюда ли всем известное — «Услышать ось земную, ось земную...» («Вооруженный зреньем узких ос...», 1937)? —

Перед зданием Дома Союзов, где в Колонном зале был выставлен гроб с телом В.И. Ленина. Январь 1924

Похороны Ленина.
Очередь к Колонному залу
Дома Союзов. Январь 1924

Очередь желающих
проститься с Лениным
на площади у Дома Союзов

На похоронах Ленина.
Москва. 27 января 1924

У гроба Ленина

Временный склеп с наспех забальзамированным телом
Ленина на Красной площади.
Февраль 1924

Во сне летал, а наяву
 Со старта рвал любой
 Рекорд, исколесив траву,
 Торпедо-китобой,
Оса летала за осой,
Слыла за розу ось,
 И падал навзничь сад косой
 Под солнцем вкривь и вкось.
 Летело солнце — детский мяч,
 Звенел мотор струной, —
 И время брил безумный матч
 Над взмыленной страной.

Катаевская реминисценция подвига сына Дедала («Парил Икар, / Роня крылья на траву») с некоторыми вариациями и поправками на современность была взята на заметку советскими пропагандистами — из типичных образчиков, релевантных для НМББ по времени и контексту: в первые августовские дни 1935 года общественность напряженно следила за подготовкой к перелету С.А. Леваневского из Москвы в Калифорнию через Северный полюс. Центральная пресса посвящала этому событию целые полосы (публикуя не только заметки и статьи, но и фотографии самолета «СССР № 025», его экипажа, карту трассы длиной в 9605 км, или 70 часов непрерывного пути). После технических трудностей миссию были вынуждены прервать, и 4 августа конфуз замяли скромным петитом (по контрасту с крупным шрифтом газетных заголовков предыдущих номеров). В специальной заметке партия продемонстрировала, как следует расценивать результаты неудавшейся попытки рекорда дальней авиации: «[Б]ольшевики далеки от рекордсменства и от культа простого престижа. <...> Современные Икары летают на крыльях науки» и т. п.²³³

Возвращаясь к мотиву «посмертного роста» мертвецов, следует отметить, что соответствующая риторика была заложена дискурсом, описывавшим уход и музеефикацию Ленина путем бальзамирования («Из гроба своего Ленин встал перед миром во весь свой гигантский рост»²³⁴); отсюда же отождествление Ленина-индивида с массами последователей на уровне физиологического сродства («Партия — *спинной хребет рабочего класса...* / ...мы говорим партия, подразумеваем — Ленин»²³⁵). Б. Пильняк уподоблял смерть вождя авиационной катастрофе в метафизическом измерении, сравнивая ее последствия с гибелью легендарных американских летчиков (которые на самом деле не разбивались): «Были такие братья Райты, они решили полететь в небо, и они погибли, разбившись о землю, упав с неба. Они погибли, но люди не оставили их дела, люди уцепились за небо... *Товарищ Ленин погиб, как братья Райты.* <...> *Наши идеи не погибнут.* <...> Мы — как братья Райты!..»²³⁶

10. Опершись на смертные станки —

Метафора «смертные станки» допускает несколько интерпретаций: обозначение платформы для гробов и венков; специальные деревянные или металлические станки, на которых покоились орудия, называемые также *лафетами*²³⁷; непосредственно летательные аппараты; рабочие станки. Сквозь смертные станки просвечивает также фразеологический прообраз — «смертные *останки*»²³⁸.

Рассмотрим эти версии подробнее. Наиболее очевидное прочтение «смертных станков» в контексте стихотворения — это лафет со впряженными лошадьми для транспортировки артиллерийского орудия, которое опирается на двухколесный передок таким образом, чтобы при движении составлять с ним четырехколесную повозку²³⁹; именно так называли мобильную конструкцию²⁴⁰ при описании публичных городских похорон петербургские сверстники Мандельштама²⁴¹ — советская зенитка была усовершенствована, но терминологию частично унаследовала. Позже в военном техническом словаре термин «лафет» также стал означать прицельный станок для автомата или подставку пулеметной установки (*пулеметный станок*).

У Мандельштама в метафорические «станки» превращаются не только лафеты или надгробные плиты — их тяжелые очертания приобретают сами летательные аппараты, за которыми работают пролетарии нового поколения — летчики-испытатели, возделывающие небесное пространство. Ср. параллелизм между летчиками и заводскими рабочими в стихотворении Н.Н. Ушакова «Оборона» (1927):

А пока у станков мы, пока —
пусть взлетают и реют без счета
над землей, над страной, в облаках
*наши ласточки-самолеты*²⁴².

Ежедневная, полная рисков работа у лафетной подушки или за штурвалом — «станком смерти» — призвание пролетарского служащего или рабочего, будь он артиллерист, военный летчик, сталевар или столяр («Все вещи — в труде»; Еккл., 1, 8). Только смерть может разлучить со станком-машиной того, кто ее контролирует:

Вчера работал бригадир,
склонившись над *станком*.
Сегодня он лежит в гробу,
обитом кумачом.

Я. Смеляков. «Смерть бригадира» (1932)²⁴³

Физические и интеллектуальные усилия в новой постреволюционной иерархии приобретают космологическую ценность — Велимир Хлебников в финале программной статьи «Наша основа» (1919) призывает, чтобы люди, «отдохнув от станка», шли «читать клинопись созвездий»²⁴⁴. В посвященном современной поэзии обзоре Хлебников отзывался о поэзии станков: «обломок рабочего *пожара*... твердое “я” пожара рабочей свободы, это заводской гудок, протягивающий руку из пламени, чтобы *снять венок* с головы усталого Пушкина»²⁴⁵ и цитировал стихотворение в прозе «Мы растем из железа» А.К. Гастева²⁴⁶ с ключевыми образами телесности и преодоления поэтической немоты²⁴⁷.

Пожар революции и жар вечно живого тела, подпитываемого, точно топливом, утопической идеологией, совмещаются с мотивом «труда как ратного подвига» в стихах на смерть вождя:

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном, —
В тревоге ждут, что будет впредь <...>

В. Брюсов. «После смерти В.И. Ленина» (1924)²⁴⁸

К тропу «самолет как станок» примыкает понятие «работа» («товарищи по *работе* в жестких небесах»; см. также в комментарии к строке 14). СССР — это «страна станков», пространство, где свершается индустриальное чудо. Станок уподоблен ученической парте, за которой следующему поколению рабочих передаются важнейшие для большевистского социума навыки, —

На нашем звонком языке,
Звенящем тысячью звонков,
Заговори нам о станке,
О молодой стране станков.

Э. Багрицкий. «Наш Курай» (1930)²⁴⁹

Дидактические разрядки не ограничиваются приобретением одной только технической сноровки, но подразумевают постоянный рост темпов производства и продолжающееся менторство:

Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!

Так
велел
работать
Ильич.

В. Маяковский. «Ленинцы» (1930)

Недаром заходил в завком
сегодня плановик.
*И станет за твоим станком
упрямый ученик.*

Я. Смеляков. «Смерть бригадира» (1932)²⁵⁰

11. Обручи краснознаменной хвои

Результаты «настоящего труда» Мандельштам в «Четвертой прозе» сравнивает с кружевом, на котором «держится узор: воздух, проколы, прогулы». Обручи, круги, кольца, венки образуют, если воспользоваться предложенной поэтом аналогией, те самые пустоты, на которых держится образная ткань НМББ.

Ощущение «воздуха» в тексте нагнетается грамматическими средствами за счет увеличения количества существительных и сокращения глаголов действия (соотношение в НМББ — 32:7). Обилие повторов, а также слова в рифменных позициях (первая и вторая строфы: «тело//тело»; «хвои//хвои»; «венки//венки»; троекратно повторенное «люди» в четвертой строфе) усиливают тавтологический эффект плетения словесного кружева. Для Мандельштама эти сознательные паттерны²⁵¹ входят в экспериментальную стратегию, которую он сам приветствовал в месяцы работы над НМББ в поэзии А. Адалис, отмечая качество «новой лирики, избавляющее ее от необходимости дрожать за то, что порвется хрупкая нить ассоциаций, что выпадет петелька из кружева...»²⁵²). То, что это — прием, подтверждает и высказывание 1935 года, в котором Мандельштам увязал минимум использования глаголов с отсутствием динамизма, ведущим к катастрофической остановке: «Поэт, забывший о глаголе, все равно что летчик или шофер, заснувший у руля»²⁵³; в свою очередь, «хрупкая нить ассоциаций» у рецензента, возможно, ничто иное как инсайдерская игра — кружевами и глаголом в написанных с разрывом в несколько недель (июнь — июль 1935) текстах Мандельштам мог призывать из небытия Хлебникова («Грозным своим глаголом — / Замок кружев девой нажит»); в статье «Промежуток», часть которой, напомним, была посвящена раннему Мандельштаму, Ю. Тынянов выделил²⁵⁴ именно эти строки из «Ладомира», по-видимому, важного для становления НМББ текста, в котором переплетаются мотивы

«земного труда» (рабочий и крестьянин, соответственно, вооружены молотом и плугом: «Славься, дружба пшеничного злака / В рабочей руке с молотком!») с образами «кокона» и метаморфозами гусеницы («И ты прядешь из шелка кокон, / Полеты — гусеницы нить»), не говоря о многообразных лексических повторах и метонимических совпадениях с НМББ (мука, перетираемая жерновами, похожая на глину; полеты юношей; станки, венки и т. д.):

И он вспорхнет, красивый угол
Земного паруса труда,
Ты полетишь, бессмертно смугол,
Священный юноша, туда.
<...>
Зеркальная пустыня облаков,
Озеродей летать силен.
Баян восстания письмен
Засеял нивами станков.
Те юноши, что клятву дали
Разрушить языки, —
Их имена вы угадали —
Идут увенчаны в венки²⁵⁵.

Слово «обруч» синонимично венку и одновременно является иконической репрезентацией «О». Судя по диалогу с двухлетним А.С. Есениным-Вольпиным, Мандельштам был (ожидаемо) чувствителен к семантике шестнадцатой буквы кириллического алфавита, совпадающей с инициалом его собственного имени, которую он воспринимал в возвышенном ореоле:

Мандельштам склоняется над кроватью его и спрашивает: «Ты меня помнишь?» — «Помню». — «Ну, как меня зовут?» Мальчик делает хитрые глазки: «Дядя О!» Это Мандельштаму ужасно понравилось. «Он очень точно определил. Я — О! Ода! Звук торжественной оды — О. Значит, во мне что-то одическое есть»²⁵⁶.

Игра в фонетические ассоциации следует логике программной статьи К. Бальмонта «Поэзия как волшебство» (1915), где «основной гласной» «О» отводится пространный пассаж, насыщенный характерными для НМББ образами и мотивами (скорбь, похороны, венки, могила, колодец, зрение — ниже выделяемые курсивом):

О — это горло. О — это рот. <...> ...все огромное определяется через О, хотя бы и темное: — Стон, горе, гроб, похороны, сон, полночь... Долгое, как скорбная

доля... <...> В многоствольном хоре лесном многолиственном, или в *хвойном боре* вольно, как волны в своем переплеске, повторным намеком и ощупью бродит. Знойное *лоно земное*, и холод морозных гор, *водоворотное дно*, омут и жернов упорный, огонь плоти и хоти. *Зоркое око* ворога волка, — и *око слепое* бездомной полночи. Извои суровые воли. Высокий свод взнесенного собора. Бездонное О.

Букве «О» посвящен отрывок «звуковой поэмы» А. Белого «Глоссолалия» (1917), сопровождаемый диаграммой, похожей на пропеллер, установленный на венки:

В «о» *воронкой* слагаются губы; и *воздухом* полнятся полости рта; полость рта — просто «О»; внутри образуема вещьность согласного мира...²⁵⁷ Это — крест в круге «О»; и четыре розы (кровь плоти) вокруг креста жизни... сознание в теле — невнятно; оно в «О» (большом), образующем зодиакальные блески; и эти блески в ребенке потом еще живы, как в сказке; с зарастанием темени отрезается голова и рот (эти малые «о») от космических вяний; самосознание человека всю жизнь пребывает уже под *покровами черепа*...²⁵⁸

Смысл рассуждений Белого туманен, но рефлексия по поводу физиологических аспектов артикуляции звука «о» дает символисту возможность развернуть ряд метафор, соответствующих, по его мнению, этому звуку/букве. Белый воображал, как «малое “о”, расширяясь, сливается с мировым; и бездуховные люди в том мире теряют сознание личное; они там “О” большое»²⁵⁹, предвосхищая потенциал телескопического расширения ауры имени «в улицу, в страну» (НМББ).

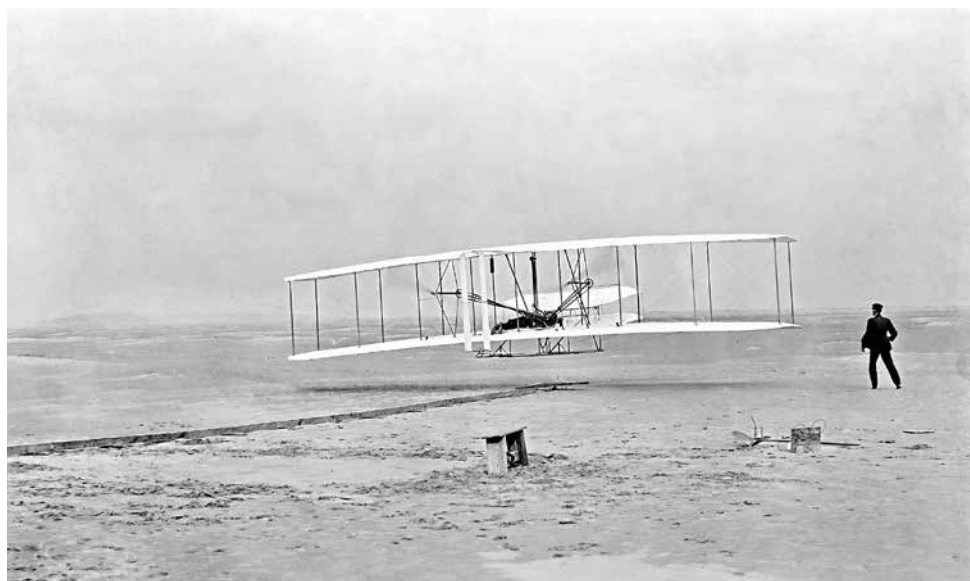
Графема «О» (т. е. буква в виде круга) соответствует цифре 0; в силу своей изоморфности знак и символ использовались в русской поэзии 1930-х годов для репрезентации смерти как своеобразного «обнуления» бытия:

О, если б мне на память их оставить!
Без них мы *прах*, без них равны *нулю*.
Но я люблю, как ты, и я сама ведь
Их нынешнею ночью утоплю²⁶⁰.

«Венки» и «ноли» в первой половине того же десятилетия сопоставил Н.М. Олейников:

Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне *венки*,
А лучше *нолик* положите
На мой печальный бугорок.

«О нулях» [1934]²⁶¹

*Жизнь
замечательных
людей*

**БРАТЯ
РАЙТ**

М. ЗЕНКЕВИЧ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

А. Страхов. Плакат из серии «Азбука революции 1917–1921» (Екатеринослав, 1921). Плакат к букве «О». Серия из 28 плакатов была издана Политическим управлением Харьковского военного округа

А. Страхов. Плакат из серии «Азбука революции 1917–1921» (Екатеринослав, 1921). Плакат к букве «В» посвящен Брестскому миру

Аэроплан «Флайер-1» братьев Райт. 1903

Беллетризованная биография «Братья Райт» [1933] поэта и переводчика М. Зенкевича (в прошлом акмеиста) была одной из первых в серии «Жизнь замечательных людей». Обложка П. Алякринского

В. Мироненко. Умножать самолеты и авио-кадры — классовый долг всего краснознаменного комсомола. Украинский плакат. 1931. Развитию авиапрома в союзных республиках уделялось большое значение в рамках всеобщей индустриализации СССР

В сцене прощания с военными прилагательное «краснознаменная» в НМББ переносится на описание непосредственно венков; хотя эпитет, строго говоря, должен относиться не к хвое, но к корпусу или дивизии, награжденной орденом Красного Знамени (либо к солдатам, несущим алые знамена), — как, например, в «Песни о гибели казачьего войска» (1929–1930) П. Васильева:

Через пески в золотой пыли
Красноармейские роты шли —
В ясные ночи, в синей пыли
Краснознаменные
Роты шли²⁶².

В эллипсисе Мандельштама читатель должен восстановить опущенное звено и вообразить венки, увитые шелковыми лентами алого цвета в соответствии с церемониальной палитрой коммунистического визуального словаря. Несмотря на небольшой объем текста, в НМББ перечислены пять основных цветов: белый, красный, карий (коричневый), зеленый и голубой. К этому спектру можно добавить теоретически присутствующие в стихотворении оттенки («мучнистый» = желтоватый, светло-молочный, мутно-белый) и их метонимические производные («обугленный» = черный) и т. п.

12. *Азбучные, круглые венки!*

Сочетание азбуки и коммунистических «прописных истин» могло считаться современниками как отсылка к «Азбуке коммунизма» (М., 1920) Н.И. Бухарина (написана в соавторстве с Е.А. Преображенским). Катехизис заступника Мандельштамов в 1920-е годы был принят в качестве обязательного учебного пособия, популярно излагавшего основы марксизма. В статье 1924 года, посвященной особенностям ораторского стиля Ленина, Эйхенбаум приводит случай, когда пронизательный вождь, увидев на плакате образчик неудачного агитпропа («Царству рабочих и крестьян не будет конца»), критически заметил: «А ведь вот относительно каких *азбучных* и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание» — подразумевая, что если бы «не было конца» царству рабочих и крестьян, то не было бы уничтожения классов, а значит и наступления социализма²⁶³.

Ленты венков пестрят надписями из «азбучных» сокращений — названий полков, в которых служили погибшие, или организаций, возложивших венок к могиле (РККА, ВКП(б) и т. п.). «Азбучными» венки названы также благодаря их базовой геометрической форме, продолжающей круго-

образную коллекцию в стихотворении: «возгласы венков (открытые рты), они же обручи, и парные к возгласам восклицания винтовочных и пушечных стволов, колодец, зрачки, даже пОзвОнОчнОе [тело]. Фонетически “крУГЛые” перекликаются с “обУГЛенное” и “ГЛУбиной”»²⁶⁴. Простые фигуры (треугольники, квадраты, круги) привлекаются художниками букварей в качестве мнемонического приема: ребенку предлагают запомнить контуры буквы, с которой начинается слово, соответствующее изображенному на иллюстрации предмету или фигуре; можно легко представить, что начальная буква «О» служит картинкой для слова «обруч», а «В» — для «венка». Очевидно и то, что отбор слов и рисунков для обучения ребенка грамоте в каждом историческом отрезке отражает педагогические установки, созвучные духу данного времени. В азбуке, созданной в 1904 году А. Бенуа, буква «О» иллюстрировалась нейтральным словом «озеро» с картинкой водоема; для «В» автор взял слова «волшебник» и «великан». В «Азбуке революции» (1921) дореволюционный волшебник эту букву больше не сопровождал. «В» теперь — «война», «О» — решительные «орлы» и «оружие» и так далее.

Наконец, Ю.Л. Фрейдин связал «азбучность» венков с их крупным размером: «Венки, конечно, круглые, это их “прямой эпитет”. Но “азбучные, крупные” — это значит: большие, как буквы в азбуке для детей. “Настаивая” на этом не столько вопреки, сколько дополнительно к прямому значению, автор как бы усиливает и сам метафорический эпитет “азбучные”, а вместе с ним и легкий мотив детства в этой строке, ставя ее тем самым в ряд других “детских” и “школьных” строк весны–лета 1935 года»²⁶⁵. Мотив детства в НМББ если и присутствует, то слабо²⁶⁶, хотя «азбучный» инструментарий скорее отвечает духу хрестоматийных учебников по истории. Институционализованная память в виде образовательных антологий призвана законсервировать для грядущих поколений исторический нарратив с определенной точки зрения. Археологи и лингвисты будут восстанавливать вехи минувшего не только по трудам историков, но и по скупому «азбучному» языку обломков надгробий и памятников разрушенных империй. Современный вариант парадигмы назидательного послания («латинской азбуки») потомкам находим в поэме Л. Гомолицкого (1934), где армейские почести воздаются покойному маршалу, чье тело покоится под гранитной плитой с эпитафией:

Безумье славит человеچه
латинской азбукой — гранит.
Раз в год на площади саперы
Трибуны строят по бокам —
Блещат штыки, оркестры, шпоры,
Полки стекаются к полкам²⁶⁷.

13. Шли товарищи последнего призыва

У исторического читателя фраза о *призыве* в первую очередь должна была ассоциироваться с «ленинским призывом» — термин советской историографии, описывавший поворотный пункт в процессе строительства партии большевиков. После смерти вождя с целью продолжения его дела был объявлен массовый набор в РКП(б), проводившийся в основном за счет рабочих; слово «станок», употребленное Мандельштамом тремя строками выше, входило непосредственно в название специального постановления «О приеме рабочих от станка в партию» (в результате партийного рекрутирования между 22 января и 15 мая 1924 г. было подано свыше 350 тыс. заявлений на вступление в ряды РКП(б)).

Тот факт, что товарищеский призыв назван «последним», можно трактовать не только как недавнюю (по хронологии) мобилизацию, но и как фатальный армейский призыв с летальным исходом. Как подсказал мне Р.Д. Тименчик, возможно, здесь слышится отзвук «Наверх, о товарищи, все по местам! / Последний парад наступает!» из «Памяти "Варяга"» (1904)²⁶⁸ Евгении Студенской, дочери лейб-медика Шерешевского, упомянутого в черновиках «Египетской марки»²⁶⁹. В стихотворении русский крейсер попадает в «подобье кромешного ада» в корейском порту Чемульпо, но, чтобы не сдаться вражеской японской эскадре, его героический экипаж готов заживо гореть в огне (в реальности «Варяг» был сильно поврежден вражеским огнем, но не сгорел, а был затоплен по решению командира):

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
Настала минута прощанья.

— с темой огня имплицитно связан и финал стихотворения Мандельштама «Когда в далекую Корею...» (1932), в котором фигурирует броненосец «Петропавловск», подорвавшийся на японской mine вблизи Порт-Артура через несколько недель после «Варяга», весной 1904 г.:

Был от поленьев воздух жирен,
Как гусеница, на дворе,
И Петропавловску-Цусиме
«Ура» на дровяной горе...

О. Ронен идентифицировал дровяную гору с поленицей во дворе Тенишевского училища²⁷⁰, остается лишь уточнить, что вслед за Студенской у Мандельштама дрова вводят тему не просто топлива, но механической топки — человеческие тела (гибнущих моряков, пехотинцев, летчиков) как заготовительный материал для жертвенного огня на алтаре истории.

Смерть в революционном эпосе представлялась в виде органического процесса и своеобразным чистилищем на пути к воскрешению:

*Сто тысяч работников в дело.
Идемте бесстрашно в железо.
Дадим ему сердце.
В печи.
Две тысячи градусов...
Отборным батальоном в зев. <...>
Шагаем.
Горим.
Победим и восстанем как призраки.
Погибают в стонах...
Воскресают... <...>
Горящий водопад.
Орудийный хохот.
Смерть.
Смерть²⁷¹.*

Символическая перековка относится не только к заводскому циклу производства, но и к процедуре кремации (обычно происходящей при высокой температуре, достигающей выше тысячи градусов по Цельсию). Существенно, что тела как Кирова, так и Куйбышева были кремированы, а урны с их пеплом вмурованы в кремлевскую стену. Воронежские похороны летчиков «последнего призыва», описанные в НМББ (если они вообще имели место), таким образом воссоздавали в уменьшенном масштабе закрепившийся к середине 1930-х годов канон официальных прощаний с покойными по советскому регламенту, в основе которого лежала матрица поклонения Ленину в мавзолее:

*Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны, странны,
Дни без Вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны...*

В. Брюсов. «После смерти В.И. Ленина» (1924)²⁷²

*Он лежит под стеною кремлевской,
невелик и негрозен с виду,
но к нему — всех слез переплески,
всех окраин людских обиды,
не заботясь времени тратой,
поспешают вдогон за правдой.*

Н. Асеев. «Русская сказка» (1927)

Принадлежность к одному призыву объединяет разрозненных рабочих и солдат, сообщая их коллективным действиям мотивировку — готовность к труду и обороне отечества. Непрестанным воспеванием авиации советская пресса заостряла обыденный характер отчаянных поступков летчиков, то снижая, то в нужный момент возгоняя публичный пафос в моменты их успехов и критических неудач:

Расскажи,
Как спускаясь низко
Над Игаркой,
Шел самолет.
Как узнал ты
Стратегию риска,
Сторожа
Неспокойный лед.
<...>
Но эта сила,
Побеждающая всегда,
Нас учила
И нас растила
Большевицкая
Сила труда. <...>²⁷³

Решимость на иррациональные поступки в сталинской действительности зачастую ничем кроме казенного энтузиазма подстрахована не была, зато находилась в полном соответствии со ставшим крылатым выражением Максима Горького, принятым за инструкцию к действию: «В жизни <...> всегда есть место подвигам» («Старуха Изергиль», 1895). Листая советские газеты, читатель-современник должен был ясно отдавать себе отчет в том, что ежедневно исполняющий патриотический долг летчик — потенциальный герой и объект для подражания:

Летчик-испытатель завода им. Авиахима Владимир Шевченко вчера, после двухмесячного перерыва, возобновил полеты в стратосферу. <...> [Шевченко] был на 815 метров выше мирового рекордсмена²⁷⁴. — Было очень холодно, — рассказывает летчик. — Температура воздуха упала до 67 градусов ниже нуля. Замерзли пальцы правой руки. Я продолжал набирать высоту. Температура стала повышаться²⁷⁵.

Концовка цитируемой заметки о вылете летчика Шевченко на удивление прозаична: «После высотного полета неутомимый Шевченко *вчера же проводил обычные испытания машин*».

В настраиваемой идеологами коммунистической оптике героическое поведение членов экспедиции О.Ю. Шмидта и их спасателей представлялось²⁷⁶

так, как если бы речь шла о необычной, но вполне рациональной операции. Демьян Бедный воспевал общий подвиг покорителей полярных льдин как подвиг тружеников, коллективно возделывающих абстрактные плоды:

<...> Всех вымыслов слова ее простые краше
В «челюскинцах» мы чтим геройство их
И — наше,
Геройство братьев, жен, отцов и
Матерей.
Геройство всех богатырей.
Чья исполинская работа
Над укреплением оплота
Трудящихся всех стран дала уже плоды,
Объединивши всех соратников в ряды,
Где все бойцы сильны их общим
Кровным свойством —
Всепобеждающим геройством²⁷⁷.

Синтез подвига и работы у Мандельштама был продиктован официальной риторикой тех месяцев и нескольких предшествующих лет:

[Г]еройство становится все более массовым явлением, и наши герои есть герои масс... да здравствует вырастающий, как лес, легион героев и советских активистов <...> Страна относится к авиации с какой-то особой теплотой и любовью <...> В авиации видят одно из лучших средств обороны нашей великой родины. Гордые воздушные летуны являются и самым ярким воплощением наших технических достижений. [Э]ти стальные птицы... стали символом²⁷⁸.

Мотив *ратного дела как работы* (и у Мандельштама — *поэзии как ратного дела*) красной нитью проходит через некрологи Куйбышеву²⁷⁹, с клишированным языком которых Мандельштам, по-видимому, был знаком (о мотивах посвящения текста политику писалось выше). Маршал М. Н. Тухачевский, воздавая почести пламенному борцу, подчеркивал его образ труженика: «В *работе* Валериана Владимировича в мирное время, когда он являлся верным и последовательным борцом за дело Ленина, его *работа непрерывно была связана с укреплением мощи Красной Армии*» и сравнивал его усилия по спасению челюскинцев с наведением воздушного моста летчиками: «...Пилоты самоотверженно ведут работу. В здешних условиях, при часто меняющейся погоде, каждый неудачный полет, подъем, вынужденная посадка — смерть»²⁸⁰.

Версия Н. Струве²⁸¹, сводившая импульс мандельштамовского текста исключительно к операции по вызволению челюскинцев из ледяных тисков, кажется ущербной в силу успешного исхода героической миссии и от-

сутствия трагической составляющей финала, в то время как для НМББ крушение и символическое принесение очистительной жертвы закланием «мыслящего тела» являются магистральными. Не столь принципиально, откуда Мандельштам черпал свою жертвенную концепцию — из Библии (где жертва всежжения предполагала полное уничтожение [Лев. 1]) или из пролетарских виршей с их металлургическими образами трансформации живой плоти в сплавы. Конструктором в поэтической лаборатории служили Мандельштаму и шагающие в будущее призраки безликих пехотинцев, и тела сгоревших летчиков:

Мы пьем вино из доменных печей.
У горнов страсти наши закаляем.
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

В.Д. Александровский. «Мы» (1921)

2 июля 1935 года в воронежской «Коммуне» было напечатано стихотворение В. Гусева «Красная площадь». За несколько недель до этой публикации, в мае, Мандельштам написал текст под идентичным домашним названием (ныне публикуется по первой строке «Да, я лежу в земле, губами шевеля...») и с рефреном — «На Красной площади всего круглей земля...». То, что в стихотворении Мандельштама только подразумевается и уходит в размытом виде на второй план, Гусев артикулирует без ухищрений — лобовым описанием:

Здравствуй, Красная площадь, сердце моей страны!
Я вас прошу: взгляните, океаны и города:
Бесстрашие, сила и дружба сегодня пришли сюда.
Вчера они учились, *стоя в цехах у станков...*
Летали на легких планерах, используя силу гроз.
Сегодня они на площади, сегодня я вижу их...
Люди идут, танцуют, бросают мячи, поют...
И движутся девушки, юноши, сила страны — молодежь.
Чем ее, силу, измеришь, как ее назовешь?²⁸²

В сакральной для советской мифологизированной топографии координате активизировались литургические мотивы служения — земного (стояние у станков) и небесного (показательные пируэты и парение самолетных бригад в облаках). Синхронизированное в едином порыве движение шагающей смены подрастающих поколений советской молодежи — тот самый «язык пространства, сжатого до точки»²⁸³, который пытался подслушать Мандельштам в окружившем его новом миропорядке.

14. По работе в жестких небесах

Мандельштам выдержал стилистику НМББ в последовательно высоком регистре одической или героико-романтической традиции. «Не мучнистой бабочкою белой...» связано со стихотворением «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтова семантическим ореолом метра — пятистопный хорей с анапестическими ходами обуславливает мотив движения («шли товарищи», «пронесла пехота», «шли нестройно»), характерный для написанных этим метром стихов²⁸⁴. Эпитет «жесткие» применительно к небу передает идею сопротивления воздушной массы завоевателям в самолетах и эмоционально окрашивает отношение самого поэта к стихии, повинной в человеческих смертях. В смысловых градациях прилагательного различаются аллюзии к твердому сплаву («**жесть**») и сконцентрированной в слове «**жестокость**» агрессии. Впрочем, несмотря на скрытый отрицательный заряд, в звучании эпитета слышатся и положительные ноты — комплекс «жесть/железо/сталь» коррелирует с такими позитивными качествами²⁸⁵ характера их носителей, как стойкость, воля к победе, решимость на подвиг (ср.: «Гвозди б делать из этих людей»; Н. Тихонов, «Баллада о гвоздях», 1919–22). Отметим и терминологическую близость фразы к словосочетанию «жесткий дирижабль», употреблявшемуся на ранних этапах развития воздухоплавания, когда оно означало внешнюю обшивку летательных аппаратов.

Метафорическая валентность противящихся стихии «жестких дирижаблей» в литературе оказалась востребованной:

Еще мы здесь, в юдоли дольней...
Как странен звон воздушных струн!
То серо-блещущий летун
Жужжит над старой колокольней.

Его туманные винты,
Как две медузы, дымноструйны.
И мнится — вот он, юный, буйный,
Заденет древние кресты.

Но взмыл, — и режет облак пыльный
Своим сверкающим ребром. <...>

З. Гиппиус. «Zepp'lin III» [1909]²⁸⁶

Серый жесткий дирижабль
ночь на туче пролежалъ,
плыл корабль
среди капель
и на север курс держалъ. <...>

С. Кирсанов. «Глядя в небо» [1934]²⁸⁷

прочесть, Рудаков сделал это «чудно», супруги даже поначалу «охали и оживлялись», но затем «в конце... [Мандельштам] стал многословно ругать»²⁹².

15. Пронесла пехота молчаливо

Пехота, провожая в последний путь погибших при исполнении задания товарищей из авиаотряда, подчиняется строгой торжественной атмосфере коллективного горя. Но мотив молчания распространяется при этом на всех участников ритуального прощания, включая и тех, кто говорить уже не может, — авиаторов-героев.

Общее место в поэтике того времени — волевая сосредоточенность в воздухе и смирение в быту, присущие летчикам, которые рутинно подвергают свою жизнь опасности:

В туман и снег
К молчаливому
Делу спасения
Молчаливый
Летел человек.
В этой тихой
Твоей повадке
Есть большого
Спокойствия весть,
Сила выдержки,
Сила хватки
И отважная сила есть! <...>²⁹³

Право на потерю голоса разделяют скорбящие участники — от караула до близких покойного:

И молча, без грома и пенья,
Все три боевых поколенья
В тот день бесконечной толпою
Прошли, расставаясь с тобою²⁹⁴.

В переносном смысле обет молчания — это еще и отказ растерянных, подавленных современников выразить словами масштабы постигшего их горя:

Мы над ним
Не проронили
Ни единого словца.

Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца.

И. Уткин. «Песнь об убитом комиссаре» (1935)

Понятно, что физическая смерть превращает тело в безгласный труп:

Прощание! Скорбное слово!

Безгласное темное тело.

<...>

И мир исполински прекрасный

Сиял над *могилой безгласной*,

И был он надежен и крепок,

Как сердца погибшего слепок²⁹⁵.

Н. Заболоцкий. «Прощание» (1934)²⁹⁶

Про пропасть и радость пропели пропеллеры,

проверял весенний воздушный сквозняк,

масштабом пробегов всю землю измерили,

и снова замолкла *глухая возня*. <...>

Но губы раскрыты — а звуков не слышится.

Где голос, где голос большой и прямой?

Склонись, камертона весенняя ижица

той вешки, что билась и никла зимой.

Н. Асеев. «Интервенция веков» (1923)²⁹⁷

Но что заставляет литератора замолчать еще при жизни (сформулируем и встречный вопрос: что заставило бы говорить *мертвого поэта*)²⁹⁸? В сталинском обществе любой мог оказаться в ситуации, когда говорение без оглядки стоило человеку свободы, даже жизни. В случае Мандельштама, которому было отказано публиковаться в советской печати, немота²⁹⁹ была навязана — и ко времени работы над НМББ понимание этой нехитрой мудрости складывалось из его личного опыта ссыльного.

Тема трагического онемения выведена Пастернаком в заглавии стихотворения «Немые индивиды...» (позднее назв. «Безвременно ушедшему»), вызвавшего «судороги от восторга»³⁰⁰ Мандельштама. Домашнее чтение пастернаковских стихов в журнальной подборке в «Знамени» (1936, № 6; «Немые индивиды» печаталось третьим) заставило Мандельштама, по мнению Эммы Герштейн, приступить к финальной огранке НМББ³⁰¹.

16. Восклицанья ружей на плечах.

Третья строфа замыкается подчеркнуто парадоксальным стыком — «молчаливо || восклицанья» (ср. с оксюморонным заглавием стихотворения Тютчева «Silentium!», 1830). У позднего Мандельштама, как отмечалось Ю.И. Левиным, доминируют установки на адресанта, адресата и контакт: обращения в его поэзии могут сопровождаться вопросами, императивами, экспрессивными восклицаниями, причем частым случаем проявления повышенной коммуникативности становятся «риторические», ненаправленные восклицания³⁰². Для НМББ характерны почти все перечисленные выше приемы: призыв («Я хочу...»), интонационно-экспрессивная функция («Азбучные, круглые венки!»), конструкция *обращение плюс вопрос* в финале («Кто же будет продолжать за них?»).

По оригинальному предположению М. Безродного, в описании несущего вахту наряда в третьей строфе «совмещены действия [а] почетного эскорта — он следует за гробом, и [б] почетного караула, который производит салют: восклицания ружей (т. е. винтовок) суть выстрелы в воздух. Салют продолжают зенитные орудия, поэтому точка после “на плечах” лишняя³⁰³. Это объясняет и употребление родительного падежа в строке 17: восклицания (залпы) ружей и орудий»³⁰⁴.

Уточним, что, исходя строго из текста НМББ, пехота в таком случае должна была бы стрелять на ходу («пронесла... молчаливо») и что восклицательный знак (если он не набран в типографском наборе курсивом) вертикален, тогда как выстрел производится под углом — даже если ствол направлен в небо. Однако, как всегда у Мандельштама, практические детали³⁰⁵ нивелируются и даны со сдвигом: картинка буквально анимируется на глазах, поэтому и такое красивое прочтение — восклицательный знак выстрела, удлиняющий в движении ствол/тело — весьма вероятно.

Отметим, что голова оруженосца служит графическим эквивалентом точки под вертикальным штрихом (= длинный ствол винтовки) в увеличенном знаке препинания. Для обозначения радости или усиления эмоции типографским знаком на ранних этапах книгопечатания, по одной из теорий³⁰⁶, использовали комбинацию из двух латинских букв (*Jo*), затем знак «I» над буквой «o» — то есть у Мандельштама здесь припрятана еще одна вариация азбучной «O».

В подтексте, возможно, следующий фрагмент из поэмы Маяковского «Во весь голос» (1929–1930):

Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.

Оружия
 любимейшего
 род,
 готовая
 рвануться в гике,
 застыла
 кавалерия острот,
 поднявши рифм
 отточенные пики.

17. *И зенитных тысячи орудий —*

Зенитное орудие (также жарг. зенитка, устар. противоаэропланная пушка) — специализированное артиллерийское орудие на лафете, предназначенное для борьбы с авиацией противника. В более современном варианте орудие смонтировано на самоходном колесном или гусеничном шасси, с круговым обстрелом и большим углом возвышения (стрельбой «в зенит», отсюда название — «зенитное орудие»). Для получения при такой стрельбе точных попаданий необходимо использование особых дальномеров.

Тяжелому летальному оружию приписываются как наступательные, так и оборонительные функции в зависимости от поэтического контекста: «Как прусской пушке Берте / Не по зубам Париж, / Ты не узнаешь смерти, / Хоть через час сгоришь» (Б. Пастернак, «Безвременно умершему» [«Немые индивиды...»]); А. Адалис:

Бессмертное тело мне дали гигантские люди
 Эпохи великого освобожденья народов, —
 И долго стреляли из гулких пещерных орудий³⁰⁷.

18. *Карих то зрачков иль голубых —*

«Зенитные орудия» из предыдущей строки вводят, наподобие триггера, в следующей тему зрения — «зеницы глаз»³⁰⁸. Зрачок, как и отверстие зенитного орудия, представляет собой узкое круглое отверстие (еще один *круг*, а также еще один *глаз* — ср. глаза на крыльях бабочки в цепочке похожих образов НМББ). Глаз — посредством взгляда — может воплощать универсальную силу солдатского духа, как писал Асеев, у которого, по определению Мандельштама, «смыкание и размыкание лирического тока дает впечатление быстрого перегорания и сильного эмоционального разряда»³⁰⁹:

...и мы не преклоним *зрачка* партизаньего
перед интервенцией прошлых веков!³¹⁰

У А. Адалис в эпизоде похорон Кирова (в книге, вышедшей в Москве в августе 1935 года незадолго до появления рецензии Мандельштама на другой сборник ее стихов³¹¹) кремированный усопший принимает трансцендентную форму многомиллионного глазастого тела, мистическим образом сливаясь со страной и гражданами:

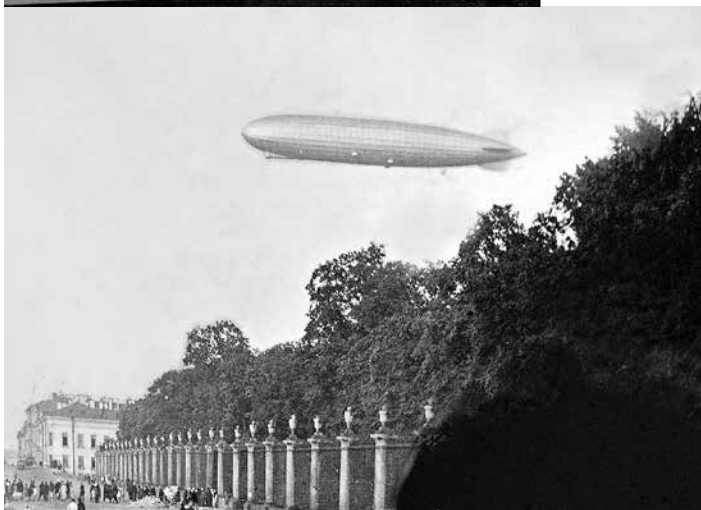
Он давно уже с нами слит,
Стал давно уже частью нас,
На гробницу свою глядит
*Миллионами наших глаз!*³¹²

Острый глаз и точность стрельбы — элементы устойчивой милитаристской фразеологии; их комбинация гарантирует успех военной операции и помогает нести дозорную службу. В «Марше дозорного» (1933) Иосифа Уткина —

Не клади штыка,
Дозорный.
Наблюдая за тобой,
Враг
Ворочает *подзорной*
Трехдюймовую трубой.
<...>
Над тобой,
Над миром целым
Дым войны
Идет в раструб.
Мы волнуем их
Прицелом
Дальнобойных наших труб.
<...>
Пусть же бьет
И в глаз
И в бровь им
Штыковой граненый лак,
Пусть глядят
И видят
В профиль
Бронированный кулак!³¹³

— и у Пастернака в «Безвременно умершему» («Немые индивиды...»), где из комнаты с венками через окно видно, как созвездия в вечернем небе

А. Дейнека. Построим мощный советский дирижабль «Клим Ворошилов». Плакат. 1930. Агиткампания была приурочена к 50-летию К. Ворошилова. Импульсом к реализации дирижаблестроительной программы в СССР стал прилет цеппелина *Graf Zeppelin* в Москву осенью 1930 года

Дирижаблестроение СССР. Почтовая марка. 1931. Годом ранее активисты организации Осоавиахим инициировали среди трудящихся массовую поддержку новой отрасли под лозунгом «Даешь эскадру советских дирижаблей!»

Г. Кибардин. Построим эскадру дирижаблей имени Ленина! Плакат. 1931. Анонсированная правительством СССР программа дирижаблестроения стала частью набравшей обороты кампании индустриализации

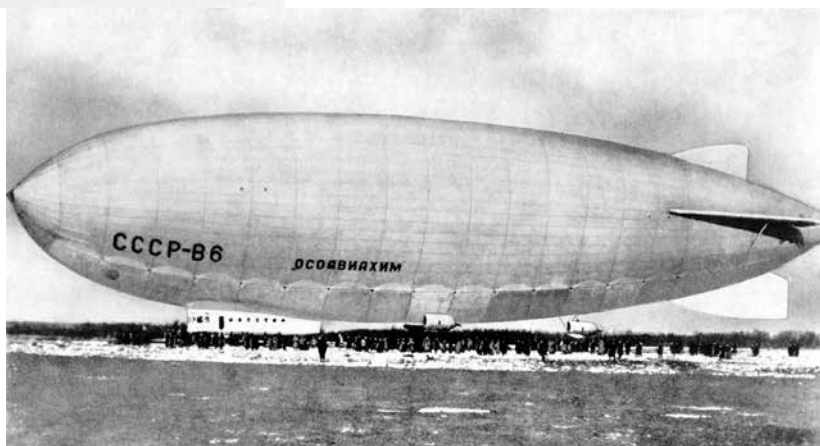
Цеппелин над Летним садом, 1930-е. Фотограф Г. Муратов (Семейный архив Муратовых)

С. Рудаков. Портрет
О.Э. Мандельштама. Воронеж.
24 апреля 1935

105-метровый советский дирижабль «СССР-В6» установил в 1937 году мировой рекорд продолжительности беспосадочного полета — 130 часов 27 минут. Снимок сделан на аэродроме Дирижаблестроя. Около 1935

М. Бри-Бейн. Женщина-пролетарка, овладевай авиационной техникой. Плакат. 1931. Дирижабли не только были нужны стране для выполнения хозяйственных и оборонных задач, но и мыслились как инструмент грядущего гендерного равенства

Дирижабль «Красная звезда» в Воздухоплавательной школе на Волковом поле, Петроград, 1921

Вид из гондолы французского дирижабля. Фотография из журнала *War Pictorial*. Январь 1918

Зенитные орудия
в похоронной процессии
И. Сталина по пути
на Красную площадь.
Кадр из кинохроники.
9 марта 1953

Фрагмент рукописи
стихотворения «Не мучнистой
бабочкою белой...» со строкой
«восклицая ружей на плечах»

Процессия пехота мотавиши
Восклицая ружей на плечах
И зенитных тысячи орудий —

ADMIRATION, NOTE OF (!).—This is the Latin *Io* (an interjection of joy) written in the same; first J_0 , then !.—*Bilderdijk*, as quoted in *N. & Q.*, Dec. 29, 1855.

Возникновение
типографского восклицательного
знака. Иллюстрация из книги
Джона Пауэра (*A handy-book about
books, for book-lovers, book-buyers,
and book-sellers. London, 1870*),
посвященной истории
европейского книгопечатания

Венков на похоронах
Сталина скопилось так много,
что организаторам пришлось
распределять их вдоль фасадов
зданий, ведущих к Красной
площади. Кадр из кинохроники.
10 марта 1953

выстраиваются в дозор над покойником («И выезд звезд верхами / В сторожевой дозор»). Инвариантом мотива «говорящих мертвецов» и «живых немых» представляется тема *посмертного зрения* в НМББ. В месяцы работы Мандельштама над стихотворением о летчиках армейская оптика в «Балладе о мертвом комиссаре» Семена Кирсанова приобретает свойства трансцендентного взгляда и возможности заглянуть по ту сторону бытия (как правильно угадал его младший современник³¹⁴):

Примерещилось мертвому — кончился бой,
с песней войско шагает просторами,
будто сам он, из камня, встает над собой
в каменной воинской форме!

И пшеничным дыханьем, отрадой степной
сон прополз по глазным пустотам.
Мысль, как шорох, прошла в белизне черепной:
«Знаю... что там...»

Он стоял, *ладонь положив на бинокль*,
как стоял в заварухе дымной.
И лежал у гранита красный венлок
от завода его имени³¹⁵.

Семья Кирсановых соседствовала с Мандельштамом в писательском доме в Нащокинском переулке в 1934 году, между ними установились добрые отношения; поэзию Кирсанова Мандельштам ценил, и они часто читали друг другу стихи на плоской крыше дома³¹⁶. «Пшеничное дыханье» и растворяющееся в черноземе комиссарское тело вызывают аналогии с евангельской метафорой зерна (которое, чтобы принести плод, должно исчезнуть³¹⁷) и с коконом (которому предстоит разорваться, чтобы родилась бабочка) в цитирувавшемся уже сочинении Шестова (см. комментарий к первой строке).

19. *Шли нестройно — люди, люди, люди, —*

Первые массовые коммунистические похороны на Красной площади вызвали к жизни череду гипербол:

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди³¹⁸.

Или —

Товарищи! Но кто был он?
Воль миллионов воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществлень³¹⁹

Брюсовские «миллионы» в риторически еще неоформленный словарь новой эпохи попали прямоком из символистской поэзии. Так в цикле К.Д. Бальмонта «Война» (1904) движение солдатских масс синхронизировалось с планетарным ходом:

И несчетные знамена
Бились в высоте.

Сильный, бодрый, гордый, смелый,
Был и я *солдат*,
Шел в безвестные пределы,
Напрягая взгляд.

Шло нас много, пели звоны.
С неба лили свет
Миллионы, миллионы
*Царственных планет*³²⁰.

Джон Рид запечатлел фантазмагорическую картину той же похоронной процессии как динамическую мозаику, включавшую разные типы движения:

...они несли сюда своих мертвецов. Можно было видеть, как *они идут* через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами. *За гробами шли женщины*, громко рыдая или молча, окаменевшие, мертвенно-бледные; некоторые гробы были открыты, и за ними отдельно *несли крышки*; иные были покрыты золотой или серебряной парчой, или к крышке была прикреплена фуражка солдата. Было много венков из неживых искусственных цветов... <...>

Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему. Печальное пение часто прерывалось рыданиями...

Между рабочими *шли отряды солдат* также с гробами, *сопровождаемыми воинским эскортом* — кавалерийскими эскадронами и артиллерийскими батареями, пушки которых увиты красной и черной материей, увиты, казалось, навсегда. На знаменах воинских частей надписи: «Да здравствует III Интернационал!»

или «Требуем всеобщего справедливого демократического мира!». Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нес гробы, спустили их в ямы³²¹.

Повторение слова «люди» в поэме «Лицом к лицу» (1923) Николая Тихонова, как и в НМББ, сигнализирует метаморфозу и метафору конвейерного уничтожения людей, перемалываемых как зерна в муку:

Тепло, тепло махают мельницы,
Льется мука в загоны,
А люди, люди тоже мелются,
И жернова каленые.

Мандельштам присутствовал при чтении Тихоновым этой поэмы 6 апреля 1924 года, более того, сохранился отчет о его участии в состоявшемся затем обсуждении. Мандельштам отметил влияние на автора Пастернака и Хлебникова; в целом поэма ему не понравилась, но данная позиция вызвала возражения теоретического характера у бывшего на том же заседании Ю.Н. Тынянова³²².

Ритмизированный перевод образа марширующих вооруженных солдат на язык поэзии приемом троекратного повтора слова «люди» встречается в «Марше» (Marsz) Бруно Ясенского, который с 1929 года жил в СССР:

W willi. Nad morzem. Płacze. Skriabin.
Obcas. Karabin. Obcas. Karabin.
Ludzie. Ludzie. Ludzie. Do bram.
Tra-ta-ta-ta-tam. Tra-ta-ta-ta-tam.³²³

Шагающий строй изображен утроением субъекта в стихотворении «Поход» Мигуэля Отеро Сильвы; оно начинается и заканчивается характерным зачином:

Солдаты, солдаты, солдаты
Проходят за рядом ряд³²⁴.

Текст революционного поэта южноамериканского происхождения был напечатан в «Известиях» 1 августа 1935 года (в пер. М. Рудермана — мандельштамовского соседа и, в некотором роде, ученика³²⁵) непосредственно под заметкой «Мы победим!», подписанной Алексеем Толстым, — и в силу сложных отношений с писателем уже одним этим газетная полоса могла обратить на себя внимание Мандельштама.

20. Кто же будет продолжать за них?

В подтексте — библейское: «Человек не знает, что будет, и кто скажет ему, что будет после него?» (Еккл., 10, 14).

Ранее текстологами специально не оговаривалось, что в так называемом «Ватиканском списке» воронежских стихов Мандельштама личное местоимение в последней строке первоначально было записано в единственном числе («Кто же будет продолжать *за ним?*») и только потом в рукописи поверх исправлено на множественное³²⁶. Несущественная, на первый взгляд, описка (?) или следствие сознательного выбора могут говорить в пользу промежуточного творческого решения автора вернуть читателя к начальной строфе — единственной в НМББ, в которой повествование ведется от первого лица.

Вопрошания в жанре плачевой культуры в отношении даже самых заядлых материалистов были достаточно хорошо освоены уже на раннем этапе развития советской поэзии, в частности, В.Я. Брюсов стилизовал знаковую конструкцию под безутешные рыдания по умершему в стихотворении «После смерти В.И. Ленина» (1924):

И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?³²⁷

Финальная тризна НМББ, как считала Надежда Яковлевна Мандельштам, ставит «горький вопрос о том, кто продолжит за людей их дело, и наконец, оратория о будущих войнах как о самоубийственном акте человечества...» Мысль о земле без людей, по утверждению вдовы, мучила Мандельштама и впервые появилась в «обреченном городе Петербурге, а в Воронеже прорвалась еще в стихах о гибели летчиков: “Шли нестройно — люди, люди, люди... Кто же будет продолжать за них?”»³²⁸. Н. Струве склонялся к политической интерпретации финала НМББ, как представляющего «разительный пример двоящегося голоса» Мандельштама: ссылаясь на С. Рудакова, допустившего, что в стихотворении автор «сдался на социальный заказ, смалодушничал», допуская очевидный анахронизм, исследователь обобщает: «в сегодняшнем прочтении, это видение толп, которым нет продолжателей, выходит за пределы гибели летчиков и может быть отнесено к массовым чисткам, к гибели миллионов, подрывающей естественную историческую преемственность»³²⁹.

В рецензии на сборник Адалис, сданной в редакцию «Подъема» одновременно с финальными этапами работы над рукописью НМББ, Мандельштам процитировал понравившиеся ему строки:

Так дико я близок с чужими людьми и делами,
Что часто мне кажется, мир есть мое продолженье.

ощущая двусмысленность и неопределенность раннего варианта, перед тем, как окончательно остановиться на публикуемой сейчас белой версии, Мандельштам попытался упростить синтаксис и прояснить смысл финала. Основываясь на верстке набора НМББ для публикации в воронежском «Подъеме» (позже рассыпанного), Т. Лангерак сделал вывод, что строки

И зенитных тысячи орудий —
Море глаз до боли молодых

— могли стать результатом компромисса, на который ссыльный поэт пошел «по просьбе редакторов журнала»³³⁵. Данный вариант строки на самом деле не встречается больше ни в одном из известных нам рукописных списков НМББ, и версия представляется обоснованной.

Кода стихотворения подтолкнула Н.Я. Мандельштам к типологическому размышлению о природе поэтического творчества у Мандельштама:

Я заметила, что ключевая строка, в которой сгустилось смысловое напряжение, всегда появляется последней (это, конечно, не значит, что она последняя по счету в стихотворении), словно поэт долго отстраняет от себя прямую мысль и высказывание, хочет обойтись без него, увильнуть, борется, пробует промолчать и наконец сдается. Тема дана уже в первой услышанной строчке (иногда и строфе), а разрешение темы — в той, что приходит последней. В стихах о летчиках последней пришла последняя строчка стихотворения: вопрос о том, что станет с человеческим делом, если не будет людей.

Через всю поэзию Мандельштама проходит мысль о человеке как о центре и воплощении жизни (человек — солнце, центр притяжения других людей) и о человечестве, воплощающем весь смысл жизни. Исчезновение человека, конец человечества — это та опасность, которая нависла над миром³³⁶.

В противовес М.Л. Гаспарову, который высказывался о «Стихах о неизвестном солдате» как последовательно антивоенных и советских, Ронен видел в них «другой тематический вектор — эсхатологический и приветствующий грядущий суд огня»³³⁷. Е.А. Тоддес, анализируя короткий переходный период в эволюции мандельштамовской поэтики, а точнее — ее идеологический поворот, приходит к выводу, что «Первая воронежская тетрадь» отчасти воспроизводит характер импульсивной лирики отношений с советским социумом, составившей существенную долю «Новых стихов», тогда как к другим стихам, писавшимся одновременно (апрель — май 1935 г.), формула 1931 г. — «Я извиняюсь, но ничуть не изменяюсь» — применима «уже вне иронии и без отрицательного оборота», ибо «советское, став предметом воспевания, апологетики, понимается как нечто позволяющее — в случае социальной регенерации “я” — восстановить целостную картину мира и как само новое,

сложившееся после революции универсальное природно-культурное единство»³³⁸.

Перелом в творчестве Мандельштама от «советских» к «эсхатологическим» стихам произошел в течение года работы над НМББ — именно это стихотворение разрыхлило и удобрilo почву для гражданской лирики 1937 года, когда поэт освободился от стеснявших его стилистических ограничений и начал писать «о политике языком вечности, а о вечности — злободневным языком свежей газеты»³³⁹.

23 августа 1935 года
Совнарком СССР и ЦК ВКП(б)
выпустили совместное
постановление о замене
двуглавых орлов на башнях
Кремля пятиконечными звездами
с серпом и молотом.
Работы планировалось завершить
к очередной годовщине
Октябрьской революции 7 ноября.
Фото 18 октября 1935

П. Караченцов. Каждый
колхоз, каждый завод летчика
даст в наш воздушный флот!
Плакат. 1936. Советские
летчики-добровольцы в этом году
участвовали в Гражданской войне
в Испании, сражаясь на стороне
лояльного СССР республиканского
правительства

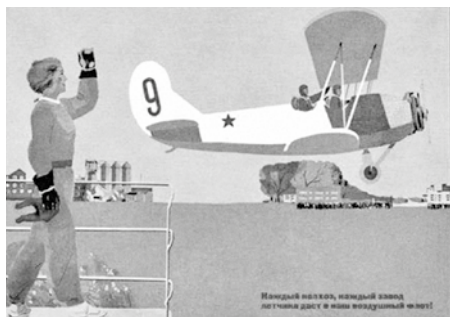
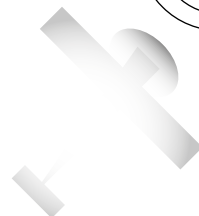
A

4

C

b

T

2

ЛАТЕНТНЫЙ ЭРОС И НЕБЕСНЫЙ СТАЛИН: О ДВУХ АНТОЛОГИЯХ СОВЕТСКОЙ «АВИАЦИОННОЙ» ПОЭЗИИ

АНТОЛОГИЯ «ЛЁТ» (1923)³⁴⁰

А. Родченко. Обложка
сборника «Лёт» [М., 1923]
под редакцией Н. Асеева

Две специальные поэтические антологии на авиационные темы появились в СССР с шестнадцатилетним промежутком — в 1923 и 1939 годах. Обе были «заказаны», но художественное качество и концептуальная цельность текстов в них оказались разными. Первый сборник, «Лёт», под редакцией Н.Н. Асеева вышел в московском издательстве «Красная новь». В нем приняли участие три десятка поэтов, как молодые комсомольцы, так и ведущие поэты с «репутацией» — Брюсов, Маяковский, Мандельштам. Издание сопровождалось оригинальными фотоколлажами А. Родченко (без указания имени художника³⁴¹). Название сборника расположено в центре обложки на фоне аэроплана, распятого буквой «Т» (вид сверху), под которым рубленным шрифтом в треугольник вписан неологизм «Авио-Стихи». Более поздний сборник стихов 1939 года был озаглавлен «Сталинские соколы» — цитата из речи Ворошилова, аттестовавшего этой орнитологической метафорой героев советской авиации на XVIII съезде ВКП(б), — и напечатан как роскошное подарочное издание.

Попытка теоретического обоснования так называемого «авиационного текста» (далее — **АТ**) русской поэзии была предпринята нами ранее³⁴². В данной заметке мы сосредоточим внимание на трансформации АТ в советской поэзии от 1920-х к 1930-м годам — в период, когда особенно остро обозначились проблемы литературной эволюции и определения состава поэтического воздуха — или, как сформулировал главный вопрос поэзии того времени один из ее теневого архитекторов, — «дыханья эпохи»³⁴³. В качестве емкого символа новая техногенная эпоха неизбежно присвоила себе аэроплан. Правда, о полетах в воздух начали писать раньше, до революции, а схожие функции авиатопоса параллельно развивались в европейской и американской поэзии. В силу этих обстоятельств перед советской поэтической школой встала задача необходимой перекодировки сложившихся на тот момент традиций изображения авиации в литературе. Ранняя авиационная история с ее культом рекордов и боготворением публикой пилотов неразрывно связана с понятиями национальности и национальной самоидентификации³⁴⁴. Ради обеспечения примата советского воздухоплавания, объявившего себя правопреемником дореволюционных подвигов, официальные историографы не постеснялись «открыть» новую дату первого успешного запуска летательного аппарата, настаивая на том, что русский изобретатель А.Ф. Можайский (1825–1890) почти на десятилетие опередил аналогичный опыт американцев братьев Райт³⁴⁵. Как будет показано далее, тема авиации и полета связана с идеей покорения пространства — небесного и земного, что, в свою очередь, оказалось созвучным раннесоветской идее завоевания пролетариатом всего мира. Топос покорения вызывает неизбежные маскулинные коннотации, мотивы завоевания женщины и обладания ею. Советские поэты не только воспользовались этой готовой парадигмой, но и значительно углубили ее на первоначальном этапе за счет переноса «машинных» метафор в любовную лирику и использования традиционных антропоморфных метафор для описания самолетов.

Издание сборника не случайно совпало по времени с принятием в России государственной военно-воздушной доктрины, определившей основную миссию формирующихся авиационных сил: решение тактических наступательных задач и поддержка сухопутных войск, стратегическая оборона собственной территории и, наконец, способность нанесения стратегического удара по врагу³⁴⁶. В конце 1922 г. немецкая фирма «Юнкерс» («Junkers») подписала соглашение с советским правительством о совместном строительстве большого авиационного предприятия под Москвой и о налаживании регулярного воздушного сообщения между двумя странами³⁴⁷. В 1923 году были организованы первые эскадрильи советских воздушных сил и одновременно с этим инициирована кампания по распространению в массах знаний в области авиации. Повсеместно в стране основывались аэроклубы (часто при школах), в которых преподавались основы аэродинамики, инженерного дела и навигационных систем, что вскоре позволило подготовить уникальную, по сравнению с Западом, образовательную систему, поставившую будущих летчиков³⁴⁸. Правда, несмотря на тот факт, что к 1925 году Россия уже сама контролировала свою гражданскую и военную авиацию, производство и техническое оснащение во многом по-прежнему зависели от Германии.

Как сказано выше, обновление понятийного и словарного состава АТ происходило на основе готовых поэтических форм. Символика небесного флирта (авиатора с небом, авиатора с незнакомкой на трибунах, с машиной) была общим местом в стихах о воздухоплавании 1910-х годов — ее находим у Северянина, Блока, Ходасевича, Зенкевича, Шершеневича и многих других. Один из примеров — стихотворение из сборника «Аэропланная поэзия» (1912) Константина Олимова, где «пилоты жутко ерзают», а у аэроплана «бурлится шум пропеллеров»:

*...Пилоты смелоглазые, шмелей руководители,
В безветрии стрекозятся в эмалевой обители.*

*Небесная игуменья — симфония влюбления —
Молчит молчаньем траурным в друидном отдалении³⁴⁹.*

Эффект новизны спустя декаду мог — и должен был быть утрачен для русской литературы первой половины 1920-х годов, как произошло, например, с поэзией европейской³⁵⁰. Тем не менее постреволюционная обстановка в России с ее временным ослаблением культурных табу резко стимулировала творческое воображение. Авиационный сборник 1923 года — плод раскованной в сексуальном смысле атмосферы 1920-х — в первую очередь выделяется своей повышенной эротической насыщенностью.

Для авиационной лирики 1920-х годов характерно чувство вертикали — метафизическая устремленность вверх. При этом метафорический спектр достигает накала в буквальном смысле слова — сравнения с огнем, с горя-

чим (расплавленным) металлом и т. д. переполняют стихи об авиации тех лет. Ср. миф о «родах аэроплана», о его буквально *горячем происхождении* в «Железе» Г. Санникова:

Ты ударишь в железо —
Зазвенит и застонет оно
О заводе,
О доменной печи,
О горячих мученьях в огне.
Всколыхнет тебя стон железа...³⁵¹

Как утверждает Светлана Бойм, стихотворение Павла Германа «Всё выше», с 1931 года известное всем как «Марш сталинской авиации», на самом деле было написано А. Гастевым еще в 1920 году, когда тот организовывал Центральный институт труда (ЦИТ) («Нам разум дал стальные руки-крылья, / А вместо сердца — пламенный мотор»)³⁵². Синтез направленности ввысь с «высокотемпературной» лексикой (посредством которой передаются впечатления цвета) заявлен в открывающем сборник «Лёт» стихотворении «Крылья» М. Артамонова: «*Огненный день возгорится / Между лазурных высот. / Выше, стальные птицы, / Дерзкий свершайте полет!*»³⁵³. Следующим напечатано стихотворение «Стерегите облака» редактора-составителя сборника Асеева (одного из немногих, кто попал и во вторую антологию 1939 года; Маяковский — посмертно). Именно Асеев, стихотворение которого граничит с неприлично садистской шуткой, санкционирует прочтение авиационного налета как навязанного против воли акта насилия: «*Когда "капнет" сверху бомба в рот — / Будет поздно орать, что пословица врет <...> Чтобы носа не прятать в землю, / Ожидая "небесный плод"*»³⁵⁴. Глаголы активного действия («колоть», «буравить», «рвать», «рыть», «рыхлить», «вспарывать» и т. п.) доминируют в текстах сборника каждый раз, когда речь заходит о воздействии летчика на окружающую среду, будь то небо или земля: «*Глядишь — и [аэропланы] столицу взрыли / Без особых трудов*» [Там же; столица — жертва — в женском роде]; «*Небо пропеллерами рыхль!*»³⁵⁵. Эротические коннотации вообще, видимо, присущи поэтическому мышлению при описании таких процессов, как физическая инициация и состязание; для поэзии той эпохи они являлись нормой. Опытный поэт и редактор Асеев, усмотревший в стихотворениях фривольные ассоциации, отобрал и расположил тексты сборника таким образом, чтобы композиционно подчеркнуть латентную сексуализированность авиационного прорыва молодой советской республики.

Со свойственной ему прямотой Маяковский спрашивает читателя, не чешутся ли у того лопатки (то есть место, откуда должны вырасти крылья). Новый орган необходим, если ночью вдруг «захочется» заполнить небесную вагину:

Наумовские стихи — из наиболее откровенных в авиационном сборнике. Здесь Эрос становится метонимической доминантой — летчик вступает в соитие не просто с небом, но с солярным мифом символизма, памятного по стихам Бальмонта: «Как жалки мне хмели земные, / Пусть Абрау-Дюрсо, / Пусть столетний Аи, / когда от поцелуев Солнца / Я вдребезги!»³⁵⁸. Поэт становится свидетелем и соучастником грандиозного любовного акта, совершаемого между небом и землей, причем последняя как бы исполняет для него кафешантаннй танец с элементами стриптиза:

Крутой
Разворот.
Бросок...
Другой...
Сиденье ускользает подо мной.
Сегодня мягко зыблют
Воздушные качели
И величаво *раздвигают дали горизонт.*
И с тихой гордостью *показывает земля*
Внимательно *нагнувшемуся небу,*
Как сразу приделись,
Проплаканные,
Заплатанные
Поля
В веселую
Шелковую
*Одежду*³⁵⁹.

Небо, в подавляющем большинстве примеров снабженное женскими гендерными признаками, часто ассоциируется с колоссальной кроватью³⁶⁰ в библейских шелках и виссоне (с подтекстом любовных игр «Песни песней»)³⁶¹, на которой происходит коитус («И кувыряться спазмами на би-плане, / Две ревущие бешено машины случая / *В воздухе в исступленном совокуплении*»³⁶²). У комсомольского поэта Н. Наумова полет-совокупление заканчивается фантастическим оргазмом:

Какое пиршество для глаз.
Просторов оргия!
Опьянилась даже бирюза!..
И — ком у горла!

Солнце,
Неуемно брызжущий водомет.
Исступленной радости
Тебе,
Мой наилучший дар...³⁶³

Целью полета в поэзии объявляется покорение земли — желание обладания и господства над нею — в облике невесты, любовницы, проститутки, которых летчику надо залить своим революционным семенем:

...Чтобы землю залили мы лавой
с воздуха и с земли.
Нас не праздная воля помчала
В те просторы, где *ветра стон*.
Землю, землю нам надо сначала!
А остальное — потом.
Лишь тогда мы помыслим о том,
Чтобы Космосу *штурмом грозили...*³⁶⁴

Индивидуальное наслаждение отныне приносится на алтарь революции и подчиняется классовым задачам. Советский поэт интерпретирует планы Троцкого аллегорически (буйство природных стихий) и вместе с тем буквально: насадить революционную идеологию в мировом масштабе означает оплодотворить этой идеологией мировое сознание, желательно по обоюдному согласию, но если надо, то и силой. Освоение космоса рассматривается отныне как следующий этап реализации братской любви коммуны; другими словами, покорение небес — это общинный акт любви: «Взвезют красные аэропланы / Братский пламень всемирных уз»³⁶⁵. В стихотворении В. Брюсова, так и озаглавленном «Штурм неба», явно присутствует эякуляционный намек с эвфемизмом оргазма (= «открыть окно»), подкрепляемый глаголом «хлынуть» и развешанной в строфе женской пудрой:

*И вдруг — открой окно. Весь день
Пусть хлынет, ранней мглой опудренный;
Трамвай, толпа, явь, жизнь везде,
И вот — биплан над сквером Кудрина.*³⁶⁶

Жест открывания окна настежь — обнажение души, воплощающее открытость *urbi et orbi*, — экстраполируемый на момент интимной близости, — не эксклюзивная брюсовская находка³⁶⁷. Недаром, однако, в одной из первых критических статей, посвященных воздухоплаванию в русской поэзии, К. Чуковский похвалил Брюсова за стихотворение, обращенное к пионерам авиации Фарману и Райту. Чуковский радовался решительному настрою «хищного, властолюбивого» поэта по отношению к стихии. На метаописательном уровне **борьба со стихией** (грамматически женского рода) недвусмысленно прочитывается как опыт укрощения строптивой любовницы средствами военной, имперской метафористики: «Эта человеческая жажда деспотизма и владычества, *это хватание...* для Брюсова дороже всего. <...> Так необычайна в русской литературе эта поэзия

победы, власти, захвата; и характерно, что из русских поэтов один только Брюсов ощутил одоление воздуха, как свою, как личную победу...»³⁶⁸

Спустя всего десять лет из индивидуального достижения завоевание воздуха превращается в ориентир государственной важности; перемена, сопровождаемая знаковым присвоением неба путем нанесения на него — пусть и временных — координат территориальной принадлежности. Игривые недомолвки (дымовые буквы, искусно выписываемые пилотом в небе) слагают аббревиатуру названия Союза Советских Социалистических Республик:

Вы
Ввысь
Синевы,
Красные летчики,
Бросили круглые росчерки...
Дымами
Чертят заветное имя...³⁶⁹

Эллинские легенды (Икар и Дедал — столь распространенные в западных АТ и в русской авиационной поэзии до 1917 года³⁷⁰) теряют актуальность для советской литературы. Мифология полета переосмысливается теперь в соответствии с отечественной фольклорной традицией, обретая сказочные обертоны, как у В. Кириллова в стихотворении «Летчик»:

*Слежу, как дерзостно врезаешься
Ты в глубли голубых ветров.
Стальным рычаньем огрызаешься
На сонм встревоженных веков.
Так вот она, глухая, древняя,
Овеществленная мечта, —
Уже не спящими царевнами
Легенд лучится красота³⁷¹.*

Национальная ориентированность этих стихов усугубляется тем, что пушкинские сюжеты преломлены в них через восприятие стихов Блока³⁷². Участь царевны, спящей в хрустальном гробу, предreshена на следующей странице стихотворением М. Макарова: «*Колю мечту, как звон хрустальный, / Меня несет аэроплан, / Меж облаков сверкая сталью...*»³⁷³. Советским поэтам мерещатся в облаках терема и чертоги³⁷⁴, тогда как «летчики-молдичики» с «алыми крыльями» за спиной³⁷⁵ удивительно похожи на героев русских былин. В стихах о летчиках, как в новой советской сказке, происходит урбанизация русского патриархального уклада, подготавливающая риторику сказочных метаморфоз сталинских летчиков в «соколов», чудесным образом преодолевающих силы враждебной природы — лед,

ветра, дожди, даже нехватку кислорода³⁷⁶. Действительно, все эти летающие Ильи Муромцы — усовершенствованные сверхчеловеки красного аэрофлота. В «Сказке о стальной Жар-птице» герой М. Голодного вместо того, чтобы поймать птицу с хвостом, полыхающим пламенем, строит на «фабрике огневой» аэроплан. Подобно сказочной птице, главное у отстроенной машины — ее хвост. Правда, он совершенно бесперый, зато большой и круглый:

Гостью стальную
Выстроил май.
Ну-ка, такую
 Попробуй, поймай.
 С тучей спорит
 Надо мной
Хвост бесперый,
*Хвост стальной*³⁷⁷.

В хвосте машины пилот-мужчина очевидным образом сосредоточивает магическую фаллическую силу (ср.: у Шершеневича летательный аппарат вытягивается в хоботообразный орган, насилюющий антропоморфизированное облако: «...Я наступил / Бипланом на юбку вальсирующих облаков! <...> И моя пытка длинна, как хобот слоновий...»³⁷⁸). Хвостом ли, крыльями ли — русские молодчики врезаются в небо, неизменно вызывая одну и ту же реакцию: содрогание у неба и ответную истому у пассажиров или наблюдателей с земли:

И... вдрызг синева.
И четыре крыла. И *охнуло небо.*
И дрожь... и в судорогах облака.
 И, пьян,
Прямо в повисшее
 солнцем небо
Ударился зазвеневший биплан.
А мужик закричал, *потянулся в истоме*
И улыбнулся во весь рот³⁷⁹.

Рассчитывая, видимо, на ослабление идеологического надзора, ближе к середине сборника составитель включает стихи, в которых вуайеризма и эротической провокационности больше, чем политически корректного дискурса. Стихотворение С. Обрадовича «Взлет» апеллирует к стилистике раннего Маяковского, сочетая футуристическую экспрессивность с авиационной образностью: «Базарами, буднями, этажами, / Сонным взором толп и витрин / Шурша, — / Грохотал, скакал, подсакивал за нами / Города растерянный крик. / Задыхаясь, червясь, / Полз переулоч»³⁸⁰.

Но главное в этом стихотворении инверсированная, по сравнению с другими текстами сборника, ситуация погони женщины за мужчиной. Пилот пытается вырваться из повседневности, тогда как его голубоглазая супруга расставляет ему коварные сети:

1000 метров.
Нет!
Не оставить!
Не позабыть пыток земных;
Гордость и радость рабочей заставы
И голубые глаза жены!
И тонкие темные пальцы улиц
В пыли,
В поту,
В чаду,
В огне,
*Тянулись за нами...*³⁸¹

Другая важная инверсия состоит в том, что летчик вступает в соитие не с небом, а с землей. «Пальцы улиц» — очередная цитата из Маяковского — «пальцы улиц ломала Ковна» в стихотворении «Мама и убитый немцами вечер» (1914). В итоге летчику удастся обрести вместо земной жены сакральную невесту — красавицу Москву (флаги цвета крови здесь продолжают тему «земных пыток», в которой сознательно соединена топика любовной и социальной лирики):

...Доброй широкой грудью
Ночь.
Ветер отстал на последней версте.
А в цейсовские стекла
Вслед —
Знаменная кровь,
*Капелькой крови с кремлевских стен*³⁸².

Символика овладения столицей (внедренная в русское читательское сознание наполеоновским эпизодом из «Войны и мира» Толстого) подпитывается здесь технологическими ресурсами и инициацией в новый мир безграничной мобильности. Обретение же в пубертатный период советской поэтики воздухоплавания доселе невозможной перспективы «с птичьего полета» можно истолковывать — на понятийных ключах тогдашней рефлексии этой проблематики — как прощание с сухопутной невинностью. Следом за описанием попытки аллегорического проникновения летчика в телесные ткани кремлевского комплекса Асеев вполне логичным образом располагает в сборнике текст с мифологическим эпизодом

оплодотворения (М. Пасынок. «О летчике с барабаном»). Цепочка поколений с неизбежным конфликтом отцов и детей здесь для достижения большего напряжения растягивается до дедов и внуков, гротескно выпячивая парадигму «старого и нового» (как с эпизодом «сватания» племенного быка в одноименном фильме С. Эйзенштейна, снятом несколькими годами позже).

Вздыбилось время
Автомобилем,
Не верстами — милями
Меряется мир.
Вниз — вверх,
Вглубь — вширь
Семя
Мыслей, дум, вер...

Выше, в небо —
Небу — бой!..

Милый дедушка, вместе с тобой
Начали путь заревой
Под землей.
То, что начал ты — крот,
Кончит славой — внук-пилот³⁸³.

Аэроплан у Пасынка — это «счетчик времени», и только советскому внуку, согласно меняющейся картине цивилизации и мировоззрения, суждено с помощью фантастической машины обрести Славу в оргиастическом акте победы над солнцем. Казалось, сбываются мечты футуристов, которых в середине 1920-х годов самих начинали постепенно теснить с «корабля современности» в классово чуждое небытие. Динамика «вниз — вверх, вглубь — вширь» также заслуживает особого внимания, поскольку траектория аэроплана в полете — довольно часто эксплуатируемая в эротическом дискурсе АТ составляющая вне зависимости от авторской принадлежности к политическому лагерю. Ср. в двойчатке «В воздухе» (1918) эмигрантского поэта М. Щербакова, у которого физическое наслаждение вербализуется как праведное опьянение без вина воздухом и полетом:

Взмываем вверх, ныряем вниз,
Парим орлиными кругами,
И носит нас *хмельной каприз*
*Над разъяренными врагами!*³⁸⁴

У А. Платонова планирование летчика по «воздушным ямам» вызывает «разгоряченные взоры» снизу и ответное желание пилота «вдребезги *землю расцеловать*»³⁸⁵. В стихотворении С. Родова о летчике Уточкине прямо сообщается, что он вертел «мертвые петли» на «Блерио» ради успеха у легкомысленных женщин:

Всю жизнь он гонял напролом,
На пролет и на вылет
Гнал он. <...>
Чтоб потом
В кабачке
У гуляющей девчонки
Сорвать поцелуй.
Любил он с пивом бочонки,
Любил он стаканы с вином³⁸⁶.

Поведение дореволюционного летчика («Был у забавы рабом, был у славы в найме») неправильное: вследствие неприкрытой распутности торговавшего своим умением на публичных шоу его слава «дымкой ушла папиросной». На место буржуазных каскадеров приходят идеологически подкованные и классово сознательные воздухофлотцы, гонцы коммуны, которые под бдительным контролем Кремля исполняют библейский императив плодиться и размножаться:

И множатся звезды над тучами,
Красные звезды советские —
Молниями гремучими,
Делами молодецкими³⁸⁷.

Секс ради удовольствия приносится в жертву идеологически оправданной прокреации. В будущем Красная армия пополнится новыми людьми, чьи «мускулы напряжнутся»³⁸⁸, но до тех пор, пока в их жилах не запульсирует «рудниковая кровь» (там же), поэт будет внимательно присматриваться к психосоматике летчика, сливающегося со стальной машиной. Спустя полтора десятилетия новый человек по приказу партии был выкован.

Сборник с таким сильнейшим, как у Н. Асеева, эротическим зарядом не мог повториться в конце 1930-х годов — не только по соображениям цензуры, но и в силу сменившихся норм художественной эстетики. Влияние составителя антологии Флоры Лейтес на режиссуру текстов, по сравнению с ролью ее предшественника в 1923-м, по-видимому, было гораздо более скромным, если не просто номинальным.

Переход от одного сборника к другому во многом выражает те закономерности, которые описал В. Паперный в книге «Культура “Два”». Если авиационная эротика книги «Лёт» была трансформацией соответствующих сюжетов Серебряного века (как и вся пролетарская поэзия, которая при близком рассмотрении часто оказывается перекомпоновкой по принципу бриколажа многих кодов дореволюционной поэзии), то «культура “Два”» на такую гибкость сознания была неспособна. Паперный пишет, что, когда в 1930-е годы над Тушинским аэродромом пролетали самолеты, образуя слово «Сталин», было ясно, что далеко не каждый информационный носитель вправе передавать эту информацию. Слово «Сталин» могло составлять в небе только из «сталинских соколов»³⁸⁹. В 1930-е годы торжества, прославлявшие воздухоплавание, стали государственной монополией (День авиации ежегодно экстатически отмечался 18 августа³⁹⁰). Зарезервированный за авиацией статус мифологического свершения был частью продуманной политики. Каждый советский подвиг имел экономический эквивалент. Фактически, несмотря на заявления о том, что достижения летчиков являются результатом коллективных усилий и беззаветной самоотдачи всего советского народа, в системе вознаграждений соблюдалась строгая иерархия. Например, в 1936 году Чкалов как *primus inter pares* получил в дополнение к званию Героя Советского Союза премию в тридцать тысяч рублей, в то время как второй пилот и штурман, члены экипажа Байдуков и Беляков, — на десять тысяч меньше³⁹¹.

Когда в 1936 году П. Осипенко заявила в дни Всесоюзного совещания жен командного и начальствующего состава РККА с высокой трибуны в Кремле: «Обещаю летать выше всех девушек мира!», эта клятва ознаменовала важнейшую веху в советской авиационной эмансипации. До сих пор бой являлся мужской прерогативой, но постоянно меняющиеся условия войны и технологические достижения с неизбежностью предполагают возникновение новых идеалов и нормативов мужественности³⁹². Возможно, этому способствовала и взвинченная накануне Великой Отечественной войны риторика борьбы за мир³⁹³: по замечанию Пола Робинсона, «мужская» честь связана с соперничеством и торжеством над другими, «женская» — с миром и чистотой³⁹⁴. Пилот с ярко выраженными маскулинными признаками постепенно исчезает из АТ, в них начинают доминировать сдержанная асексуальность и стремление к равенству полов³⁹⁵. Первичные гендерные признаки нивелируются, сглаживаются, им на смену приходит *другая любовь* — любовь, которая превышает всех земных любовей, — к Родине-Матери: «Родина!

/ Стол им накрой, как мать! / Полный бокал им налей! / Руки ты к ним протяни, / Чтоб обнять / Лучших своих сыновей!»³⁹⁶.

Сталинское подарочное издание 1939 года само по себе выполняет функцию пропагандистского послания, сигнализирующего о новом историческом контексте, радикально отличавшемся от ситуации первой половины 1920-х годов. В первую очередь, это касалось качественных перемен, произошедших с советской авиацией на переходе от 1923 к 1939 году. В первой половине 1920-х годов на авиацию, как на новый и действенный вид войск, возлагались большие надежды³⁹⁷, правда, носившие скорее оттенок романтики, чем стратегически осознанной необходимости. Однако уже в испанской войне самолеты показали высокую боевую эффективность, и вторая половина 1930-х стала временем общей интенсивной гонки авиационных вооружений в Европе³⁹⁸. В СССР ставка была сделана на дальние бомбардировщики (она соответствовала и европейским военным доктринам) — отсюда и культ авиаперелетов. Расчет этот, как выяснилось в первые месяцы Великой Отечественной войны, был неправильным, и советским стратегам пришлось «на ходу» менять всю концепцию военной авиации. Тем не менее наращивание оборонной промышленности в 1939-м шло полным ходом, следовательно, требовало идеологической поддержки.

Основные тенденции сборника 1939 года выявляются сами собой. Фривольные предпочтения авиационной любви прошлого десятилетия оказались субституированы новым объектом: из размытого неба и абстрактного солнца оформился отчетливый архетип — образ небесного Сталина. Теперь поэт и летчик могли достигать оргиастического единства только одним способом, а именно — через прикосновение к заоблачному кумиру³⁹⁹. Контакт этот носит отчетливо незавершенный характер: с одной стороны, мы имеем форму массового волеизъявления близости, с другой стороны, это желание, которое никогда не удовлетворяется, а физический Сталин подменяется различными своими атрибутами — портретом и именем. Таким образом, единственно возможное в модели этих взаимоотношений овладение Сталиным путем постижения его астральной проекции — прочтение его **небесного имени** — становится главным стремлением и подсознательной целью авторов новой антологии АТ 1939 года. «Горный орел» воспитал «горных соколов», но самый главный «орел», конечно, Ленин (Сталин: «Мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии»⁴⁰⁰). В космогоническом советском мифе верховный жрец выполняет и навигационные, и дидактические функции:

— Да! Он штурман. Он тверд и спокоен.
Он жизни нашей направил полет.
Да, он летчик — и твердой рукой
Он всю планету ведет вперед.
Да, он горный орел. Он бесстрашен.

Он зорек. Он видит во мгле и в дыму.
Да! Он воспитал горных соколов наших,
Вчера прилетевших с победой к нему⁴⁰¹.

Из всех разделов этого объемного сборника (более 300 страниц, стихи более чем 60 авторов), включавшего рубрики «На страже родины», «Крылатая молодежь», «Стратонавты», «Сталинские маршруты», «Памяти героев»⁴⁰², нас сейчас интересует один — «Героические женщины». Ядром этого раздела стали стихи, заказанные у ведущих песнопевцев Советского Союза с целью увековечить недавний героический перелет женского экипажа самолета «Родина» в составе Валентины Гризодубовой, Марины Расковой и Полины Осипенко из Москвы на Дальний Восток. Джамбул, В. Лебедев-Кумач, А. Твардовский, А. Сурков, М. Исаковский, С. Михалков и ряд других менее значительных поэтов принесли свои стихи в дар трем молодым летчицам — и через них главному архитектору и вдохновителю полета Иосифу Сталину. Этот принцип двойной экспозиции выразил Н. Берендгоф:

<...> Бросая вызов небесам,
Неслись над кручей темных скал,
И у штурвала Сталин сам,
Казалось, день и ночь стоял...
Вдали за сопки уходя,
Редели сумерки вокруг.
Улыбка мудрого вождя
Приветствовала трех подруг.
Вождь улыбался, слыша гул.
Пропеллер пел, глотая снег,
О том, кто в мире повернул
Могучее течение рек⁴⁰³.

Сталин лично санкционировал перелет 23 сентября 1938 года: до этого он неоднократно откладывался и мог быть вообще отменен из-за угрозы ухудшения погоды на Дальнем Востоке. Самолет «Родина» (АНТ-37бис), на котором экипаж Гризодубовой отправился в полет, был создан знаменитым авиаконструктором П.О. Сухим в конструкторском бюро А.Н. Туполева. Изначально самолет проектировался как дальний бомбардировщик и мог с полным запасом горючего преодолеть без посадки расстояние примерно в 7,5 тыс. км. Для женского экипажа его специально переоборудовали, из-за чего острословы расшифровывали аббревиатуру ДБ вместо «дальний бомбардировщик» как «дамский бомбардировщик». Например, шасси убиралось простым нажатием кнопки при помощи электрического привода, что для советской авиации тех лет было настоящей роскошью — на других самолетах оно убиралось вручную⁴⁰⁴. Собственное

имя самолету, по легенде, дала сама Валентина Гризодубова: после десятилетия подготовки женский перелет должен был стать своеобразным идеологическим ответом западному империализму⁴⁰⁵.

На 26-м часу негладко проходившего полета в кабине Гризодубовой загорелась красная лампочка, которая сигнализировала, что горючего осталось максимум на полчаса. До Комсомольска было еще довольно далеко, и командир должна была искать место для вынужденной посадки. Гризодубова знала, что при предыдущей вынужденной посадке однотипного самолета была разрушена штурманская кабина, а сам штурман спасся, выпрыгнув с парашютом перед посадкой. По приказу командира штурман Раскова благополучно спустилась на парашюте, не получив никаких травм при прыжке. Она видела, в каком направлении летел самолет перед посадкой, но пошла в другую сторону, обманутая эхом от выстрелов Гризодубовой и Осипенко, пытавшихся таким образом указать Расковой местоположение самолета. Из-за этой ошибки штурман десять дней блуждала по тайге, пока не вышла к «Родине».

Неполадки со связью привели к тому, что «Родину» вынуждены были искать на территории площадью более 1,5 млн кв. км. Только 3 октября 1938 года летчик Сахаров заметил ее с борта своего самолета, а 5 октября к ней самостоятельно вышла Раскова. Радость от спасения всех летчиц была омрачена нелепой гибелью двух самолетов, которые столкнулись в воздухе на следующий день после обнаружения «Родины». В этой катастрофе погибли 16 человек, включая начальника ВВС 2-й армии комдива Сорокина и штурмана комбрига Бряндинского.

Экипаж «Родины» пробыл в воздухе 26 часов 29 минут и пролетел по прямой 5909 км, установив новый женский международный рекорд дальности полета для поршневых самолетов. Уже по пути в реабилитационный центр на катере «Дальневосточник» девушки составили телеграмму Сталину и правительству, в которой кровная связь между летчицами и прославшей их на подвиг страной подчеркивается выпуклыми семейными метафорами:

МОСКВА, КРЕМЛЬ

тов. СТАЛИНУ.

С Вашим именем в сердцах *мы, дочери великой социалистической родины*, пролетели без посадки сквозь облачность, туманы, обледенения и ночь от Москвы — сердца необъятной родины, до берегов Амура. На болоте, в тайге, среди сопок мы были не одинокими — с нами весь наш многомиллионный народ, партия и Вы, товарищ Сталин. За *отцовскую заботу* спасибо.

Гризодубова, Осипенко, Раскова⁴⁰⁶.

Телеграфирование Сталину само по себе имело ритуальный смысл. В центре пространства позднесталинской культуры находится неподвижно пребывающий в Кремле вождь, связанный со страной посредством почты.

Страна здесь замкнута, она рапортует вождю, и в этом заключается основное и единственное событие ее жизни⁴⁰⁷. Все подвиги совершаются ради того, чтобы быть доложенными в центральную точку одной шестой части суши, вобравшей в себя весь земной шар⁴⁰⁸. Как и в идеальном акте любви, двусторонняя духовная связь соединяет и дополняет коммуникационным каналом близость телесную. В случае отца (Сталина) и его любимых дочерей (летчиц) физическое единство излишне — и отнюдь не по соображениям нравственности, а потому, что оно подразумевается как состояние автоматическое. Но на декларационном уровне желание физической близости вербализуется в поэзии как вечная и незавершенная процессуальность желания.

В Москву летчицы прибыли 27 октября, где им устроили триумфальную встречу, и меньше чем через неделю они первыми среди женщин были удостоены звания Героя Советского Союза. Результат вполне ожидаемый, поскольку уже в ответной телеграмме Сталин авторитетно заявил, что полет девушек «является международным женским рекордом как по прямой, так и по ломаной линии». Послание заключалось вербализацией тактильного прикосновения к юным героиням: «Гордимся вами и *от всей души жмем ваши руки*».

Антологию с подборкой посвященных ей и другим участницам героического экипажа стихотворений Полина Осипенко увидеть не успела. Она погибла в авиационной катастрофе 11 мая 1939 года во время учебно-тренировочных сборов вместе с начальником Главной летной инспекции ВВС РККА А.К. Серовым. Образ летчицы как **вечно молодой** героини накладывается на недавно апробированную «мужскую» схему (Чкалов погиб в декабре 1938 года в возрасте 34 лет) — симметрично расположившиеся в официально санкционированной мифологической картине мира летчик и летчица вполне соответствовали народному представлению о том, как должен выглядеть Новый Советский Человек⁴⁰⁹.

Мотив прикосновения руками к освященной воздухом хрупкой плоти вскоре возникает в поэтической эпитафии «Полина Осипенко» С. Кирсанова, в которой снова различимы брюсовские «хватательные рефлексy»⁴¹⁰:

Мы б тысячные
вытянули руки —
Все небо
оцепить и обхватить,
чтоб *тело драгоценное*
подруги
над пропастью смертельной
подхватить⁴¹¹.

Правда, объятия эти дистанцированы от динамичной радости спортивной советской молодежи и поражают прежде всего апогеем статичности —

Министерство Государственной Безопасности СССР
Центральный архив

Дело взято на тематический учет

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению *Мандельштам
Осипа Эммануиловича.*

Р- **33487**

~~49284~~

АРХ. № ~~604671~~

Количество томов „1“, том „1“

ОГПУ
(наименование органа, в производстве которого)

находилось дело)

Год производства

1934.

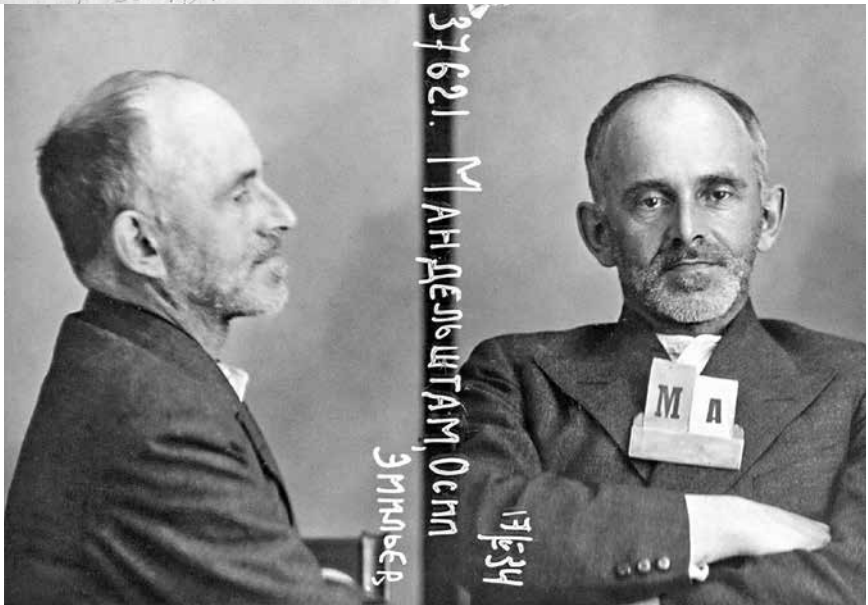
ПО ИСПОЛЗОВАНИИ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

1129

Р-33487

Дело по обвинению
О.Э. Мандельштама № 33487
(Центральный архив ОГПУ, КГБ)

Осип Мандельштам.
Сигналетическая фотография
в составе следственного дела
ОГПУ СССР 1934 года

Народный Комиссариат

Внутренних Дел СССР

Кервалле

Отдел Актов Гражданского Состояния

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД по М.О.

Место

БЮРО АКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

для
штамп гражданского р-на

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о смерти № *575/кр.*

Мандельштам

Иосиф Иосифович
(наим. и отчество)

умер (да) *27 декабря 1948* года, число и месяц

девятого числа в возрасте 48 лет

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1948 г. „*девятого*“ числа *мая* м-ца произведена соответствующая запись.

город _____ край _____
селение _____ область _____
район _____ с/совет _____

Возраст и причина смерти

47. Паралич сердца

Завед. Бюро Загс

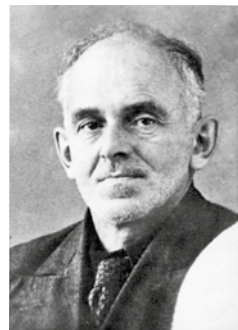
Меллер

Артемий Селезнев
Делопроизводитель

Сев

Свидетельство о смерти
О.Э. Мандельштама, выданное
лишь в 1949 году.
Официальная причина смерти:
«Паралич сердца»

О.Э. Мандельштам.
Воронеж, 1935

**ДАДИМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ!
150.000 ЛЕТЧИКОВ!**

В. Говорков. Дадим советской стране 150 000 летчиков! Плакат. 1937

Врезка в книге «Герои воздуха» (1934) риторически обыгрывает предупреждение варягам, приписываемое князю Александру Невскому: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!» — восходящее к Евангелию от Матфея (26:52): «...все, взявшие меч, мечем погибнут»

«Пусть стаи советских самолетов понесут во все края нашей родины великие идеи Ленина и Сталина, социалистическую культуру и благосостояние. И если будет нужно, пусть наши самолеты понесут смерть и гибель всякому, кто осмелится посягнуть хотя-бы на пядь советской земли».

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СЧАСТЛИВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РОДИНА.
 Да здравствует наш любимый великий Сталин!

Г. Клуцис. Да здравствует наша счастливая социалистическая Родина! Да здравствует наш любимый великий Сталин! Плакат. 1935. На трибуне Мавзолея — исполины, боги, вознесшиеся над ликующей толпой. В небе — фантазийная череда самолетов-гигантов (несуществующих клонов модели АНТ-20 «Максим Горький»), маркированных именами вождей: Ленин, Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов и др.

Обложка книги «Полеты в облаках» летчика-рекордсмена Ивана Спирина (М., 1935), принимавшего участие в авиационных парадах над Красной площадью и в качестве флаг-штурмана в воздушных экспедициях на Северный полюс (1937)

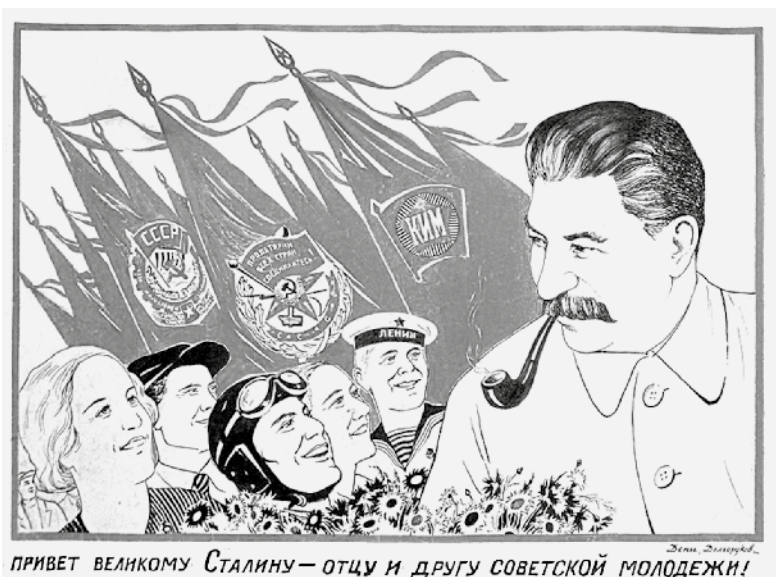

Н. Денисов. Слава соколам нашей Родины! Плакат. 1945.
 Нижняя точка зрения, аннигиляция подразумеваемых зрителей и сверхсовременные самолеты над исполинским генералиссимусом в белом кителе — модернизация визуальной риторики в последний год Великой Отечественной войны

Шмуцитул памяти В. Чкалова из поэтического сборника «Сталинские соколы» (1939)

В. Дени и Н. Долгоруков.
 Привет великому Сталину — отцу и другу советской молодежи!
 Плакат. 1940.
 Взгляд на Вождя снизу вверх — неперенный элемент сталинской визуализации и пропаганды

Дени Денисов.
 ПРИВЕТ ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ — ОТЦУ И ДРУГУ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ!

обещанием вечного покоя: «И урну драгоценную Полины / прижмет к груди Кремлевская стена»⁴¹². Феноменально и абсолютно органично для той эпохи, что, несмотря на трагическое происшествие, авторы стихов обращаются ко всем участницам перелета как к живым⁴¹³:

О юные девушки! Ваш самолет —
Джамбул его «Родиной» в песне зовет —
Свершил беспримерное дело недавно...

Шумят о вас тысячи школ и читален,
О вас по ночам беспокоится Сталин,
И с именем Сталина к небу взлетя,
Отважная девушка, *наше дитя*,
Сквозь тучи, сквозь вьюгу жестокою мчится⁴¹⁴.

В посвященных подвигу Расковой–Гризодубовой–Осипенко текстах подчеркивается и муссируется тема исключительности революционной закалки молодых дочерей республики. «В какой стране, — вопрошает В. Лебедев-Кумач, — есть дочери такие? / Какой народ видал таких орлиц, / чьим крыльям покоряются стихии», — и обещает, что три героини — это лишь начало, за тройкой последуют тысячи⁴¹⁵. Лебедев-Кумач, конечно, не мог знать, что официальная точка зрения уже менялась и установка на авиационные рекорды вскоре претерпит существенную корректировку⁴¹⁶. А. Гатов украшает рефреном свое стихотворение «Летчицам», заключая каждую из строф следующей мантрой: «Не могло быть и не было прежде / Замечательных женщин таких»⁴¹⁷.

В системе отношений мать (Родина) / отец (Сталин) / сын (летчик) нет места случайной прихоти, а кровосмесительная связь предполагает высокий духовный смысл и становится всеобъемлющим принципом: «В любом селе нас в этот вечер / Встречает материнский взгляд. / И над степными ковылями, / И над туманами морей, / Везде страна следит за нами / Глазами наших матерей»⁴¹⁸; «Раскрыв объятия, ждет страна / Любимых дочерей»⁴¹⁹; «Девять суток страна не слыхала / Об отважных своих дочерях»⁴²⁰. Об этих банальных особенностях советской риторики, возможно, не стоило бы и говорить, если бы не их способность акцентировать смещение поэтического и идеологического фокуса. Индивидуальность уступает место коллективному: буржуазная коллизия (пилот vs. красotka на трибунах) исчезает под натиском всенародного поклонения авиагероям. В случае, когда адресатом стихов выступал покойный авиатор, — его почитание по канону траурных рыданий, возрожденному еще погребальной ленинианой, было по-настоящему экзальтированным. В стихотворении С. Алымова «Непобедимый» памяти В. Чкалова фольклорные стереотипы переплетаются с перепевами литургического «смертию смерть поправ»:

Ты был широк, как Волга-мать родная.
Из сталинских орлов ты самым смелым был.
Душа твоя была веселая, земная,
Тебя любил народ, и вождь тебя любил.

Непобедима чкаловская сила!
И пусть ты нем, и пусть ты недвижим —
Не смерть тебя, Валерий, победила,
А ты ее, бессмертием своим!⁴²¹

Литературные предпочтения и культурные интересы самого летчика-героя вписываются в портрет советского мещанина. По мнению Дж. Бергмана, регулярные салонные встречи Чкалова и представителей творческой советской интеллигенции — московских скульпторов, поэтов и писателей (среди них — Шолохов, Бедный, Михоэлс и Толстой) свидетельствуют о том, что дружба эта поощрялась на самом высоком уровне, ибо отвечала марксистско-большевистской идее создания новой элиты через стирание границ между рабочим и интеллектуалом⁴²². Правда, несмотря на то что Чкалов, согласно разным свидетельствам, был знаком с произведениями Шекспира, Гёте, Гюго, Бальзака и Диккенса, собственный его вкус всегда тяготел к народным песням, фольклору (услышанным в детстве сказкам о разбойниках и искателях приключений); он обожал кукольные представления, русскую баню, анекдоты и игру в домино⁴²³. В финальном предложении сценария «Валерий Чкалов», опубликованном в сентябрьском номере журнала «Новый мир» за 1940 год, летчик буквально сливается с небом под величавую симфоническую ораторию: «— Да не летчик, художник! — И еще подумав, [Пал Палыч] сильнее сказал: — Человечище! Звучит оркестр, маленький самолет Чкалова, заблестев в ранних лучах солнца, исчезает в облаках»⁴²⁴. Человеческое начало растворяется в надчеловеческом — аграрно-гидрологические метафоры (уподобление тела — реке, души — земле) расчищают дорогу беспрепятственной сакрализации, как в случае посмертного культа Ленина, нагнавшего солярно-хтоническую символику революции⁴²⁵.

«ВЗГЛЯД СВЕРХУ». КОМПРОМЕТАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

Рассмотрев характерные особенности двух поэтических антологий, не только располагающихся в противоположных точках важнейшего для истории советского авиастроительства пятнадцатилетнего отрезка, но и занимающих как бы противоположные его семантические полюса, попытаемся прочертить линию связи между 1910-ми и 1940-ми годами с тем, чтобы показать одну парадоксальную закономерность: даже в период своей ускоренной трансформации советский АТ никогда не отрывался от классической русской поэтики. Лексикон ранних акмеистов органично вращался в политжаргон, а пролетарские версификаторы успешно усваивали понятийные коды поэзии XIX века. Только в отличие от фривольного сборника 1923 года сексуальная энергия позднее подавляется (или, точнее, под контролем партии — перенаправляется в другое русло), в то время как новейшая поэзия ощущает и поддерживает родство с поэтической традицией тем, что переписывает проблематику расслоения души и тела, настраивая свой «духовидческий» взгляд сверху на землю с учетом авиационной тематики и оптики.

Несмотря на кажущееся естественным в свете марксистской доктрины о первичности материи изъятие из советской поэзии культурфилософской терминологии корпоральности и духа, душевно-телесная дихотомия непрямо всегда продолжала присутствовать в АТ — часто продолжая и развивая хорошо известные поэтические образцы. У Анны Ахматовой в стихотворении «С самолета» (1944) и рифма, и расширение лирического диапазона — «Как в первый раз я на нее, / На Родину глядела, / Я знала: это все мое — / *Душа моя и тело*» — от Тютчева («Она сидела на полу...», 1858):

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
*На ими брошенное тело*⁴²⁶.

В Тютчеве многие видели предтечу аэропланной поэзии (неоднократно отмечавшееся «Уж в высоте недостижимой...» в «Авиаторе» Блока как реминисценция тютчевского «С недостижимой высоты» из «Живым сочувствием привета...»). Однако расходящиеся круги поэтического «привета» находим и в менее распространенных текстах — например, у пролетарского поэта с авиационной фамилией Полетаев: «Я с детства рвался плавать в небе, / *В недостижимой высоте...*»⁴²⁷.

Отсюда, из Тютчева, и мандельштамовское: «Вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» («Слово и культура»). С учетом топоса расщепления души и тела в военных АТ⁴²⁸ по-иному прочитывается строфа из цикла «Душа и тело» Гумилева:

Когда же слово Бога с высоты
Большой медведицею заблестело,
С вопросом: — кто же, вопрошатель, ты? —
*Душа предстала предо мной и тело*⁴²⁹.

Гумилевская интонация — а через нее и религиозная крамола — камуфлируется глубоко в подтекст у К. Симонова, но для опытного читателя по-прежнему вполне узнаваема:

Летчик, посланный на разведку,
впереди нее
в облаках
*летел как оторванная от тела душа*⁴³⁰.

По поводу генеалогии Симонова М. Чудакова пишет, что он создал в предвоенные годы «довольно мощный фонд агитационно-эмоциональной сюжетной поэзии нового толка» и что отзвуки Гумилева подспудно —

в отличие от открытого «присваивания» — слышны в нескольких стихотворениях книги «С тобой и без тебя»⁴³¹. Вообще, поэзия Симонова, увлекшегося в конце 1930-х — начале 1940-х годов темой воздухоплавания, особенно изображением ее экстремального риска и моментов катастрофы, служит красноречивым примером того, как советская поэзия модулирует драматический прием *контролируемого насилия*, наполняя страшилками вполне выдержанные в идеологическом отношении поэтические тексты на авиационные темы:

Когда твоя тяжелая машина
Пошла к земле, ломаясь и гремя,
И черный столб взбешенного бензина
Поднялся над кабиною стоймя,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Разбитый и притиснутый к земле...⁴³²

В этой типичной апострофе произведение имеет двойную адресацию — через мертвого летчика к мальчишке, который еще только грезит стать пилотом. В финале автор признается, что, предвидя после авиакатастрофы в газетах «черную кайму», ему хочется еще до рассвета врываться в незнакомые дома и искать ту квартиру, где спит, «витая в облаках», рыжий мальчишка в ссадинах. Предупреждение содержит кровавые метафоры, назидательная роль которых — оградить будущее поколение от повторения ошибок предшественников:

Пятнадцать лет он медленно и твердо
Лез в небеса, упрямо сжав штурвал,
И все тобой не взятые рекорды
Он дерзкою рукой завоевал.
Когда его тяжелая машина
Перед посадкой встала на дыбы
И, как жестянка, сплющилась кабина,
Задев за телеграфные столбы,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Придавленный к обугленной траве,
Он тоже думал о мальчишке,
Который рос в Чите или в Москве...⁴³³

Стоит подчеркнуть, что ранний Симонов (1930-х годов) — поэт если и не сложный, то весьма интересный, по крайней мере с отслеживаемой литературной биографией. Так, его советское стихотворение выделяется нетипичной апелляцией к литературным клише в поэзии Серебряного века. Характеристика пилота повторяет более ранние образчики АТ — «Авиатор» (1911) А. Блока и «Авиатору» (1914) В. Ходасевича: «недрогнувший

пилот <...> отважный», «И жалкий мировой рекорд!» (Б.); «Отдохни от высот и опасностей» (Х.); неподвижная рука в фокусе — как символическая утрата контроля над жизнью («рука — мертвее рычага» (Б.); «на руле костенеет рука», «Упади, раздробивши хребет» (Х.). У симоновской «обугленной травы» также достаточно обширная традиция в ранней советской поэзии: «Лазурью обугленный стержень метеора»; «Мотор, застопоривший наверху, / Низринется горбом на плечи трупа / В багряную костистую труху»; «После скорости молнии в недвижимом покое / Он лежал в воронке в обломках мотора, — / Человеческого мяса дымящееся жаркое» (М. Зенкевич. «Смерть авиатора», 1922)⁴³⁴.

И поэтическая речь, и программные газетные передовицы, и продуманный политинформационный поток — в русском культурном сознании этого периода отпочковываются от канонических текстов XIX либо начала XX века. В качестве примера приведем «Стихи о моноплане» П. Лукницкого (в сборнике «Волчец», 1927), перефразирующие лермонтовское «Выхожу один я на дорогу»:

Испытан ритм, и кровь кипит,
И рифма с рифмой говорит,
Перекликаясь, как вода,
Как телеграфа провода, —

О том, что легкий моноплан
Ушел в туман надземных стран...⁴³⁵

В виде своеобразного ответа на сакраментальный призыв Лермонтова («Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь») Лукницкий ломает своему лирическому герою грудь, буквально молотя ребра новому демону с пропеллером: «И летчик ребра раздробил / Об угол сломанных стропил, / И пеплом выпал меж равнин, / Сгорев, как молния, бензин»⁴³⁶.

Образ выскакивающего из грудной клетки сердца, соединенный с мотивом горения и полета, отсылает к хрестоматийному «пожару сердца» В. Маяковского, к «словам [выбрасывающимся], как голые проститутки из горящего публичного дома»: «Дайте о ребра опереться. Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу! Рухнули» («Облако в штанах», 1914–1915). Радость возбуждения позволяет сверхчеловекам метафорически овладевать как небом, так и землей. В стихотворении Сергея Третьякова «Вдохновение и бензин», закрывавшем сборник под редакцией Н. Асеева: «Пусть сердце екает, / Губит и радует. / Но тигром ластится / Скользящим ветер, / Прильнул атласисто, / Зовет на ветви. / Земля внизу — / Родна и тянет». Сердце взволнованно бьется, ветер приобретает качество атласного белья, резкая амплитуда движения описывается как момент блаженства,

испытываемый при интимной близости (в случае Третьякова можно допустить сознательно анаграммированную двусмысленность в последнем слове цитируемого отрывка):

И рухнуть вниз
Мучительно светло,
Замлев
В падении, в резком ссеке...⁴³⁷

Текст Третьякова несколько необычен тем, что в него вводится фигура наблюдателя снизу, уравнивающая точку зрения с птичьего полета летчика:

Я, следя стальных стрекоз,
Проплывавших в небесине,
Истомился, как кокос,
Произросший на осине.
*О! О! О!*⁴³⁸

Выделенные курсивом строки отсылают к гейневской сосне, тоскующей по пальме (и, возможно, к тютчевскому «Я, царь земли, прирос к земле!..»⁴³⁹), известной русскому читателю в первую очередь по переводу Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...». Очевидно, что *кокос* и *осина* по отношению друг к другу состоят именно в той иронической оппозиции, в которой находятся *сосна* и *пальма*; более интересно то, что советский поэт прибегает к опорной поэтической реминисценции из прошлого столетия для выстраивания генеалогии любовного мотива в АТ. Нечленораздельные стоны, проставляемые автором для передачи своей истомы, в следующих строках нарастают и, наконец, разрешаются в финале заклитием берущих штормом землю молодых коммунистов:

Высоки, высоки, высоки, высоки...
Это наши *заклинились ввысь косяки*. <...>
Мокрые *тряпки туч напрокол*.
Землю на обыск — глазом огладь.
В небо впиши стальной протокол:
РСФСР — захотела — смогла...
...Чьи там щечки тонут в платочке?
Ай, — блеснул, — и вниз головой!⁴⁴⁰

Утвердительное «захотела» реанимирует известный вопрос «Облака в штанах» (название поэмы, кажется, незамысловато шифруется здесь «тряпками туч»): «Тело твоё я буду беречь и любить, как солдат, обрубленный войною, ненужный, ничей, бережет свою единственную ногу. Мария —

не хочешь? Не хочешь!» Третьяков обыгрывает исключительно любовную драму «Облака...» — эстетика насилия в 1920-е годы пока как бы за кадром, но становится более адекватной по мере того, как к ресурсам футуристско-акмеистического тезауруса начинают все чаще прибегать в политическом дискурсе 1930-х.

Фиксируя реализацию авиатопоса в обеих антологиях на фоне эволюции авиации и меняющегося восприятия ее поэзией в промежутке от 1920-х к концу 1930-х годов, мы отметили, что тема покорения / овладения / соития постепенно уходит на периферию. Позднее речь идет уже не о повторявшихся раз от раза подъемах в небо, а о постоянном присутствии в нем. Иначе говоря, важным становятся не факт подъема, а характеристики полета — длительность, дальность, количество или отсутствие приземлений, состав экипажа (в том числе и гендерный аспект), технические параметры. Затем происходит вытеснение личного начала, фольклоризация и эпизация авиационных героев и авиационной топика и — параллельно — перенесение индивидуального взгляда и личной трагедии в стихотворения о гибели, крушении, частном происшествии, а не героическом свершении.

Беглые заметки о поучительном опыте двух советских сборников об авиации хочется заключить мыслью о насущной для инвентаризации топосов русской поэзии XIX–XX веков задаче. Необходимым сегодня этапом изучения истории литературы нам представляется составление тематических антологий, среди которых сборник поэзии русского техницизма должен занять одно из первых мест. Подобная антология должна вобрать максимально полные подборки поэтических текстов по разделам «Электричество», «Средства коммуникации», «Транспорт», заводскую / цеховую лирику (ткацких станков и плавильных печей), стихи о представителях урбанистических профессий — как героических, так и вполне прозаических: стихи о подземных рабочих (шахтерах / метростроевцах), исследователях подводного царства (водолазах / моряках-подводниках и субмаринах)⁴⁴¹, парикмахерах и т. п. К поэзии машин относится и довольно подробно разработанная в исследованиях западных филологов аэропланная лирика, шире — топос человеческого полета. Синхронный анализ полного корпуса машинных текстов позволит выстроить систему взаимоотношений и функционирования механизма и его метаописательной модели — стихотворения, не только установить структурную сетку и принципы поэтики переназывания старых вещей или трансформации сквозных мотивов, но и четче представлять себе место вытесненного в последнее десятилетие из массового культурного сознания наследия советской поэзии в контексте русского поэтического канона.

Примечания

1

Мандельштам Н.Я. Воспоминания // Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. ст. П. Нерлера. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 267. И далее: «Мне пришлось жить и с Анной Андреевной, но у не работа протекала далеко не так открыто, как у О.М., и я не всегда распознавала, что она в работе» [С. 268]. Здесь и далее курсивы в цитатах, за исключением специально оговоренных, принадлежат автору.

2

Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 7.

3

О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936), 1997. С. 44. Более уместной, исходя из контекста, была бы апелляция к рисункам инженерных механизмов Леонардо да Винчи, сравнение творческой лаборатории Мандельштама с техникой Микеланджело Буонарроти отсылает к анатомическим эскизам художника или архитектурным чертежам спроектированных им зданий [см.: *Bambach Carmen*. Michelangelo: Divine Draftsman and Designer. New York, 2018. P. 72–77; 269–278].

4

О невротических эксцессах в поведении Мандельштама в помещении Союза писателей на третьем этаже редакции газеты «Коммуна» и о травле его как «классово-враждебного» элемента бывшими коллегами в 1937 г.: Кретова О.К. Горькие страницы памяти // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 36; 39; Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 69–70; Дьяков Д. Воронежский Союз писателей: испытание Мандельштамом // Осип Мандельштам и XXI век: материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. / Ред.-сост. Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. М., 2016. С. 209–215; Есипов В. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...»: просоветские и антисоветские мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Там же. С. 116–123.

5

Рогинский Я.Я. Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 43.

6

Записано Рудаковым в письме к жене. Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступ. статья Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца. Публ. и подг. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Комм. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 62.

7

В письме из воронежской ссылки Юрию Тынянову, 21 января 1937 года.

8

В рецензии на сборник литкружковцев Метростроя «Стихи о метро» (М., 1935) [Подъем. 1935. № 5]. Цит. по: Мандельштам О.Э. Полное собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост., подг. текста и комм. А.Г. Меца. М., 2009–2011. Т. 3. С. 194 [далее — ПСС].

9

Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 143.

10

Фрезинский Б. О Борисе Лапине // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4/1. М., 2008. С. 218–220.

11

Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 22.

12

Красноречиво предупреждение, вынесенное на заднюю обложку литературно-пропагандистского сборника «Герои воздуха» (1934): «Пусть стаи советских самолетов понесут во все края нашей родины великие идеи Ленина и Сталина, социалистическую культуру и благосостояние. И если будет нужно, пусть наши самолеты понесут смерть и гибель всякому, кто осмелится посягнуть хотя бы на пядь советской земли».

13

Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 492.

14

Гаспаров Б.М. Смерть в воздухе: (К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») // Он же. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1993; Тарановский К. О поэзии и поэтике. Собрание классических работ / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000; также во второй части наст. издания.

15

Бухарин Н. Черная молния // Известия. 20 мая, 1935.

16

Подобное смещение стилистического регистра не было чем-то уникальным только для русской культуры. В сообщениях о воздушных катастрофах в западной прессе «стандартный технический стиль оборачивается экзистенциально-драматическим»; «полет сопряжен со смертельным риском и потому бросает тень трансцендентности на все, что с ним связано» (гл. «Аэропланы» // Гумбрехт Ханс У. В 1926: На острие времени. М., 2005. С. 44; 39).

17

[Б.п.] Памяти Вилли Поста // Известия. 4 августа, 1935.

18

См. подр.: Тоддес Е.А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Манделъштама начала 20-х годов // Избранные труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 371–393; в примеч. 20 (на с. 706) указана перекличка с Цветаевой — «Мука́ и му́ка» (1909–1910).

19

Ibid., 23.

20

Нерлер П. «Воронеж-нож...»: воронежский Манделъштам и манделъштамовский Воронеж // Сон amore: Этюды о Манделъштаме. М., 2014. С. 423.

21

Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже. С. 34–35.

22

Видгоф Л. Осип Манделъштам: от «симпатий к троцкизму» до «ненависти к фашизму» // Colta.ru. 19 мая 2020 (https://www.colta.ru/articles/literature/24395-leonid-vidgof-o-stihotvorenii-my-zhivem-pod-soboyu-ne-chuya-strany?fbclid=IwAR1snUFGw_lTAik0cbYERzUuJuGilPoDjKzGxG_fmfnXg9eSMAoW2jzbJPUvi).

23

Штемпель Н. Манделъштам в Воронеже // Осип Манделъштам в Воронеже: Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О.Э. Манделъштама / Сост. П. Нерлер. М., 2008. С. 34–35.

24

Ласунский О.Г. Воронеж в художественном сознании О.Э. Манделъштама // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Манделъштамовские чтения: Сборник статей. Воронеж, 1995. С. 325.

25

Манделъштам Н.Я. Вторая книга // Собр. соч.: В 2 т. 2014. Т. 2. С. 486.

26

Тезис сформулирован в: Видгоф Л. Осип Манделъштам — «Ясная Наташа» — Воронеж. Две книги, три героя // Манделъштам и...: Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Манделъштама. М., 2018. С. 185.

27

Цит. по рукописной записке, датированной 1969 г., приложенной к «Воронежским тетрадным» в Принстонском архиве.

28

Тоддес Е. А. «Манделъштам и Рудаков» // Избранные труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 587–588.

29

Тоддес Е., Мец А. О.Э. Манделъштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступ. статья Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца. Публ. и подг. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Комм. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Манделъштаме. СПб., 1997. С. 83.

30

Сложным перипетиям этого архива посвящена недавняя публикация: Азадовский К. Из архива Н.С. Гумилева // Звезда. №5. 2018.

31

Тоддес Е., Мец А. Манделъштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 83.

32

См.: Тименчик Р. Д. «Ангелы на Венере» // Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и книг. М.; Иерусалим, 2016. С. 39, прим. 79.

33

Ibid.

34

Левин Ю.И. Тридцатые годы [ориг. публ.: Slavica Hierosolymitana. Vol. III. Jerusalem, 1978] // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 136.

Гаспаров М.Л. Осип Манделъштам. Три его поэтики // О русской поэзии. СПб., 2001. С. 251. 36

Цит. по: *Манделъштам О.Э.* Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманов и М.А. Амелин, комм. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской и А.А. Чабан. М., 2017. С. 253–254. Разночтения указываются по спискам стихотворения из архива поэта в Принстонском университете, США (Papers of Osip Mandelstam, Manuscripts Division, Department of Rare Books and Special Collections. CO 539, Box 4, Folders 16, 18, 19, 20). Published with permission of the Princeton University Library.

37

Гаспаров М. Л. О. Манделъштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 10.

38

Из недавних публикаций см.: *Успенский П., Файнберг В.* «Интуитивно понятный текст?». Языковая поэтика «Стихи о неизвестном солдате» О. Манделъштама // Новый мир. 2019. № 3; *Лекманов О.* «Стихи о неизвестном солдате» Осипа Манделъштама // Новый мир. 2013. № 8.

39

«Не мучнистой бабочкою белой...» // Новый мир. 1961. № 1. С. 144 (строфа 1); О. Манделъштам, «Стихи и переводы» / публ. и послесл. Г.Г. Маргвелашвили // Литературная Грузия. 1967. № 1. С. 69. Список рукой С.Б. Рудакова; верстка несостоявшейся публикации в журн. «Подъем» [Воронеж. 1936. № 6] с авторской правкой (РГАЛИ); *Vaines J.* Mandelstam: The Later Poetry. Cambridge, 1976. С. 139–141; *Черкасский Л.* Китайская поэзия военных лет, 1937–1949. М., 1980. С. 92; *Ronen O.* An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. С. 183–184; *Фрейдин Ю.* Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод в творческой истории стихотворения Манделъштама «Не мучнистой бабочкою белой...» // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 329–339; *Лангерак Т.* «Подхалимские стихи». О творческой истории стихотворения Манделъштама «Не мучнистой бабочкой [sic!] белой...» // Филологические записки (Воронеж). 2006. № 25 [Тот же самый текст, републ. под видоизмененным названием: *Langerak Thomas.* «Летчики»: О творческой

истории стихотворения Манделъштама «Не мучнистой бабочкой [sic!] белой...» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Книга 2 (М., 2012). Стихи Адалис как возможный источник НМББ рассматриваются в статье: *Кацис Л. Ф.* «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Манделъштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». III Международные манделъштамовские чтения: Сборник статей. Воронеж, 1995. С. 133–148.

40

Манделъштам Н.Я. Собр. соч.: В 2 т. Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин. Вступ. ст. П. Нерлера. Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 399; *Гаспаров М.Л.* Осип Манделъштам. Три его поэтики // О русской поэзии. СПб., 2001. С. 252; *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. Об этом также свидетельствует со слов Манделъштама Н. Штемпель в записке (9 мая 1969), приложенной к «Воронежским тетрадам» в Принстонском архиве.

41

Его даже не обсуждают в контексте «авиационных стихов» Манделъштама, см.: *Пироговская М.* Гроза и стрекоза: об «авиастихах» Осипа Манделъштама // «Сохрани мою речь...». Записки Манделъштамовского общества. (Вып. 4/1. М., 2008); автор ошибочно полагает, что НМББ относится к стихам, которые были «написаны в память о погибших в Москве летчиках» [С. 562].

42

Здесь мы прибегаем к одному из основных приемов принятого М.Л. Гаспаровым метода комментирования не потому, что безоговорочно с ним согласны, а в качестве полезного упражнения и отдавая отчет в том, что результат любого «распрямления» смысловых векторов является редуccionистским.

43

Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 19.

44

В.И. Ленин приводил метафору государства — давящего колеса, как свидетельство реакционности российских народников: «Неужели, и в самом деле, государство есть нечто такое инертное, произвольное и бесильное, что не может влиять на свои судьбы и изменять их; <...> неужели, и в самом

деле, им управляет нечто вроде гигантского чугунного колеса, которое давит всякого дерзновенного, осмеливающегося попытать ближайших путей к человеческому счастью?!» [Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Полное собр. соч. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 1. С. 368–369]. Вместо чугунного колеса схожую по функции символику у Мандельштама с начала 1920-х выполняет образ жерновов, ср. в «Пшенице человеческой» («Политическая независимость больше не делает народа; только бросив свой мешок на эту новую мельницу, под жернова этой новой заботы, мы получим обратно уже чистую муку — нашу новую сущность как народа»).

45

«Падение с неба является одним из наиболее распространенных в мировой литературе поэтико-мифологических образов гибели. В нем переплетаются черты романтико-индивидуалистической героики и вселенские эсхатологические мотивы; взлет в небо и падение-сгорание является в одно и то же время и сугубо индивидуальным действием-вызовом, отделяющим романтического героя от всего мира, и прообразом вселенской космической катастрофы [“падающей звезды”]» (Гаспаров Б.М. Смерть в воздухе [К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате»] // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 215).

46

Левинг Ю. Вокзал — Гараж — Ангар. В. Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб., 2004. С. 288–367; Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 143–172 (см. в наст. книге).

47

Тоддес Е., Мец А. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 80.

48

Гаспаров Б.М. Смерть в воздухе (К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») // Литературные лейтмотивы. С. 223.

49

Гаспаров М.Л. Осип Мандельштам. Три его поэтики. С. 250.

50

Эренбург И. Люди, годы, жизнь [отрывки] // Осип Мандельштам и его время / Сост., авт. предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. М., 1995. С. 124.

51

Н.Я. Мандельштам — К.И. Чуковскому, 20 декабря 1935. Цит. по: Из архива К.И. Чуковского. Письма Н. Я. и О.Э. Мандельштам. Стихи. 1935–1937 / Публ. и примеч. А.А. Морозова // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 34, 36, прим. 5.

52

Книга песен: Стихотворения. Л., 1936; см.: Берггольц О. Собр. соч.: В 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 134.

53

Самолет имел цельнометаллическую конструкцию с размахом крыльев 63 м и был оснащен восемью моторами мощностью по 900 л. с. На борту размещались компактная электростанция, типографика, мощная радиостанция, киноустановка. По плану организаторов праздника, вокруг движущегося горизонтально АНТ-20 должна была «крутить» мертвые петли другая машина — истребитель И-5. Эту воздушную карусель предполагалось снимать на кинолентку с летящего поодаль третьего самолета Р-5. По словам историков, «с точки зрения пилотов-профессионалов подобный замысел был не более чем авантюрой. По правилам безопасности фигуры высшего пилотажа допускалось выполнять только вокруг неподвижных объектов. Однако в те годы умели убеждать людей» (Бакланова И. С., Гаранина О.Д. История авиации и космонавтики. М., 2016. С. 23–25).

54

Ср. в заметке о гибели экипажа самолета «Максим Горький»: «никогда не забудется, что еще последним предсмертным жестом, уже в объятиях смерти, [летчики] Михеев и Журов выключили моторы» (Известия. 21 мая 1935). В этот день С.Б. Рудаков пишет в письме к жене, что Мандельштам, под влиянием катастрофы самолета, изменил строчку в стихотворении «Мне кажется, мы говорить должны...» (апрель, 1935): «войны и мира гнутая подкова» — на «воздушно-океанская подкова» (Рудаков С.Б. Стихотворения / Публ. И.Г. Кравцовой // Ежегодник Рукописного

отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. С. 52.

55

Эренбург посетил Воронеж 16–18 июля 1934 г., незадолго до начала работы Мандельштама над стихами о летчиках. См.: *Фрезинский Б.Я.* Эренбург и Мандельштам [Сюжет с долгим последствием: канва литературных и личных отношений и встреч; жены, борьба за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР] // Вопросы литературы. 2005. № 2. М.В. Талов записал в дневнике 22 августа 1934 г.: «Был у Эренбурга, недавно вернувшегося из Парижа. Заговорили об Осипе Мандельштаме, недавно высланном из Москвы. Эренбург его видел в Воронеже в удовлетворительном состоянии» [*Талов М.В.* Воспоминания. Стихи. Переводы. М.–Париж, 2006. С. 72.

56

Новый мир. 1961. № 1; ср.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь [отрывки] // Осип Мандельштам и его время / Сост., авт. предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. М., 1995. С. 125. Эренбург по цензурным условиям мог процитировать лишь первую строфу, сопроводив ее комментарием: «стихи <Мандельштама> остались, я их слышу, слышат их другие; мы идем по улице, на которой играют дети. Вероятно, это и есть то, что в торжественные минуты мы именуем “бессмертием”».

57

Рудаков С.Б. Стихотворения / Публ. И.Г. Кравцовой. С. 189.

58

Руководитель ЦАГИ М.Н. Харламов изначально утвердил полетное задание летчику И-5 Н. Благину, включающее фигуры высшего пилотажа, но в заявлении газете «Правда» от 20 мая 1935 г. изменил версию, обвинив пилота в преступном лихачестве. См.: *Бакланова И. С., Гаранина О.Д.* История авиации и космонавтики. М., 2016. С. 24.

59

Лекманов О. Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». М., 2011. Вып. 5/2. С. 572–573.

60

Мандельштам Н.Я. Третья книга: [Воспоминания] / Подг. текста, прим. Ю. Фрейдина. М., 2006. С. 362.

61

Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / Подг. текста С. Василенко, сост. Ю. Фрейдина, комм. М. Гаспарова. М., 2001. С. 190; ПСС. Т 1. С. 207; в испр. виде: *Мандельштам О.Э.* Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, предисл. О.А. Лекманова. М., 2017. С. 455.

62

Мандельштам Н.Я. Третья книга. С. 362.

63

Я благодарен Г.А. Левинтону за обсуждение со мной этого фрагмента.

64

Тынянов Ю. Промежуток // История литературы. Критика. СПб., 2001. С. 427.

65

Фрейдин Ю. «Просвечивающие слова» в стихотворениях О. Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конф., посв. 60-летию со дня гибели О. Мандельштама. М., 2001. С. 241.

66

См. воспоминания артистки Камерного театра Х. Бояджиевой «Его “мыслящее тело” не умрет...» / Публ., подг. текста, пред. и комм. И.В. Левичева // Знамя. 2011. № 1. С. 178–179.

67

Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 77; 80; 83; 85.

68

Тименчик Р.Д. Эпизод биографии Мандельштама // Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 61.

69

Г.А. Левинтон полагает, что вторая дата относится к тому дню, когда при прощании поэт подарил оттиск Рудакову, перед возвращением из Воронежа в Ленинград приехавшему навестить отдохнувших в Задонске Мандельштамов. Датой внесения последнего исправления в текст стихотворения А.Г. Мец считает 30 мая 1936 г. (см. помеченное этим числом письмо Рудакова).

70

История изучения этого документа сколь драматична, столь и характерна для бурного развития мандельштамоведения последней четверти века, когда доступными стали западные архивы и многие научные прорывы

совершались исследователями практически одновременно. Так, независимо от Лангерака ошибку в архивной публикации Ю. Фрейдина обнаружил Г.А. Левинтон (работавший в амстердамском архиве в 2002 г.), который сделал на эту тему доклад, но с печатной публикацией его опередил голландский коллега.

71

Фрейдин Ю. Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод в творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкою белой...» // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 329–339.

72

Первая публ. Лангерака — в воронежских «Филологических записках» (вып. 25), 2006; цит. по более поздней публикации: *Langerak T.* «Летчики»: О творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкою белой...» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 71. С. Шиндин указал на то, что в названии статьи Лангерака в обеих публикациях содержится грамматическая опечатка в заглавии мандельштамовского стихотворения (см. его рецензию: *Шиндин С.* «Шишига его смутил...». Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова и др. // Волга. 2018. № 1).

73

Langerak Thomas. «Летчики»: О творческой истории стихотворения Мандельштама... С. 71. Чтобы получить ответ на вопрос о происхождении набранного текста Мандельштама с числом 50 внизу страницы, достаточно было просто перевернуть обсуждаемый лист. На обороте листа находится финал пьесы Николая Задонского «Сердце в ремонте», опубликованной в журнале «Подъем» (1935. № 6); важно, что пагинация совпадает с пагинацией окончательного номера, где текст пьесы занимает с. 3–49, а на с. 50 — вместо НМББ — напечатано стихотворение Г. Рыжманова.

74

Одна из вероятных версий странного тематического совпадения: «Ясно, что летная тема была журналу зачем-то нужна по их журнально-календарной логике. Во всяком случае замена стихотворения на однотемное

едва ли может быть случайной. Более того, я не исключаю, что изъятие стихотворения могло быть вызвано не авторством Мандельштама и не политическими соображениями. Дело в том, что номер посвящен памяти только что почившего И.В. Мичурина <...> вполне возможно, что при таком посвящении некрологические стихи по другому поводу могли счесть неудобными» (Г.А. Левинтон — А.Г. Мецу, 6 июня 2006 г. и в тексте неопубл. доклада. Цит. по копиям, любезно предоставленным в наше распоряжение Левинтоном).

75

Написано в декабре 1936, опубл. в сборнике «Литературный Воронеж» (1937). Републ. в: *Нерлер П.* *Сon amore*: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 436.

76

Ср. в том же стихотворении Рыжманова «Лицом к лицу»: «И глядит он вдохновенно: / Неземной — пророк на вид. / Но какую в сердце тленном / К нам он ненависть таит!»

77

Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005. С. 141.

78

Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 480.

79

Мандельштам Н.Я. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 263.

80

Фрейдин Ю. Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод в творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкою белой...» // Вопросы литературы. 2005. № 5.

81

Чуб Н. Праздник на аэродроме // Коммуна. 1935. 2 июля. С. 4.

82

Как показывает практика, трагическое событие могло быть затушевано, вынесено за пределы первой полосы и главных рубрик, однако сам информационный повод, по крайней мере в рамках редакционной политики середины 1930-х, — еще обязывал к минимальному отражению на страницах прессы в сопровождении надлежащей

морально-идеологической или политической оценки.

83

Мандельштам О. Э. ПСС. Т. 3. С. 725. На обороте записан перечень стихов «Первой воронежской тетради» за апрель–май.

84

Ibid., 337.

85

Публикаторы приводят фрагмент, в котором зафиксирована порча текста — «...вагоны и про все другое...»: далее следовало: «“Максима Горького” приберег к концу: два слова». Из данного упоминания прямо не следует, что о самолете шла речь именно в телефонной беседе — это могло быть авторской ассоциацией, возникшей по ходу подслушанного разговора («Брат т. Назарова» — неизвестный прозаический набросок Осипа Мандельштама / Публ. С. Василенко и П. Нерлера. Подг. текста С. Василенко. Вступ. заметка П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. М., 2008. Вып. 4/1. С. 63.

86

Мандельштам О. Э. ПСС. Т. 3. С. 338.

87

В беседе с американским славистом К. Брауном, записанной на магнитофон в 1966 г., Н.Я. Мандельштам подчеркивает, что в двух стихотворениях воронежских тетрадей «о гибели авиатора ощущение полета *личное, свое*»; но, отмечая едва ли не экспроприацию внешнего события в область личных переживаний, тем не менее она продолжает настаивать на имевшем место быть историческом инциденте: «похороны летчика — это похороны, вечная тема похорон самого себя, и с ощущением вытянувшегося тела, смерти. “Позвоночник, обугленное тело” — обугленное оно, потому что это смерть летчика. *Его хоронили перед нашим домом*». Цит. по: «Жить подальше от литературы». К 115-летию со дня рождения Н.Я. Мандельштам. Беседы профессора Кларенса Брауна с Н.Я. Мандельштам / Публ. П. Нерлер. // Октябрь. 2014. № 7.

88

Archief Chaga-Khardzjev, Stedelijk Museum Amsterdam, inv. nr 155 (позже переданы в фонд РГАЛИ). Фрейдин Ю. Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод...

89

По-видимому, на момент написания своей заметки Ю. Фрейдин в голландском архиве не был, а полагался на стороннюю помощь: если бы тот, кто имел доступ к рукописи по его поручению, догадался перевернуть листок и посмотреть текст на обороте, выводы автора были бы иными.

90

Ритмический сбой в этой строке можно объяснить либо ошибкой в наслех записанном самим Рудаковым письме, либо неверно прочитанным (что менее вероятно) в рукописи словом; в ПСС под ред. А.Г. Меца исправлено на «Что ты слышал — знать, чем <ты> богат» (Т. 1. С. 491); возможно, в оригинале у Мандельштама должно было быть: «Что ты слышал — знаешь, чем богат».

91

Как уточняет публикатор, строкоразделы во втором фрагменте (4–12–8) не вполне отчетливо определены в рудаковском списке (Фрейдин Ю. Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод...); Лангерак добавляет, что пробелы, скорее всего, были опущены Рудаковым, чтобы текст стихотворения целиком уместился на листе (Langerak T. «Летчики». О творческой истории стихотворения... С. 77, прим. 21).

92

Лангерак — в отличие от Фрейдина — прочитал это слово как «морской». «Морская походка» обозначала бы вразвалку, враскачку, тогда как «людская» относится к венкам и к их движению по улице на лафетах или в руках несущих, а поскольку они (как специально оговорено) крупного размера, то закрывали собой тела людей, создавая, таким образом, анимационный эффект самостоятельного хода венков. Из других разночтений: если Фрейдин публикует весь текст как единое целое, то Лангерак отделяет первые две строфы в набросок отдельного стихотворения, продолжение текста причисляя к «варианту».

93

В письме к жене 21 июля 1935. См.: Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 76.

94

«Баллада» (1909) из цикла «Трилистник траурный» в сборнике «Кипарисовый ларец»

[Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л., 1988. С. 78–79].

95

Я благодарен Р.Д. Тименчику, поделившемуся со мной этим наблюдением.

96

Ср.: «Разворачиваются черепах маневры» в стихотворении «Обороняет сон мою донскую сонь...» (1937), намекающий на медленное движение военной техники на гусеничном ходу во время парадов.

97

Ср.: «Для того ль должен череп развиться / Во весь лоб — от виска до виска, / Чтоб в его дорогие глазницы / Не могли не вливаться войска?» («Стихи о неизвестном солдате»).

98

«Здесь были стихи о «черепахах»-танках, о ползающих и улетающих тварях...» [Мандельштам Н.Я. Третья книга. С. 362]. Комментарий «Третьей книги» Ю. Фрейдин предположил, что о черепахах Н.Я. Мандельштам «возможно, вспоминает <...> по ассоциации со стихотворением “Обороняет сон мою донскую сонь, / И разворачиваются черепах маневры...”», но текст этот датирован концом 1937 года, тогда как черепаший образ возникает в «двойчатке» НМББ, которую сам же Фрейдин опубликовал годом ранее [Фрейдин Ю. Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод].

99

Модель советского легкого танка 1930-х годов называлась БТ-СВ-2 «Черепаха», а британского сверхтяжелого 1940-х — А39 Tortoise.

100

К концу 1930-х концерн «Крупп» становится одним из основных поставщиков военно-промышленной продукции для германской армии, в том числе грузовых автомобилей, локомотивов и судов.

101

Соответственно, в стихах «Голод дредноутов» (1917) и «Пашня танков» (1918) [Зенкевич М. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 147; 148].

102

См. письмо Рудакова жене от 11 февраля 1936; Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене [1935–1936].

С. 145. Речь идет о статье: Дынник В. Поэт и спец // Красная новь. 1936. № 1.

103

«Довольно со скарбом скорби...» [Зенкевич М. Сказочная эра. С. 146].

104

Впервые данного представителя чешуекрылых научно описал К. Линней (в латинской номенклатуре название бражника *Acherontia atropos* происходит от реки Ахерон, — согласно греческой мифологии, одной из пяти рек подземного царства мертвых; в читавшейся Мандельштамом параллельно с работой над НМББ «Божественной комедии» Данте эта река опоясывает первый круг Ада).

105

Гаспаров М.Л. Осип Мандельштам. Три его поэтики // О русской поэзии. СПб., 2001.

С. 200.

106

Благодарю коллег Willem Weststeijn и Frank van Lamoen (Stedelijk Museum) за помощь в организации доступа к этим материалам.

107

Воронежский авиационный узел состоял из двух больших («А» и «Б») и малого («Пятачок») военных аэродромов. Под Воронежем также базировались 35-я разведывательная и штурмовая эскадрильи. В 1930 г. началось строительство Воронежского авиационного завода, которому приказом Наркомвоенпрома была присвоена кодировка «Авиационный завод № 18». В марте того же года председатель ВЦИК М.И. Калинин торжественно передал летчикам Воронежской 11-й авиабригады имени Промкооперации первые советские тяжелые бомбардировщики ТБ-1.

108

С погибшими пришли прощаться десятки тысяч горожан — см.: Памяти семерых // Коммуна. 1930. 2 июля. В честь погибших улица ниже Покровского собора была переименована в Авиационную.

109

Мандельштам О. Э. ПСС. Т. 3. С. 343.

110

Ср.: «М[андельштам] погружен в радио» (Рудаков — жене; 9 июля 1935); Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене [1935–1936]. С. 75.

На снимке улыбающиеся летчик и летчица в кожаных шлемах позировали у борта самолета. Сопровождавшая фотографию заметка сообщала, что лента будет демонстрироваться в воронежском прокате с конца мая и что «Летчики» уже получили высокую оценку на кинофестивале в Москве: «Новая картина, снимавшаяся, между прочим, в Тамбове [в 250 км от Воронежа. — Ю. Л.], посвящена большевикам советской авиации. Она рассказывает о быте и работе летчиков».

Хотя в Воронеже весной того же года он посещал кинотеатр несколько раз — дважды смотреть «Чапаева», а также фильмы с участием Чарли Чаплина. Ср.: *Штемпель Н.* Мандельштам в Воронеже // Осип Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи к 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама / Сост. П. Нерлер. М., 2008. С. 35.

Под общим девизом «Летчики о “Летчиках”» с различными по объему заметками авиаторов и инженеров — «Умный, увлекательный фильм», «Мужество и лихачество», «Воспитание героев», «Будни нашей авиации».

Реплика комсомольца-ударника тов. Камынина по поводу катастрофы «Максима Горького» о том, что «тяжелая утрата не заставит» советских граждан «опустить голову» и т. д. Цит. по: Вся страна строит самолеты-гиганты // Коммуна. 27 мая 1935 г. № 120 (1674). Далее объявлялось о сборе средств [точнее, о поборе в виде однодневного заработка воронежских рабочих и колхозников] на постройку новых самолетов-гигантов под именами «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин», «Клим Ворошилов», «Сергей Киров» и др. По прошествии нескольких дней корреспондент *Коммуны* докладывал об успехах кампании, в частности, что 1 июня 1935 г. рабочие паровозоремонтного Мичуринского завода перевели 29 тысяч рублей в фонд постройки новых воздушных гигантов.

Кацис Л. Ф. «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...» III Меж-

дународные мандельштамовские чтения: Сборник статей. Воронеж, 1995. С. 142. Здесь и далее я цитирую заметку Кациса, несмотря на ее сумбурность, потому что, насколько мне известно, он был первым, кто указал на переключку НМББ с рецензией Мандельштама на стихи Адалис.

Ср.: «Взвильсь к потолку траурные колоннады. Широкие черные ленты молнией прорезали зал сверху донизу. Вокруг постаментов *молчаливыми рядами* выстроились гортензии, строгие пальмы, *сосенки* и совсем молодые березки. Будто извечные друзья Мичурина — *зеленые растения* — пришли к нему в последний почетный караул. К постаменту *тяжелой грудью привалились венки* — знаки скорби страны Советов» [[От редакции] Прощай, Мичурин // Коммуна. 10 июня 1935. № 132 (1683). С. 1]. Крупный снимок в центре страницы с изображением участников похоронной процессии, несущих гроб с телом ученого на плечах, был, как сообщалось, «доставлен на самолете летчиком Гусаровым и спец. фотокорреспондентом “Коммуны” Х. Копелиовичем».

Как утверждает Б. Гаспаров, они всегда составляли основу воззрений поэта, откликнувшегося на современные явления в науке, эстетике и философии; в начале 1930-х годов это был «неоламаркизм как воплощение идеи творческой эволюции в биологии (“Ламарк”)». В годы воронежской ссылки — годы торжества коллективизации и построения бесклассового общества, закрепленного в “Сталинской конституции”, — эта философская идея складывается в новую конфигурацию, которую можно назвать “колхозным органицизмом»» [*Гаспаров Б. М.* Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. С. 30].

О коллеге Мичурина, американском селекционере Л. Бёрбанке: «Он был Адам и первый садовод, / бананов друг и кактусов оплот, / и прах его, разрушенный годами, / теперь лежит, увенчанный плодами» [«Венчание плодами», 1932]. Цит. по: *Заболоцкий Н.* Метаморфозы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. И.Е. Ложилова. М., 2014. С. 189.

В стихотворении с эпиграфом из Мичурина: «Клевер, гречку — Га за га (гектаром) — / *Переворошила в прах пчела.* / Что пчела! Питая страсть к нектарам, / Я — в пыльце: поэзия б жила» [«Садовод», 1933–1934]. Цит. по: *Нарбут В.* Стихотворения. М., 1990. С. 353.

120

Сталин демонстративно удостоивал известных гостей, в частности зарубежных литераторов, аудиенциями «на высшем уровне»: в 1927–1934 годах он четырежды принимал А. Барбюса, в 1931 г. встречался с Б. Шоу и Э. Людвигом, в 1934 г. беседовал с Г. Уэллсом, в 1935 г. — с Р. Ролланом, в 1937 г. — с Л. Фейхтвангером и Р. Альберти; подр. см.: *Голубев А. В.* «Организационное овладение»: западные писатели в СССР в 1930-е годы // *Литература и революция. Век двадцатый* / Ред. О.Ю. Панова, В.Ю. Попова, В.М. Толмачев. М., 2018. С. 173.

121

«Икара отцом был у нас / Циолковский, / Я же только главным / механиком. / Выполняя заветы скрижалей / отцовских, / В небе жужжал мотора / комариком» (*Гнедов В.* Собрание стихотворений. Тренто, 1992. С. 182). О личности «бюджетянина аэродинамики и воздухоплавания» (определение Т. Чурилина) и о зарождении культа ученого-самородка см.: *Соболев А. Л.* «Тихон Чурилин в работе над книгой “Гражданин Вселенной”» // *Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века.* М., 2017. С. 479–492.

122

[От редакции]. Траурная эскадрилья аэрофлота // *Коммуна.* 20 сентября 1935. № 218 (1772), С. 1.

123

В годовщину смерти Кирова в передовице «Коммуны» публикуется фотография красноармейца с винтовкой, несущего караул рядом с кирпичной кладкой, к которой привинчена табличка с именем покойного и прислонены хвойные венки. Подпись: «6 декабря 1934 года, в 15 часов, урна с прахом С.М. Кирова была замурована в Кремлевской стене». «Минут год, — констатирует автор. — За этот год наша советская социалистическая страна под руководством партии Ленина — Сталина поднялась на

новую ступень развития. Промышленность и транспорт движутся вперед гигантскими шагами» [*Коммуна.* 1 декабря 1935. № 275 (1829). С. 2].

124

Ср. с тем, как отмечалось десятилетие со дня смерти Фрунзе в 1935 г., уход которого переживался столь интенсивно, будто это случилось накануне: «...Умер М.В. Фрунзе. Что может быть ужаснее этого слова “умер”... <...> Он был живым сердцем, молодым человеком» [[От редакции]. Великая потеря // *Коммуна.* 30 октября 1935. № 251 (1805). С. 2].

125

Устное сообщение Ю.Л. Фрейдина во время обсуждения его доклада в Еврейском университете в Иерусалиме (2002). На списках стихотворения, находящихся в архиве Принстонского университета, посвящение отсутствует.

126

Литературная Грузия. 1967. № 1. С. 59. В этой публикации имя Куйбышева было помещено в квадратные скобки.

127

Из комментариев вдовы, записанных зимой 1968–1969 года: *Мандельштам Н.Я.* Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама.* С. 262. Курсив наш. — *Ю. Л.*

128

Из рассказа летчика Ляпидевского о радиogramме Куйбышева, полученной во время выполнения задания (*Березов П. В.В.* Куйбышев. М., 1958. С. 275).

129

Данилина Л.О. Взаимоотношения В.В. Куйбышева с детьми (По материалам личной переписки) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* Т. 11. № 6. С. 151.

130

Для награждения пилотов — участников операции по спасению челюскинцев Политбюро ЦК 16 апреля 1934 г. учредило новую высшую степень отличия — Герой Советского Союза.

131

На Большой земле с восхищением пересказывали, как живущие на дрейфующем льду вечерами при тусклом свете коптилок разбивались в палатках на группы, играли в само-

дельные шахматы, коллективно читали вслух Лескова, Шолохова — см.: Герои воздуха. Ташкент, 1934. С. 18. По утверждению челяускинцев, свободное от спасательных работ время они отдавали учебе и повышению квалификации: «Прорабатываем доклады партсъезда, принятые нами по радио еще на пароходе и подробно записанные, особенно речь т. Сталина» [там же, С. 20].

132

Ср.: «...новые и новые планы рождались в его светлой голове. Поток, направляемый Валерианом Вадимовичем к лагерю Шмидта, рос с каждым днем, в него включались ледоколы, самолеты, дирижабли, вездеходы, собачьи упряжки и т. д. Он непрерывно следил за каждым самолетом, пробивавшимся сквозь ледяные морозы и полярные метели к лагерю Шмидта.» [Ушаков Г.А. Большой человек большой земли // Известия. 1936. 25 января].

133

Лекманов О. Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». М., 2011. Вып. 5/2) С. 531–532.

134

Ахматова А. Листки из дневника // Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец, 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016. С. 405.

135

Березов П. В.В. Куйбышев. М., 1958. С. 268–275.

136

Леваневский С.А. Организатор спасения челюскинцев // Известия. 1935. 26 января.

137

Дубинский-Мухадзе И. М.В. Куйбышев. М., 1971. С. 294; Водопьянов М.В. Замечательный человек // Рабочая Москва. 1935. 27 января.

138

На первой полосе нью-йоркского издания писали: «О том, что умер советский сановник, в Москве узнали в 6 часов вечера, когда вдруг было объявлено, что все радиостанции приостанавливают всякую передачу на 30 минут. Затем программы радио были отложены еще два раза и вдруг военный оркестр начал играть по радио похоронный марш. О смерти Куйбышева было объявлено только

в 12 часов ночи. Со смертью Кирова и Куйбышева в Политбюро осталось только семь членов...» [Внезапно скончался В.В. Куйбышев // Новое русское слово. 1935. 27 янв. № 8034. С. 1]. По случайному совпадению, на третьей странице этого номера была подверстана заметка «Расстрелянный по делу Кирова Мандельштам — внук еврейского кантора»; имя Сергея Осиповича Мандельштама (1895–1934), заведующего сектором Наркомтяжпрома в Ленинграде с 1932 г., приговоренного Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания, всплывает в последние недели жизни его однофамильца в лагере осенью 1938 года: «Мандельштам не любил разговоров о мирных днях — кто был следователем, как допрашивали, очные ставки и т. д. К соседям по нарам это относилось меньше. Он сам рассказал [Ю. И.] Моисеенко о ленинградском однофамильце Мандельштаме, который проходил по делу об убийстве Кирова и был расстрелян. Следователь допытывался, не родственник ли» [Поляновский Э. Смерть Осипа Мандельштама // Известия. 1992. 28 мая. № 124. С. 3].

139

Ср. с описанием у биографа Куйбышева: «Был хмурый, облачный день — 27 января 1935 года. <...> Кругом необозримое море голов. <...> В серых сумерках раннего январского предвечерья над Красной площадью, салютуя, пронеслись самолеты. Под грохот орудийных залпов в четыре часа двадцать пять минут урна с прахом Валериана Владимировича Куйбышева была замурована в Кремлевскую стену, за правым крылом Мавзолея. <...> Твердой поступью мимо Мавзолея через площадь прошли бойцы Пролетарской дивизии» [Березов П. В.В. Куйбышев. С. 280].

140

Обилие скорбящих в трауре масс («Шли нестройно — люди, люди, люди...») запомнилось даже привыкшим к такого рода митингам современникам, об этом и о мере покойного массам писали газеты: «Так неожиданно, преждевременно, тихо умер человек, закаливший себя в героических битвах за жизнь миллионов...» [Куйбышев Н.В. Последние часы // Известия. 1936. 25 января]; «Опыт его борьбы за ленинизм, за

дело международного рабочего класса будет использован многомиллионными массами трудящихся» (*Чубарь В.Я. Товарищ и друг*) // Правда. 1935. 26 января).

141

Березов П. В.В. Куйбышев. С. 279.

142

О Заболоцком и Мандельштаме см.: *Лощилов И.Е. Заболоцкий Н. А. // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / [гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов]. М., 2017. Т. 1. С. 250–251; также: Левинтон Г.А. Душа ведь женщина [Из комментариев к «Летейским стихам» Мандельштама: «Когда Психея-жизнь спускается к теням»] // Studia Metrica et Poetica. Сборник статей памяти Петра Александровича Руднева / Сост. А.К. Байбурин, А.Ф. Белоусов. СПб., 1999. С. 265–277.*

143

См.: *Заболоцкий Н.А. Заявление в Особое совещание НКВД СССР (17.02.1944) / Публ. в блоге И. Лощилова. Дата публ. 18.04.2005. <https://loshch.livejournal.com/41821.html>.*

144

См.: Прием в Союз писателей в Ленинграде. От нашего корреспондента // Литературная газета. 1934. № 74. 12 июня. С. 1; цит. по публ.: *Fleishman Lazar, Mitzner Piotr.* Флирт с «Каменной». Новые письма и статьи Льва Гомолицкого // *Across Borders. 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts: Essays in Honor of Vladimir Khazan* (Stanford Slavic Studies, Vol. 48). Ed. by L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018. С. 321, прим. 66.

145

Филиппов Б.А. Комментарий // Заболоцкий Н. Стихотворения / Под общей редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Washington, DC, 1965. С. 313.

146

Рудаков С.Б. Стихотворения / Публ. И.Г. Кравцовой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. С. 70. «Прощание» появилось там же две недели спустя: Известия, 1934, 3 декабря; перепеч. в журнале «Еж» (декабрь, 1934) и в сборнике «Писатели — Кирову» (М., 1934).

147

«В марте 1938 года...»: Письмо В.П. Ставского Н.И. Ежову. Отзыв П.А. Павленко о стихах

О. Мандельштама / Публ. В. Шенталинско-го // «Сохрани мою речь...». Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 59. В записке Ставского Мандельштам охарактеризован как автор «похабных, клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа», но вместе с тем отмечалось, что в последнее время ссыльный написал ряд новых стихотворений. Правда «особой ценности они не представляют», резюмировал, ссылаясь на мнение неназванных товарищей, секретарь Союза в этом смертном, по существу, приговоре. 2 мая 1938 г. Мандельштам был вновь арестован.

148

Г.И. Серебрякова вспоминала, что на столе у Куйбышева между томами Ленина и статистическими отчетами лежали мифы древней Эллады, древнелатинские изречения и сборники поэзии, а среди них — сочинения Саши Черного и Козьмы Пруткина. Читал ли Мандельштам при жизни Куйбышева (и наоборот) его стихи, неизвестно; но он вполне мог слышать о его версификаторских наклонностях (О Валериане Куйбышеве: Воспоминания, очерки, статьи / Ред. М.И. Владимиров. М., 1983. С. 219). Насколько можно судить по полностью или фрагментарно воспроизведенным в издании 1938 года стихам Куйбышева — это были образчики подражательной лирики неопытного автора [*Куйбышева Е. Валериан Владимирович Куйбышев. Из воспоминаний сестры. М., 1938. С. 11*].

149

Тоддес Е., Мец А. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 80.

150

Подчеркнуто в оригинале, курсив — мой. Впервые опубли. Л.В. Максименковым (Вопросы литературы. 2003. Июль–август. С. 239), фототипически воспроизведен в: *Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама* (М., 2010); см. также: *Морев Г. Поэт и царь. Из истории русской культурной мифологии: Мандельштам, Пастернак, Бродский. М., 2020. С. 17–18.* Таким образом Бухарин мог (как вполне сознательно, так и не отдавая себе отчета) использовать покаянную лексику Мандельштама или Н.Я. Мандельштам, употребленную ими в ходе личного разговора с ним; в контексте назначенного вскоре писательского съезда

оправдание было призвано нивелировать разногласия Мандельштама с советской властью и обеспечить ему ячейку в институционализированном литературном процессе. Как известно, спустя годы на новом витке противостояния власти и писателей нелицеприятный ярлык «блудницы» будет прикреплен Ждановым к имени Ахматовой (интересно, что под «наблудил» Мандельштам понимал как раз противоположное, большевизанство).

151

«Шизоидный психопат» — цитата из диагноза медицинской комиссии, обследовавшей Мандельштама 27 мая 1936 г. [*Герштейн Э. Мемуары*. СПб., 1998. С. 102].

152

Ibid., 140.

153

Зачеркнутый вариант последней строки находится также на одном из списков Принстонского собрания в рукописном сборнике 1935 г. (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. С. 149).

154

Герштейн Э. Мемуары. С. 132; 180.

155

Мандельштам прибыл в Чердынь с обострившейся манией преследования и в первую же ночь выпрыгнул из окна; в отличие от Дементьева его попытка суицида «успехом» не увенчалась (он сломал себе руку, но опасность его жизни не угрожала).

156

«Начало» (1925) // *Комсомольские поэты двадцатых годов* (Библиотека поэта). Л., 1988. С. 525. Набросок падения аэроплана вписан в нетривиальную стереоскопическую конструкцию. Мобильный квадрат (квадрига войск) описывает полукруг («шагали... *обратно*») по горизонтальной плоскости в пределах замкнутого прямоугольника (площади); по вертикальной оси изображена амплитуда падения и взлета аэроплана (траектория: вниз — вверх, т. е. еще один полукруг).

157

Угол атаки был направлен на последователь этой самой традиции в современной советской поэзии: «За последние годы Сурков упорно учился, ликвидировав бескультурие, мешавшее ему писать. Он учился владеть стихом у мастеров прошлого, но в процессе

этой учебы он приобрел и излишний пиитет перед лириками предреволюционных годов. Иногда он им попросту подражает:

Сядь со мной, мой ненаглядный, рядом,
Покажи мне серые глаза.
Посмотри, прошелестела мимо
Стайка белогрудых голубей,
Ласковый, отчаянный, любимый,
Как я стосковалась по тебе.

Это — Ахматова. Иногда Сурков слепо ведет стихотворение в гумилевском ритме. Между тем и Гумилев, и Ахматова — лирики, довольно равнодушные ко всему, кроме себя (чего, конечно, нельзя сказать о Блоке). Именно этим лирикам-акмеистам и была свойственна равнодушная манера перечислять явления, проходившие перед их холодными глазами. Сурков, учась, перенес эту манеру и в свои стихи» [*Дементьев Н. Об Алексее Суркове // Красная новь*. 1935. № 10. С. 207]. Я благодарю Р. Д. Тименчика, указавшего мне на этот источник.

158

Ярославский Ем. Памяти великого трибуна // *Коммуна*. 1 декабря 1935, № 275 (1829). С. 2.

159

Мандельштам О. Э. ПСС. Т. 3. С. 193.

160

Формула из Горация («К Мельпомене», ода 30, кн. III) закреплена в русском изводе переложениями Ломоносова, Державина, Батюшкова и Пушкина («Мой прах переживет и тленья убежит...»); о пушкинском «Памятнике» как подтексте нескольких стихотворений Мандельштама второй половины 1930-х годов см.: *Тарановский К. О поэзии и поэтике*. М., 2000. С. 191–199; 208, прим. 43, 44; сводный комментарий и разбор полемики вокруг переключек между написанным в Воронеже «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935) и пушкинским текстом: *Сошкин Е. Гипограмматика. Книга о Мандельштаме*. М., 2015. С. 123–129.

161

Зельченко В. В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М., 2019. С. 41.

162

Ср. близкое по смыслу и лексико-метафорическому диапазону размышление Аполлона Григорьева: «Мумии не могли, конечно,

остаться в мире; при первом прикосновении к ним воздуха жизни они распались прахом и тлением, но из праха и тления поднялась жизнь, жизнь, которой слово есть историческое чувство. Как всякое чувство, оно пробудилось от толчка, от прикосновения мысли к живому телу» («Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 62).

163

Этим наблюдением я обязан О. Ронену (мы с ним обсуждали НМББ в ходе переписки в нач. 2000-х годов), полагавшему, что Мандельштам пишет не о гусеницах, а «о бабочке, т. е. об имаго метаморфозы, которой не воскреснуть»; бабочка «возвращается в землю, а не сгорает, как в *Selige Sehnsucht*. В другом восьмистишии крылья бабочки — саван». Разбор стихотворения Гете: *Dye, Robert Ellis*. "Selige Sehnsucht" and Goethean Enlightenment // PMLA. Vol. 104, No. 2 (Mar., 1989). С. 190–200. Ср. образы бурнуса и савана у Мандельштама в «О бабочка, о мусульманка!» (1933) и кон-мешок: «Не сердчай, турчанка дорогая, / Я с тобой в глухой мешок зашьюсь» («Мастерица виноватых взоров...», 1934).

164

Из семейства огневок (*Pyraloidea*) — в частности, мучная огневка (*Asopia farinalis*). Гусеницы этого вида считаются бичом зернохранилищ, где выедают семена; в слове «моль» с ударной «о» прочитывается идея превращения материи в ноль — нуллификации вещества.

165

«Египетская марка» // ПСС. Т. 2. С. 281.

166

«Путешествие в Армению» // ПСС. Т. 2. С. 330–331.

167

Ср.: «Аристотель, как махровая бабочка...» в «Разговоре о Данте»; ПСС. Т. 2. С. 159.

168

Также здесь уместно вспомнить легенду о кривизне (одноглазости) адмирала Нельсона, убитого при *Трафальгаре* (замечено Е. Сошкиным).

169

Сошкин Е. Гипограмматика. С. 210. Опущенный опорный повтор «ноч / муч» в финаль-

ной версии компенсирован схожим по звучанию «боч / муч».

170

Уподобляя бабочку мусульманке, Мандельштам, по мнению М. Безродного (частная переписка), спорит с Тертуллианом, утверждавшим, что любая душа — христианка. Об аристотелевских подтекстах образа бабочки см.: Кузичева М. «Бабочка» Осипа Мандельштама: стихи о познании // Новое литературное обозрение. 2017. № 147 (5). С. 134–149.

171

В письме автору (2002): «М. отталкивается от отрывка в "Философии беспочвенности" [так у Ронена, очевидно, описка], но "крылья — мистика" у него уже и сами отрицаются. От жизни остаются, как сказано в "Путешествии в Армению", только "вещественные доказательства бытия". "Да поможет нам кисть, резец и голос и его союзник — глаз". Как видите, это чистый монизм, не менее материалистическая доктрина вечной жизни, чем у Льва Толстого».

172

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Париж, 1971. С. 72.

173

Как и НМББ, стихотворение Лермонтова строится на тавтологических рефренах (последняя строка повторяет первую: «Он спит последним сном») и использует вопросительную конструкцию («На то ль он жил и меч носил, / Чтоб в час вечерней мглы / Слетались на курган его / Пустынные орлы?»).

174

Кирсанов С. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова. Сост., подг. текста и прим. Э.М. Шнейдермана. СПб., 2006. С. 126.

175

Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 369.

176

Ролан Гаррос (фр. Roland Garros; 1888–1918) — летчик-истребитель, герой Первой мировой войны, 5 октября 1918 г. погибший в воздушном бою с немецким противником.

177

Фрагменты поэмы напечатаны в «Альманахе муз» (Пг., 1916). Цит. по: *Ляст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, комментарий. Р. Тименчика. М., 1997. С. 388–389.

«Из ранних стихов: 1913–1928» (Тихонов Н. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 25).

Долинин А.А. Воздушная могила: О некоторых подтекстах стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» // Эткиндовские чтения II–III: сб. ст. по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинды. СПб., 2006. С. 276–292.

Цит. по статье А. Долинина, который усматривает в этих текстах влияние «Смерти орла» Жозефа-Мариа де Эредиа (Heredia): Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова. СПб., 1904. Т.1. С. 146–147; П. Я. (Л. Мельшин). «Смерть орла» // Нижегородский сборник. СПб., 1905. С. 344–345.

По предположению Г.А. Левинтона (высказанному на полях рукописи этой книги), здесь можно услышать эхо известной сентенции Ф.М. Достоевского: «Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билет Ему почти-тельнейше возвращаю» (Братья Карамазовы. Кн. 5, Гл. 4).

Определение Видгофа (Видгоф Л. Статьи о Манделъштаме. М., 2015. С. 253).

Эренбург И. Стихотворения и поэмы / Сост. и примеч. Б.Я. Фрезинского. СПб., 2000. С. 398.

Ibid.

Барт С. Стихотворения. 1915–1940. Проза. Письма. М., 2008.

Хармс Д. Полное собр. соч.: В 4 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 277.

Сельвинский И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 273.

Кузьмина-Караваева Е. Равнина русская. СПб., 2001.

Перевод баллады австрийского поэта Й. Х. фон Цедлица «Die nächtliche Heerschau», напечатанной в его сборнике стихов 1828 г. «Посмертные венки» (Жуковский В.А. Собр.

сочинений: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. Стихотворения). Подсказано Г.А. Левинтоном.

«Девушка моет волосы» (Знамя. 1935. № 5. С. 118; цит. по: Луговской В. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 180). Периодическое издание, по-видимому, входило в число регулярно читавшихся Манделъштамом. В качестве подтекста к «Стихам о неизвестном солдате» М.Л. Гаспаров приводит строки из стихотворения А. Штейнберга о неизвестном солдате (Гаспаров М.О. Манделъштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 22), которое, согласно С. Липкину, было известно Манделъштаму по публикации в «Молодой гвардии» (1933. № 8. С. 62)

Модификация сруба, как в зафиксированной В. Далем поговорке: «Церковь не в бревнах, а в ребрах».

Из кн. «Каспийское море» (1936). Цит. по: Луговской В. Стихотворения и поэмы. С. 180. После публикации постановления «О книге поэта В. Луговского» в «Литературной газете» (26 апреля 1937) и последовавшей за ним критики поэт сначала перешел на верноподданнические стихи, а вскоре замолчал почти на целое десятилетие.

Несколько тематически близких к НМББ примеров: от К.Д. Бальмонта — «Как феникс, я хочу сгореть, чтобы восстать преображенным...» («Трубадур» [Любовь и тени любви], 1895) и Эллиса (Л.Л. Кобылинского): «Я хочу умереть одиноким, / Но с любовью в душе умереть! / С этим взмахом качелей высоким / От земли далеко улететь!» («В этих звуках встают предо мной...» [Из «Забытых арий», 1), 1914] до Г.В. Адамовича — «Устали мы. И я хочу покоя, / Как Лермонтов, — чтоб небо голубое / Тянулось надо мной, и дрозд бы пел, / Зеленый дуб склонялся и шумел» («Устали мы. И я хочу покоя...», 1917) и похоронной виньетки в военной лирике Н. Тихонова: «Я хочу, чтоб в это лето, / В лето, полное угроз, / Синь военного берета / Не коснулась ваших кос. // Чтоб зеленой куртки пламя / Не одело б ваших плеч, / Чтобы друг ваш перед вами / Не посмел бы мертвым лечь» (1940) — последняя фраза, вероятно, под влиянием А. Блока, у которого с легкой

вариацией использовалась дважды: «За древнюю сказку мертвым лечь» (1905); «За святое дело мертвым лечь!» (1908).

194

«Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поет, что море, / И ропщет *мыслящий тростник?*»; «Певучесть есть в морских волнах...», 1865; ср. с вопросительной интонацией в финале НМББ.

195

На это указывает К.Ф. Тарановский в связи с другим стихотворением («Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой шурша...») и подробно пишет о *мыслящем тростнике* (*goseau pensant* Паскаля) у Мандельштама (*Тарановский К. О поэзии и поэтике. Собрание классических работ / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000. С. 81–82*).

196

В разделе «Говорят писатели, поэты, ученые, артисты, знатные люди Страны советов» (туда же поместили отклики М. Горького, К. Федина, академика А. Баха и др.) в сборнике «Герои воздуха» (Ташкент, 1934. С. 45).

197

Отмечено в: *Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. С. 184.*

198

Przybylski Ryszard. Rome, or A Dream about the Unity of All Things // An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor, 1987. P. 203–204; Струве Н. Осип Мандельштам. Изд. 2-е. London, 1990. С. 93; Cavanagh Clare. Osip Mandelstam and the Modernist Creation of Tradition. Princeton, 1995. P. 264.

199

Даже у тех немногих, кто слышал декламацию НМББ из уст автора: «Желание Осипа Эмильевича исполнилось: его произведения знают на родине, переписывают его стихи. Знают и печатают его стихи и прозу в Америке, Европе. Его "мыслящее тело" не умрет» (*Бояджиева Х. «Его "мыслящее тело" не умрет...» / Публ., подготовка текста, пред. и комм. И.В. Левичева // Знамя. 2011. № 1. С. 178–179*).

200

Согласно официальной версии, переименование было связано с тем, что в 1917 г. председатель Президиума ВСНХ СССР Валериан Куйбышев торжественно провоз-

гласил в Самаре установление советской власти, а в 1918–1919 годах возглавлял самарский горисполком. Историческое имя Самара, данное в 1586 году основателем города царем Федором Иоанновичем, городу было возвращено 56 лет спустя, 25 января 1991 указом Президиума Верховного Совета РСФСР.

201

Первым на это «практически полное описание возвращения заемного праха земли и одновременного превращения (в данном случае — праха С.М. Кирова) в улицу, в стра-ну» обратил внимание Л. Кацис (*Кацис Л. Ф. «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...» III Международные мандельштамовские чтения: Сборник статей / Ред. О.Г. Ласунский, Г.А. Левинтон, О.Е. Макарова и др. Воронеж, 1995. С. 145*).

202

Первый, как известно, разделил животных на группы — позвоночных и беспозвоночных, о втором старший современник Мандельштама писал в просветительском труде: «В морфологии же нет никакой более ранней теории из числа позитивных, как гетевская теория метаморфоз... Он первый... открыл, что и череп животного сводится на простые позвонки и, вообще, что есть общий остеологический тип, к которому можно свести все скелеты» (*Стронин А.И. История обществности. СПб., 1885. С. 113*).

203

Об аналогии флейты и человека, из которой возник образ флейты-позвоночника, у Мандельштама и Маяковского см.: *Безродный М. Короб третий. СПб., 2019. С. 61*.

204

«Наше плотное тяжелое *тело истлеет*, точно так же и наша деятельность превратится в такую же сигнальную свистопляску, если мы не оставим после себя вещественных доказательств бытия» («Путешествие в Армению», 1932).

205

Зенкевич М. Сказочная эра. С. 130.

206

ibid., 152.

207

ibid., 137.

«Полет» (1914) // *Андреев Л.* Собр. сочинений: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 316.

209

Письмо № 60. Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вступ. статьи К. Брауна, Г.П. Струве и Э.М. Райса. Издание второе, доп. Washington, DC, 1969. Т. 3. С. 267.

210

Письмо № 62 (Ibid.).

211

Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. 2-е издание (серия «Литературные памятники»). СПб., 2004. С. 259.

212

Н. Асеев. «Интервенция веков» [1923] // Собр. сочинений. В 3 т. М.; Л., 1928–1930. Т. 1.

213

«Ложу прокрустово — лежу и похрустываю», по воспоминаниям Л. Брик.

214

С НМББ текст Сельвинского сближают топос молчания и проекция цикличности смерти/воскрешения: «Восстанет солдат, и шагнет он под стяги, / И, мертвый, умрет он вторично»: «На сером гранитном гробу очертанья / Усопшего воина в шлеме. / Огромный кадык у *Безмолвной гортани* — / Сугубо тевтонское племя» [*Сельвинский И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 338].

215

Ronen O. An Approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983. С. 183, примеч. 135.

216

Левинтон Г.А. Из комментариев к прозе Мандельштама. 1–7 // *Топоровские чтения I–IV (2006–2009): Избранное.* М., 2010. С. 236–254. В комментарии к изданию ПСС (2009) утверждается, что источник образа «Нюрнбергской пружины», выпрямляющей мертвецов, «не установлен» (Т. 1. С. 601); в более поздней работе высказано наиболее логичное предположение, что здесь «вероятно, имеется в виду устройство рояльной клавиатуры» [*Видгоф Л. М.* «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 235], при этом не кажутся убедительными ни «деревянные игрушки вроде щелкунчиков» (Н.Я. Мандельштам

в письме к Н.А. Струве и поддержавший ее в прим. М.Л. Гаспаров [*Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза. М., 2001. С. 780]), ни «часовой механизм с пружиной к производству карманных часов в виде “яиц”» [*Дюпэгр А. Ф., Фрейдин Ю.* О мандельштамовском инструментарии: стихотворение «Рояль» // Осип Мандельштам и XXI век: материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М., 2016. С. 109].

217

ПСС. Т. 2. С. 35. (Ронен также учитывал этот текст в цитирувавшемся выше примечании).

218

В раннем стихотворении Мандельштама, где опробован похожий прием («звук Остро-рожный и глухой / плОда»), акустическим возбудителем, по остроумному предположению М. Безродного, по-видимому, выступила шишка.

219

Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 629.

220

Ср. также: возГЛасы — иГЛы.

221

В финале «Песни о гибели комиссара» А. Прокофьева (1932).

222

Меркурьева В. Тщета. М., 2007.

223

Мариенгоф А. Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта: малая серия). СПб., 2002. С. 77.

224

Об этом: *Рабинович Е.Г.* Колодец Шамаша // *Вестник древней истории.* 1973. № 2. С. 103–106.

225

П.Н. Васильев. Дорога [Отрывки из поэмы «Большой город»], [1933].

226

Ср. с вопросительной конструкцией и зенитными орудиями в финале НМББ.

227

Ср. в словаре В. Даля: «плетеница из ботвы, листвы, зелени с цветами; такая-ж круглая плетеница, ободом, обручем» и в советской поэзии: «Вся земля закидана венками, / Свитыми из счастья и утрат, / Где ты, где, с полынными руками, / Светлая отрада из отрад?» (А. Прокофьев. «Вся земля закидана венками...».

1933); «Но не прохладная фиалка, / Не розы, точно ветерок, / Ты восстаешь в долине жаркой. / И пламя лижет твой веноч» [К. Вагинов. «Нет, не расстался я с тобою...» («Черно бесконечное утро...», 2); 1927–1934].

228

«Стоцветными крутыми кораблями...» (Адамович Г. Облака: Стихи. М.–Пг., 1916); цит. по: Адамович Г. Полное собрание стихотворений / О. Коростелев, состав., вступ. ст., примеч. СПб., 2005. С. 106.

229

«Тянуть жмура» — на музыкальном жаргоне означает «играть на похоронах» [Большой словарь русских поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М., 2007]. Благодарю за подсказку Г.А. Левинтона. Неясно, насколько в ходу эта фраза была в нач. XX-го века, впрочем, «жмурик» в значении «усопший, покойник» зафиксировано уже в словаре Даля.

230

ПСС. Т. 3. С. 70–71.

231

В. Катаев, «Полет» [1923]; опубл. в сборнике «Лёт». Следует пояснить образ в строчке «касторкой в крылья фыркал гном»: дело в том, что на заре авиации касторовое масло использовалось в качестве моторного масла для поршневых двигателей.

232

О чем докладывалось наркому Ежову в самый неподходящий для подобных демаршей 1938 год («В марте 1938 года...»: Письмо В.П. Ставского Н.И. Ежову. Отзыв П.А. Павленко о стихах О. Мандельштама / Публ. В. Шенталинского // «Сохрани мою речь...» Мандельштамовский сборник / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1991. С. 60).

233

Радек К. Мужество, точность, спокойствие // Известия. 4 авг., 1935. Но, как будет отмечено в следующей главе, эллинские легенды, распространенные в русской авиационной поэзии до революции, для советской литературы маркируют отчетливо ироническое отношение автора к сюжету и прямо отсылают к (псевдо)античным мотивам.

234

Правда. 1924. 27 января. С. 5 (цит. по: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 148).

235

В. Маяковский. «Владимир Ильич Ленин», 1924.

236

Пильняк Б. «Красное дерево» (1929) // Собр. соч.: В 6 т. / Состав., коммент. К. Андроникашвили-Пильняк. М., 2003. Т. 4. С. 119.

237

Комментарий в: Гаспаров М. Л. Мандельштам О. Стихотворения. Поэмы / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М., 2001. С. 662.

238

Я благодарен М. Безродному, высказавшему это наблюдение в частной переписке.

239

В русской артиллерии полевой лафет состоял из двух станин, удерживаемых на определенном расстоянии одна от другой четырьмя подушками; из оси, двух колес и подъемного клина, служившего для придания орудию различных углов возвышения. Все части лафета делались из дерева и для скрепления в различных местах оковывались железом. См.: Берназ А. Техническое оснащение русской артиллерии начала XIX в. [<http://www.museum.ru/1812/Army/RussArtillery/part2.html>].

240

Такой подвижной конструкцией мог служить даже корабль, как в описании похорон жертвы трагической аварии над морем дирижабля «Диксмюде» [Dixmude: Zeppelin LZ-114] в конце декабря 1923 года: тело командира французского воздушного судна, морского офицера Гренадана (Jean du Plessis de Grenédan), было обнаружено рыбаками и предано земле в Тулоне 5 января 1924 г.: «Но на крейсере, как на лафете, в Тулон / Увозимый, в лентах, в цветах утопая, / Лейтенант Гренадан, видел ли он, / В гробу металлическом запаян: / Как вдали, на полночь курс держа, / Целлулоидной оболочкой на солнце горя, / На закате облачный дирижабль / Выплыл из огненного ангара» [Зенкевич М. Гибель дирижабля «Диксмюде» <1924> // Зенкевич М. Сказочная эра. С. 159–160].

241

Ср. у очевидцев Засосова и Пызина (мемуаристов, соответственно, 1894 и 1892 года рождения): «Похороны по первому разряду проходили торжественно: колесница, на которой везли гроб, была с белым парчовым

балдахином-часовней с лампадами... Впереди процессии — красивая двуколка с еловыми ветками. Лошадь в белой сетке и с султаном на голове вели два горюна, а третий шел сзади и разбрасывал ветки. <...> Если же хоронили военного, имевшего высокий чин, то помпезности было еще больше: впереди колесницы офицеры несли на подушках ордена и медали покойного. Сзади родственников и сопровождающих шло несколько оркестров, затем воинские части, за ними кареты, в которых ехали старики, немощные, а также порожние для развоза публики с кладбища. Гроб строевых военных высших чинов везли на лафете, в который впрягали шестерку лошадей цугом по паре. Горюнов здесь уже не было, на каждой левой лошади сидел ездовой, сбоку ехал верхом фейерверкер, а впереди офицер, по обеим сторонам лафета — караул, солдаты с винтовками на плечах» [*Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. СПб., 1999. С. 39]. Как видим, присутствие орудийных стволов было не обязательным, а использовалась только платформа-лафет.

242

Ушаков Н. Стихотворения и поэмы [Библиотека поэта. Большая серия]. Л., 1980.

243

Смеляков Я. В. Стихотворения и поэмы [Библиотека поэта. 2-е изд.]. Л., 1979.

244

Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 632. Также у Маяковского: «Землю попашет, напишет стихи» («Хорошо», 1927).

245

«О современной поэзии» // *Ibid.*, 633.

246

Поэта, с которым Мандельштам, по-видимому, полемизировал [*Шиндин С. Г.* Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». М.: 2011. Т. 19 (Вып. 5/2). С. 306].

247

Ср.: «я не только тело», «дайте мне членораздельное слово, снимите повязку с моих губ» — с мандельштамовским: «И губы оловом зальют» («1 января 1924»). Другие (более поздние) подтексты из перевода Барбье, Маяковского, Пастернака, Клюева перечислены О. Роненом, включая метафоры

«жидкого железа», используемого сталеварами и прочими работниками индустрии: «Надо быть огнеупорным, / Мир тревожащим гудком» [Н. Асеев, «В стоны стали», 1923; ср. с «заводским гудком» Хлебникова] (*Ronen O. An Approach to Mandel'stam.* Jerusalem, 1983. С. 253–254).

248

Русская советская поэзия / Под ред. Л. П. Кременцова. Л., 1988.

249

Багрицкий Э. Г. Стихотворения и поэмы [Библиотека поэта]. М., 1964.

250

Я. В. Смеляков. Стихотворения и поэмы [Библиотека поэта]. 2-е изд. Л., 1979.

251

Например, ритмическая инерция НМББ поддерживается конфигурациями повторяющихся согласных и акцентированием шипящих (мыслящее — сознающее, мучистой — хочу — позвоночное — обручи — азбучные). Шипящие часто связаны у Мандельштама с «болью и нападением» («о густых зарослях "щ"» говорилось в «Шуме времени»), и количество их резко возрастает в его поздней поэзии (*Левин Ю. И.* О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. С. 411; см. там же о «нарушениях» и «небрежностях» в радикально меняющемся спектре рифм и стиховой фактуры его стихов 1930-х годов.

252

Мандельштам О. Э. <Рецензия:> А. Адалис. — Власть: Стихи / Худ. Э. Визин. М., 1934 // Подъем [Воронеж], 1935. № 6. С. 109–111.

253

В рецензии на сборник литкружковцев Метростроя «Стихи о метро» [М., 1935] // Подъем. 1935. № 5. Цит. по: ПСС. Т. 3. С. 194.

254

Тынянов Ю. Промежуток // История литературы. Критика. СПб., 2001. С. 416–417. У Хлебникова имеется в виду особняк М. Кшесинской, подаренный любовнице Николаем II.

255

Хлебников В. Творения. М., 1987. С. 289; 291. В письме к жене от 26 мая 1935 г. Рудаков упоминает: «Перед отъездом [Хлебников] два раза был у М[андельштама]. У М[андельштама] к Х[лебникову] огромное почтение»

- (Тоддес Е., Мец А. Манделъштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 55).
256
- Беседа В.Д. Дувакина с Н.Д. Вольпин // Осип и Надежда Манделъштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 93.
257
- Здесь помещен рисунок: малый круг в большом круге, внутри которого вписан крест; в сегментах, образованных перекладинами креста, четыре латинских буквы "m". В старой орфографии в словах «округъ» и «окресть» внутри «О» ставили крестик.
258
- Белый А. Глоссология. Поэма о звуке. М., 2002, С. 63–64.
259
- Ibid., 65.
260
- Пастернак Б. Л. «Спекторский» (1925–1931) // Полное собр. соч. в 11 тт. М., 2004. Т. 2. С. 16. Ср.: «Ужасное содержание души — круглый ноль — становилось томительным шаром; казалось: вот логика — кости разорвутся на части. Это был Страшный Суд» (Белый А. Петербург. С. 239).
261
- Олейников Н.М. Число неизреченного / Сост., подг. текста, вступ. и примеч. О.А. Лекманова и М.И. Свердлова. М., 2016. С. 278.
262
- Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы (Новая библиотека поэта). М., 2007.
263
- Эйхенбаум Б. «Основные стилевые тенденции в речи Ленина» // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 61.
264
- Наблюдение М. Безродного, высказанное в переписке с автором.
265
- Фрейд Ю. «Просвечивающие слова» в стихотворениях О. Манделъштама // Смерть и бессмертие поэта. Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конф., посв. 60-летию со дня гибели О. Манделъштама. — М., С. 241. Примеры «школьной» темы в стихах сер. 1935 г., собранные Фрейд Ю.: «Но то, что я скажу, заучит каждый школьник» («Да, я лежу в земле, губами шевеля...»); «Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов» («День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»); «Толковые лиловые чернила» («Еще мы жизнью полны в высшей мере...» с домашним заглавием «Стрижка детей»).
266
- Ср.: «То, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года» («О, как мы любим лицемерить...», 1932).
267
- «Варшава», впервые: Меч, 1934, № 9–10, 8 июля, С. 10–13, цит. по: Гомолицкий Л. Сочинения русского периода / Под ред. Л.Флейшмана. М., 2011. Т. 1. С. 463.
268
- Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1904. № 4. С. 2. В песенниках — с 1910-х годов (Полный русский песенник. М., 1911). Цит. по: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. статья, подг. текста и примеч. В.Е. Гусева (Библиотека поэта), 2-е изд. М.; Л., 1965. Эл. версия: http://az.lib.ru/s/studenskaja_e_m/text_0010.shtml.
269
- «В семье гордились как-то лейб-медиком Шерешевским, как в «1 нрзб» [каноническое] время [канонизированным] родственником[–святым], [попавшим] проскочившим в святые» (Цит. по: Манделъштам О.Э. Египетская марка: Пояснения для читателя / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина, А. Сергеева-Клятис, С. Синельников. М., 2012. С. 348).
270
- Ронен О. Поэтика Осипа Манделъштама. М., 2002. С. 126.
271
- Гастев А. К. «Мост» (1918) // Творчество. 1918, № 7, С. 2.
272
- Русская советская поэзия / Под ред. Л.П. Кременцова. Л., 1988.
273
- Михаил Рудерман (автор текстов знаменитых песен «Тачанка» и «Махорочка») посвятил стихотворение участнику операции по спасению экспедиции парохода «Челюскин» в 1934 г., летчику Василию Молокову, который стал третьим советским гражданином, удостоившимся звания Героя Советского Союза (Молокову // Герои воздуха. Ташкент, 1934. С. 53–54).

274

Рекорд был установлен французским летчиком Синьерином, поднявшимся на высоту 10 285 метров.

275

[Б. п.] Двухместный самолет на высоте 11.100 метров // Правда. 8 мая, 1936. № 125 (6731). С. 6.

276

Впрочем, о непарадной стороне операции и ее последствиях в народе догадывались (и ходили строки, исполнявшиеся на мотив «Мурки»: «Шмидт сидит на льдине, словно на перине... Капитан Воронин судно проворонил... Здравствуй, челюскинская шлана, Вы зашухерили Челюскина на льдине, а теперь носите ордена...»), см. об этом в современных исследованиях: *Ларьков С., Романенко Ф.* «Враги народа» за Полярным кругом. Сб. статей. М., 2010; Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / Под ред. академика А.О. Глико. М., 2011.

277

Всепобеждающее геройство // Герои воздуха. Ташкент, 1934. С. 68.

278

[Б. п.] Люди и дела великой страны // Известия. 1935. 21 мая.

279

См., например: Друг Красной Армии // Известия. 1936. 25 января.

280

Дубинский-Мухадзе И.М. Куйбышев (серия ЖЗЛ). М., 1971. С. 289.

281

Ср.: «Торжественные похороны советских летчиков, погибших на северном полюсе в поисках моряков затонувшего корабля "Челюскин", дают повод провидчески приписать национальное, всенародное значение своей собственной будущей смерти» [*Струве Н.* Осип Манделъштам. Изд. 2-е. London, 1990. С. 72]. Ко времени пребывания Манделъштама в Воронеже трагедия 1934 года уже сошла с газетных полос, хотя отзвуки ее слышны еще в «Стансах», также написанных в мае-июне 1935-го («Я слышу в Арктике машин советских стук»).

282

Коммуна. 1935. 2 июля. № 150 (1704).

283

«Наушники, наушнички мои...» (апрель 1935).

284

НМББ написано 5-стопным хореем за исключением 4-й и 13-й строк (4-ударный дольник).

285

Здесь я согласен с оговоркой Г.А. Левинтона, высказанной им в нашей переписке, что позитивными они рассматривались в системе ценностей, в целом чуждой Манделъштаму даже в его «советских» стихах, далеких от тихоновского пафоса безжалостности.

286

Гиппиус З.Н. Стихотворения (Новая библиотека поэта) / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб., 1999. С. 181.

287

Кирсанов С. Стихотворения и поэмы (Новая библиотека поэта) / вступ. статья М.Л. Гаспарова. СПб., 2006. С. 121.

288

Кремация как прогрессивный метод похорон приобрела популярность сначала в западной Европе во второй половине 1920-х благодаря изобретению новых технологий и позже была импортирована в Россию.

289

Впервые: Знамя. 1934. № 10. С. 105. Цит. по: *Луговской В.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. В. Огнева. М.; Л., 1966. С. 174.

290

С.Б. Рудаков читал стихотворение по присланной ему женой газетной вырезке под загл. «Осенние приметы» (публ. Известия. 18 ноября, 1934). Дата 27 июня (в некот. изданиях опечатка — июля) обсуждения с Рудаковым «Осенних примет» Заболоцкого уст. по: Письма Рудакова (С. 70) и верифицирована в: *Летопись жизни и творчества О.Э. Манделъштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубянской, П. Мицнера.* 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016. С. 422.

291

Заболоцкий Н. Осень // *Заболоцкий Н.* Мета-морфозы / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. И.Е. Лоцилова. М., 2014. С. 190.

292

Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 153.

293

Рудерман М. Молокову // Герои воздуха. Ташкент, 1934. С. 53–54. О Рудермане и Мандельштаме см. в комм. к 19-й строке.

294

Заболоцкий Н. Прощание // Заболоцкий Н. *Метаморфозы*. С. 213 [Впервые: Известия. 4 декабря, 1934].

295

О символике принесенного в жертву советскому народу сердца, изношенного героем при жизни, см. в «Повести непогашенной луны» (1926) Б. Пильняка, в которой персонаж командарм Гаврилов, прототипом которого послужил М.В. Фрунзе, умирает вскоре после перенесенной операции на брюшной полости («перестало биться прокамфаренное и искусственно просоленное сердце»; *Пильняк Б.* Повесть непогашенной луны. Letchworth, 1971. С. 56).

296

Ср. с концовкой более позднего стихотворения Заболоцкого — «Прохожий» (1948): «Тут летчик у края аллеи / Покоится в ворохе лент, / И мертвый пропеллер, белея, / Венчает его монумент». *Заболоцкий Н.* *Метаморфозы*. С. 285.

297

Асеев Н. Собр. сочинений: В 3 т. М.; Л., 1928–1930. Т. 1.

298

В рецензии на сборник А. Адалис Мандельштам цитировал ее стихи, посвященные Э. Багрицкому: «Нам голос умершего друга / В глубокую полночь звучал...».

299

Тему молчания он разрабатывал и ранее: «Два сонных яблока у века-властелина / И глиняный прекрасный рот» («1 января 1924»).

300

Запись от 30 мая 1936 г., там же: «Гениально! Как хорош!» [*Рудаков С.Б.* Стихотворения / Публ. И.Г. Кравцовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. С. 178].

301

«Сам он до того отрезвился, что принял за стихи!!! Именно — исправил последний стих последней воронежской вещи» — и даже цитирует этот «последний» на тот момент

текст, точнее самый финал НМББ. См. также: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 132.

302

Левин Ю.И. Тридцатые годы [ориг. публ.: Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1978. Vol. III] // Он же. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 126–129.

303

В ряде списков точка в конце этой строки действительно отсутствует, правда при этом не везде стоят знаки препинания и в других местах текста, там, где, по правилам пунктуации, формально они должны быть, поэтому дефинитивную авторскую волю установить сложно.

304

М. Безродный в переписке с автором. Там же: «Употребленные в том же падеже зрочки — не “продукты” ли этих залпов в небе? Однако разноцветным бывает, кажется, только праздничный салют».

305

Военные похороны, почести и особый церемониал подробно освещены в гл. 12 (статьи 381–404) современного устава гарнизонной, комендантской и караульной службы ВС РФ, который практически без изменений унаследовал предшествующую традицию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а затем сухопутных войск РСФСР и (с 1946 г.) Советской армии. Предписанные воинские почести по уставу подразумевают почетный эскорт, сопровождающий до места погребения гроб с находящимся в нем телом умершего. Сопровождение обеспечивается назначенным подразделением, численность которого зависит от звания и выслуги лет умершего, а также обстоятельств его кончины. Почетный караул у гроба составляют две пары вооруженных часовых, которые сменяются не реже, чем через четверть часа, включая периоды церемониального шествия и помещения гроба в могилу (на кремацию). Военный оркестр располагается в трех шагах от почетного эскорта, и при следовании похоронного шествия в его исполнении звучат траурные марши. Наряд на погребение насчитывает восемь-десять рядовых под командованием сержанта. Кроме портрета умершего, его наград и венков, воинский похоронный ритуал отмечен присутствием государственной и военной символики, в том

числе государственного флага с траурной лентой и расчехленного боевого знамени части. Когда гроб опускается в могилу или на кремацию, назначенные военнослужащие салютуют тремя холостыми оружейными залпами. (Источник: <https://вмкс.рф/lgoty/voinskiy-ustav/>).

306

Power John. A handy-book about books, for book-lovers, book-buyers, and book-sellers. London, 1870. P. 91. Иллюстрация из этого издания.

307

«Элегия» // *Адалис А.* Власть: Стихи. М., 1934. (Цит. по: *Кацис Л. Ф.* «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». С. 137).

308

Отмечено в: *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.; Харьков, 2001. С. 662.

309

Буря и натиск // *Мандельштам О.* ПСС. Т. 2. С. 139.

310

Н. Асеев. «Интервенция веков» [1923]. Метафора «прожиточный воздух» («Мы требуем ветра прожиточный минимум...») из этих асеевских стихов попала в «Стихи о неизвестном солдате» — «И бороться за воздух прожиточный» (ПСС. Т. 1. С. 230).

311

Адалис А. Кирову: Лирическая поэма. М., 1935. Об этом: *Кацис Л. Ф.* «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». С. 145.

312

Кацис Л. «Может быть, это точка безумия...» С. 145.

313

Публ. в сборнике «Стихи о войне» (М., 1933, С. 54–57), позже под назв. «Военный марш» в «Избранных стихах» (М., 1936) под ред. М.А. Зенкевича (С. 93–95) с незначительными изменениями в разбивке и пунктуации.

314

«Мертвый комиссар продолжает думать о судьбах дела, за которое отдал жизнь...

Условность образа и трагический колорит баллады позволяют поэту с наибольшей силой выразить мысль *о бессмертии дела, за которое погиб комиссар»* (*Макаров А.* Идущим вослед. — М., 1969. С. 208–209. Цит. по: *Кирсанов С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. М.А. Гаспарова. Сост., подг. текста и прим. Э.М. Шнейдермана. СПб., 2006. С. 706.

315

Стих. опубл. в «Комсомольской правде» (21 апреля 1935), с вар.: *Кирсанов С.* Новое: Желания. Походная сумка. Новая скорость. М., 1935. Цит. по: *Кирсанов С.* Стихотворения и поэмы. С. 127.

316

Кирсанов С. Стихотворения и поэмы. С. 21.

317

По замечанию Б. Гаспарова, в советское время эта метафора оставалась расхожей фигурой речи (*Гаспаров Б. М.* Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. С. 31).

318

В. Инбер. «Пять ночей и дней» (1924).

Ее вариация из Блока: «Пришел взглянуть на профиль важный, / На воск, открытый напоказ» («Открыт паноптикум печальный...»; «Клеопатра», 1907), отнесенная О. Роненом (в частной переписке) к «неконтролируемым подтекстам».

319

Брюсов В. Я. «После смерти В.И. Ленина» (1924) // Русская советская поэзия / Под ред. Л.П. Кременцова. Л., 1988.

320

В стихотворении «Кто визжит, скулит и плачет?..» (*Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 313).

321

Рид Джон. Первые Красные похороны (Из книги «10 дней, которые потрясли мир») // Наша главная площадь / Сост. М. Гильгулин, Н. Гудкова. М., 1966. С. 218.

322

«Это и не поэма. Поэма должна быть или эпической, с выраженными точно эмоциональными заданиями: гнев, страх, храбрость, — или же быть субъективной, где все сосредоточено вокруг одного героя и его переживаний. А здесь нарушено то и другое».

Тынянов, в свою очередь, указал, что данное Мандельштамом жанровое определение поэмы является устаревшим: «[С]ейчас мы должны разрывать каноническую форму, чтобы ощутить новую». Цит. по: Отчет И.А. Груздева об обсуждении поэмы Н. Тихонова «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Институте современной литературы Государственного института искусств. 6.4.1924 // РГАЛИ. Ф.1527 (Эйхенбаум Б. М.). Оп. 1. Д. 36. Л. 14.

323

Jasiński B. «Marsz» // *Poezje zebrane*, red. V. Lentas, Gdańsk, 2008. С. 419. О том, как в этом стихотворении работают ритм и поэт, форсирующие идею круга, см.: *Faryno J.* Введение в литературоведение. Warszawa, 1991. Р. 451–453.

324

Там же: «Для вашей малярии / Ни грана хинина нет!», перекликающееся с «дальних колоний хинин» Мандельштама («Я пью за военные астры...», 1931).

325

По московской прописке (Тверской бульвар, 25) с января 1932 г. по ноябрь 1933 г. Подр.: *Поберезкина П.* Михаил Рудерман и Осип Мандельштам // «Сохрани мою речь...». М., 2011. Т. 19 (Вып. 5/1). С. 272–283.

326

В листе типографского набора, предназначенного для публикации в воронежском «Подъеме», Мандельштам исправил слово «тысячи» на «тысяча» (ед. ч.), но другие списки это изменение не отражают.

327

Русская советская поэзия / Под ред. Л.П. Кременцова. Л., 1988.

328

Мандельштам Н.Я. Собр. соч. Т. 2. С. 488–489.

329

Струве Н. Осип Мандельштам. Изд. 2-е.

London, 1990. С. 73.

330

Мандельштам О. Э. ПСС. Т. 3. С. 205.

331

Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М. Гаспарова и А. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А. Меца [Библиотека поэта]. СПб., 1995. С. 615. Вожди фигурировали в стихотворении Пастернака в новогоднем номере «Известий» («Я понял:

все живо...» // Известия. 1936. 1 января; перепечатано в журнале «Знамя» (1936. № 4)).

332

«Кстати, я не думаю, что “Продолженье зорких тех двоих” — это про Ленина и Сталина. По контексту (зрочки) — это два глаза погибшего, малоудачное грамматически выражение (по аналогии с “смотри в оба”), поэтому М. его и похерил» (в частной переписке с автором).

333

«Сивым дождем на мои виски...» (1934) // *Луговской В.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. В. Огнева. М.; Л., 1966. С. 174.

334

Аргумент Омри Ронена: «Слава и смерть как зоркие — это возможность, но не полная убедительность. Доводом в пользу такой гипотезы было бы то, что сам Луговской как будто парафразирует Мандельштама: “сестры тяжесть и нежность” (это не так далеко, как кажется, из-за темы тяжести в связи с летчиками)» (в письме автору). Дополнительным резонансом, по мнению Е. Сошкина, может служить связь слова *зенит* с выражением *солнце в зените*, за счет которого Луговской, очевидно, намекает на псевдонаполеоновский афоризм «Слава — солнце мертвых» (частное сообщение).

335

Langerak T. «Летчики»: О творческой истории стихотворения Мандельштама... С. 71.

336

Мандельштам Н.Я. Собр. соч. Т. 2. С. 488–489.

337

Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 190.

338

Тоддес Е.А. Наблюдения над текстами Мандельштама // Избранные труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 562–563.

339

Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 190; формула восходит к ремарке Ю.И. Левина, увидевшего в «Стихах о неизвестном солдате» «сочетание апокалиптичности и репортажа» (*Левин Ю. И.* О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 413).

340

Впервые: Новое литературное обозрение. 2005. № 6 (76). С. 143–172.

341

Имя оформителя в выходных данных книги не значилось, но одна из репродукций подписана именем Родченко.

342

Левинг Ю. Вокзал — Гараж — Ангар. В. Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб., 2004 [гл. 3, «Символика аэроплана: прорыв в другое измерение», с. 288–373]. Там же об основных характеристиках «авиационного текста» и его культурной инновационности в русской литературе на пороге 1910-х годов прошлого столетия. См. также фундаментальную работу Феликса Ингольда «Литература и авиация» (*Ingold F.P.* *Literatur und Aviatik: Europäische Flugdichtung 1909–1927.* Basel; Stuttgart, 1978).

343

«У Пушкина чаши, / у Гаршина вздохи / отметят сейчас же / дыханье эпохи. / А чем мы отметим / и что мы оставим / на нынешнем свете, / на нашей заставе? <...> Пусть смазанной тушью / на строчечном сгибе / нас ждет равнодушья / холодная гибель. / Но наши стихи / рокотали, как трубы, / с ветрами стихий / перепутавши губы. / Пусть гаснувший Гаршин / и ветреный Пушкин / развеяны в марши, / расструганы в стружки. / Но нашей строкой / до последнего вздоха / была беспокойна / живая эпоха» («Дыханье эпохи») (*Асеев Н.* *Собрание стихотворений.* Т. IV (Дополнительный). Стихи последних лет: 1928–1929 гг. М.; Л., 1930. С. 105–106).

344

Palmer Scott F. *On Wings of Courage: Public «Air-Mindedness» and National Identity in Late Imperial Russia // Russian Review.* 1995. Vol. 54. № 2. P. 210. С. Палмер исследует тему на примере судьбы летчика Л.М. Мациевича. В российской прессе 1910 г. его характеризовали как «завоевателя воздуха» и современного Прометея, торжествующего над силами природы (*Гридина О.* *К солнцу!.. // Газета-копейка.* 1910. 25 сентября). Размах всенародных похорон Мациевича, гроб с телом которого несли по Невскому проспекту в сторону Александро-Невской лавры, был сравним с аналогичными процессиями, еще недавно сопровождавшими в последний

путь актрису В.Ф. Комиссаржевскую (Речь. 1910. 29 сентября).

345

См.: *Шипилов И.Ф.* Самолет — русское изобретение; *Черемных Н.А., Шипилов И.Ф.* А.Ф. Можайский — создатель первого в мире самолета (обе — М., 1949). Подробно данный сюжет освещен в статье: *Stein Jay.* *Inventor of the Airplane: New Soviet Version // American Slavic and East European Review.* 1951. Vol. 10. № 2. P. 137–145.

346

Garthoff Raymond L. *Soviet Attitudes Toward Modern Air Power // Military Affairs.* 1955. Vol. 19. № 2. P. 27.

347

Groves P. R. C. *The Influence of Aviation on International Relations // Journal of the Royal Institute of International Affairs.* 1927. Vol. VI. № 3 (May). P. 141.

348

Potts Jr. Ramsay D. *The Foundations of Soviet Air Power: A Historical and Managerial Interpretation // Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1955. Vol. 299. *Air Power and National Security.* P. 40.

349

«Шмели» // *Олимпов К.* *Аэропланые поэзы. — Нервник 1. — Кровь первая. Окно Европы [СПб.], 1912. С. 6.*

350

В просмотренных нами поэтических сборниках и антологиях этого периода, посвященных авиации, эротическая тематика, по сравнению с русской литературой, сведена к минимуму. См., например: *Tatham C.M.* *The air-man.* London; New York, 1917; *Seymour William.* *Air pie.* London; New York, 1919; *De Jean Louis Leon.* *Songs of the air.* San Francisco, Calif. [1923?]; *The poetry of flight, an anthology / Ed. by Murray, Stella Wolfe.* London, 1925; *Danne Harold A.* *Poems of flying; a song of the air.* Boston, [1926?]; *Gower Pauline.* *Piffing poems for pilots.* London, 1934; *De la Bère Rupert.* *Icarus: An anthology of the poetry of flight.* London, 1938.

351

Лёт. Авио-стихи / Под ред. Н. Асеева. М., 1923. С. 49. Далее — **Лёт.**

352

Hellebust R. *Aleksei Gastev and Metallization of the Revolutionary Body // Slavic Review.* 1997.

Vol. 56. № 3. С. 517. См. примеры ранней советской риторики машинно-телесного сплава — из стихов Гастева: «Двести кипящих болванок / *Лежат как девицы*» («Мост», 1918), В.Д. Александрова: «Мы пьем вино из доменных печей, / У горнов *страсти наши закаляем*» («Мы»), М.П. Герасимова: «Он умер при машинном звоне; / Кипел чугуи, сверкала сталь. / Лишь, скованный на дымном троне, / *Кровавый ангел рвался вдаль*» («Креста»).

353

Лёт. С. 3.

354

Ibid., 4.

355

Маяковский В. Это значит вот что! // Лёт.

С. 28.

356

Маяковский В. Разве у вас не чешутся обе лопатки? // Лёт. С. 30.

357

Наумов Н. Мертвая петля // Лёт. С. 34. Марка французского одноместного аэроплана «Nieuport» (по имени летчика и конструктора Эдуарда Ньюпора, разбившегося осенью 1911 г.), широко применявшегося в ходе Первой мировой войны. Именно на аэроплане этой марки русский летчик П. Нестеров выполнил 23 августа 1913 г. знаменитую «мертвую петлю», затем на нем летал К.К. Арцеулов, который впервые в истории авиации преднамеренно ввел самолет в «штопор».

358

Лёт. С. 35.

359

Ibid., 36–37. Ср. в стихотворениях из книги «Будем как Солнце» (1903): «Север» («Что ж, река разрушит лед / Бурным влажным поцелуем? // Там весна — как смерть врага, / Все вдвойне от Солнца пьяны») и «Я войду в зачарованный грот...» («Я войду в зачарованный грот, / Я узнаю всю сладость земную, / Там красавица милого ждет, / Я воздушно ее поцелую. // Горячо к ней прижмусь и прильну, / В опьянении своем закачаю. / Я люблю молодую волну, / Я желанье лобзаньем встречаю. // Безгранично-глубок небосвод, / И, как небо, мечтанья бескрайны...»). Разнообразные следы дегустационного опыта и винных предпочтений Блока, Кузмина, Северянина, Мандельштама, Ходасевича

нашли отражение в их стихах (аи, шабли, асти, рейнвейн).

360

Которая может редуцироваться до пространства аэроплана; ср. в стихотворении «Нелли» [июль 1911 г.] И. Северянина: «О, когда бы на “Блерио” поместилась кушетка!».

361

Ср. у Г. Шенгели: «Но алые шелка, но золотой виссон, / Развернутые там, на дугах небосклона, / Принять готовятся меня в тугое лоно» (*Шенгели Г.* Иноходец: собрание стихов. М., 1997. С. 205).

362

Зенкевич М. Сказочная эра. С. 152.

363

Лёт. С. 37.

364

Ibid., 377.

365

Ibid., 4–5.

366

Ibid., 8.

367

В сборнике его еще дважды используют А. Жаров и П. Незнамов, хотя с той разницей, что в первом примере речь идет об окнах, а во втором и в третьем — о метафорах переходных состояний: «Пилот — отчаянный застрельщик / Советизации небес, / *Настежь, настежь, лазурные ставни!*» (*Жаров А.* Гладиаторам воздуха // Лёт. С. 15); «О сколько дано им счастья, / Летателям СССР — / *Взмывать в голубую настежь / На птицах стальных и серых! / ...Простор пропороть бескрайний!*» (*Незнамов П.* Летучая преграда // Лёт. С. 38).

368

Чуковский К. Летучие листки (Авиация и поэзия) // Речь. 1911. 21 мая. № 1248.

369

Городецкий С. Взлет С.С.С.Р. // Лёт. С. 13.

370

Левинг Ю. Вокзал — Гараж — Ангар. В. Набоков и поэтика русского урбанизма. СПб., 2004. С. 324–326.

371

Лёт. С. 21.

372

Влияние Блока выявляется в сопоставлении с «По вечерам над ресторанами...», с которым совпадают метр, каталектика и аллитерация на «р» (ср.: «и веют древними

- поверьями...»). Вполне блоковская «мягкая» эротика (ср. «На поле Куликовом») подкреплена блоковскими эпитетами («глухая, древняя») и блоковским же словом-сигналом «царевна» (в частности, из «Стихов о Прекрасной Даме»).
- 373
По голубой дороге // Лёт. С. 22.
- 374
Ср.: «Созданы крылья нам, — / На надвоздушные сины / Взлет к заревым теремам»; «Взвивайтесь, гондолы / В синие доли, / В голубой чертог» [Артамонов М. «Созданы крылья нам...» // Лёт. С. 3–4].
- 375
Каменский В. Летчики-молодчики // Лёт. С. 16.
- 376
Лубочно-фольклорная фразеология для характеристики советских авиаторов (вроде той, что описывала волшебную силу князя Волги Всеславича, умевшего при желании превращаться в зверя или в птицу) помогает провести параллель между достижениями в области воздухоплавания и богатырями многовековой устной традиции русского народа [Bergman Jay. Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. № 1. С. 139; Bailes K. E. Technology and Legitimacy: Soviet Aviation and Stalinism in the 1930s // Technology and Culture. 1976. Vol. 17. № 1. P. 60].
- 377
Лёт. С. 12.
- 378
Шершеневич В. Быстрь // Шершеневич В. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль, 1997. С. 118–119.
- 379
Малахов С. «И жара, и солнце сердится...» // Лёт. С. 23.
- 380
Ср. в стихах Маяковского 1913–1914 годов: «Кричи, не кричи: / “Я не хотела!” — / резок / жгут / муки»; «Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок» («Из улицы в улицу»); «Людам страшно — у меня изо рта / шевелит ногами непрожеванный крик» («А все-таки»).
- 381
Лёт. С. 39.
- 382
Ibid., 40.
- 383
Ibid., 41.
- 384
Щербakov М. Отгул. Стихи. Шанхай, 1944. С. 18.
- 385
Летчик // Лёт. С. 42.
- 386
Гонцы коммуны // Лёт. С. 46.
- 387
Лёт. С. 47.
- 388
Санников Г. Железо // Лёт. С. 50.
- 389
Паперный В. Культура «Два». М., 1996. С. 235.
- 390
Решение о добавлении нового праздника в советский календарь было принято на совещании правительства 28 апреля 1933 г. по личной инициативе И. Сталина.
- 391
Bergman Jay. Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. № 1. P. 143.
- 392
Робинсон П. Невольники чести: мужественность на поле боя в начале XX века // О муже(N)ственности. Сборник статей / Сост. С. Ушакин. М., 2003. С. 186.
- 393
В книге «Авиация страны социализма» объявлялось, что «Советский Союз — могучий оплот мира во всем мире» [Карпов И. Авиация страны социализма. Л., 1939. С. 106], а советские летчики несут всему человечеству на могучих красных крыльях «мир, культуру и цивилизацию... Ими руководит пламенная любовь к социалистической родине, безграничная преданность великому Сталину...» На всякий случай, по правилам ритуальной советской риторики, автор переходил от прославления к угрозам: «Если враг посягнет на священные границы советской земли и затеет войну, советская авиация будет для него смертельной смирительной рубашкой» [Карпов И. Авиация страны социализма. Л., 1939. С. 13; 106].
- 394
Ibid., 192.

На деле сексуальные проблемы в тоталитарном обществе только множились. Как отметил Абба Ахимеир в книге «Репортаж с отсидки» (1935), большевизм отличается от национал-социализма подходом к сексу, и «отличие это подобно отличию "эмансипации" от гомосексуализма, то есть половой распущенности от казармы. В первом случае женщина желает уподобиться мужчине, а во втором — мужчина желает уподобиться женщине» (Ахимеир А. Репортаж с отсидки / Пер. с иврита П. Гиля. Иерусалим, 1996. С. 25). Ахимеир воспроизводит интеллектуальный уровень осмысления тоталитаризма, свойственный для начала 1930-х годов, с клишированным представлением о «распущенности» большевизма (резко свернутой в середине 1930-х годов).

396

Кайтуков Г. Лучшие сыновья // Сталинские соколы: Сборник стихов / Сост. Ф. Лейтес. М., 1939. С. 210. Далее — Сталинские соколы.

397

Ср. в озвученных Троцким тезисах, опубликованных в журнале «Воздушный флот» (журнал Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма) (1923. № 3. 7 ноября).

398

По данным советских и западных источников, только в 1936 году оборонный бюджет Советского Союза вырос почти на 80% по сравнению с аналогичными показателями предыдущего года. В январе 1937 года военно-воздушные силы были существенно переоснащены, а их командующий занял пост заместителя комиссара обороны (Bailes K. E. Technology and Legitimacy: Soviet Aviation and Stalinism in the 1930s // Technology and Culture. 1976. Vol. 17. № 1. P. 72).

399

О солярном мифе Сталина, замешанном на древнеегипетской архаике, в советском искусстве 1930-х годов см. в содержательной работе: Bowlt J. E. Stalin as Isis and Ra: Socialist Realism and the Art of Design // Journal of Decorative and Propaganda Art. Miami Beach. 2002. № 24. P. 35–63.

400

Из рассказа Сталина о первом, еще только эпистолярном знакомстве с Лениным. Цит. по: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 27.

В. Гусев. «Победа»; Сталинские соколы. С. 143.

402

Несмотря на то что мариолог советской авиации к 1939 г. включал уже внушительное число имен, сборник посвящался только одному из них — «Памяти героического летчика Валерия Чкалова», что наделяло погибшего испытателя закрепленным официальной историографией статусом *главного* авиатора страны. За посвящением Чкалову следовал анахронистический отрывок из поэмы Маяковского «Летающий пролетарий», к Чкалову никакого отношения не имевшей.

403

Берендгоф Н. Стихи о трех летчицах // Сталинские соколы. С. 252–253.

404

Детали экспедиции приводятся в публикации: Башук Д. Легендарный перелет: факты и комментарии // Объектив-НО. Харьковский еженедельник. 2003. № 41 (154). 9 октября. С. 18.

405

Задолго до того, как дальние перелеты смогли стать реальностью, отечественный автор признавал, что кроме технического и спортивного интереса они «преследуют также, а в ряде случаев — и прежде всего, политические цели [и] представляют одно из наиболее ярких явлений империализма. В огромном большинстве случаев — это первые ласточки тех невидимых воздушных щупальцев, которыми соперничающие друг с другом империалисты наперебой пытаются опутать колониальный и полуколониальный мир, захватив опорные базы и создав воздушные пути. Сплошь и рядом дальние перелеты становятся теми белыми нитками, которыми шита "миролюбивая" политика империалистов» (Фаусек Н. Через материки и океаны. Библиотека журнала «Авиация и химия». М., 1929. № 3. С. 2).

406

Раскова М. Записки штурмана. М., 1939. С. 211–212.

407

Добренко Е. Красный день календаря: Советский человек между временем и историей // Советское богатство. Статьи о культуре,

литературе и кино. К 60-летию Х. Гюнтера / Под ред. М. Балиной. СПб., 2002. С. 121.
408
В «Балладе о синем пакете» Н. Тихонова о летчике почтового биплана, доставляющем срочную депешу в святая святых: «И Кремль еще спит, как старший брат, / Но люди в Кремле никогда не спят» [Лёт. С. 56]. Летчик жертвует жизнью ради того, чтобы доставить пакет в Кремль вовремя, однако все напрасно: демиург знает новости раньше, чем их успеет донести машина: «Прочел — о френч руки обтер, / Скомкал и бросил на ковер. // — Оно опоздало на полчаса, / Не нужно — я все знаю сам».
409
Апофеозом смерти Чкалова стал искусственно остановленный хронос, компенсированный усиленной эмоциональной озабоченностью будущим — так, 30% детей, родившихся в Горьком (недалеко от слободы Василёво, места рождения авиационного героя), были названы именем Валерий. См.: *Baidukov G. Russian Lindbergh: The Life of Valery Chkalov / Ed. with an introduction by Von Hardesty. Washington, 1991. P. 315–318; Розова С. Дом на Волге // Наш Чкалов / Ред. О. Чкалова. М., 1969. С. 217.*
410
В терминах захвата (покорения и великих географических открытий) описывали свою миссию и сами летчики-испытатели: «Нет больше такого места в Советском Союзе, куда бы не долетали советские самолеты» [*Водопьянов М. Полет на землю Франца Иосифа / Под ред. нач. полярной авиации Главсевморпути Героя Советского Союза М.И. Шевелева. М.; Л., 1937. С. 178.*]
411
Сталинские соколы. С. 302.
412
Сталинские соколы. С. 303.
413
Можно допустить, что часть стихов была написана до гибели Осипенко, однако то, что редакция не только все-таки включает их в подборку, но и оставляет данный анахронизм без каких-либо комментариев, само по себе достойно внимания.
414
Сталинские соколы. С. 232.

415
Ibid., 233.
416
Первый сигнал был подан самим Сталиным на официальном кремлевском приеме в честь Расковой, Гризодубовой и Осипенко в октябре 1938 г. Сталин неожиданно заявил, что ему настолько дороги жизни советских летчиков, что отныне попытки установления мировых рекордов будут предприниматься лишь в исключительных случаях и по специальному разрешению (Индустрия. 1938. 28 октября). К. Бейлес предлагает более реалистичное объяснение этому «человеколюбивому» жесту Сталина. Во-первых, исследователь проследил хронологическую связь между авиационными подвигами и массовым политическим террором, достигшим крещендо к середине 1937 г. Первый советский аэроплан приземлился на Северном полюсе 22 мая 1937 г., а несколько недель спустя (20 июня) был совершен первый беспосадочный перелет из Москвы в США по полярному маршруту. При этом Сталин лично вызывал к себе 10 июня для беседы исполнителей трансполярного перелета, то есть буквально накануне публичного объявления об арестах представителей высшего командного состава Красной армии. Бейлес иронизирует, что 1937 г. был временем «соколов» и «воронков», с той разницей, что «соколы» в официальных медиа удостоивались гораздо более пристального внимания [*Bailes K. E. Technology and Legitimacy. P. 62–64; 65.*]. Кроме того, темпы технического оснащения часто просто не поспевали за развитием мифа о сталинской авиации. К примеру, 21 июня 1937 г. А.Н. Туполев (создатель одномоторного самолета АНТ-25, на котором был поставлен мировой рекорд) сделал обескураживающее признание: его модель, разработанная пять лет назад, уже не соответствует современным стандартам самолетостроения, и особенно она устарела по своим скоростным показателям (Индустрия. 1937. 21 июня. С. 4; *Bailes K. E. Technology and Legitimacy. P. 67.*)
417
Сталинские соколы. С. 249.
418
Спиров М. Ночной полет // Сталинские соколы. С. 58.

Твардовский А. Полина // Сталинские соколы. С. 236.

Михалков С. Три подруги // Сталинские соколы. С. 241.

Сталинские соколы. С. 266.

Bergman Jay. Valerii Chkalov. P. 146.

Костылев В. Чкалов-читатель // Великий летчик нашего времени. М., 1939. С. 181–184; Чкалова О. Валерий Павлович Чкалов. М., 1982. С. 105–108; Филиппов Б. В кругу друзей // Наш Чкалов / Под ред. О. Чкаловой. М., 1969. С. 160; Bergman Jay. Valerii Chkalov. С. 146.

Байдуков Г., Тарасов Д., Чирсков Б. Валерий Чкалов [Сценарий. Режиссерская разработка М. Калатозова] // Новый мир. 1940. № 9. С. 53. Через год после начала Второй мировой войны авиационный топос звучит на страницах советской общественно-политической прессы все настойчивее. В этом же номере ср. в стихах Н. Асеева: «Над дымным, / пасмурным Лондоном / с небес — / стремительный росчерк; / над Лондоном, / ужасу отданным, — пикирующий / бомбардировщик» [«Над пасмурным Лондоном» // Там же. С. 9] и К. Мурзиди: «Едва поднявшись в облака, / мы вниз бросаемся, отважась, / Принять войны земную тяжесть / И всю обрушить на врага... / Но ты поймешь, как тяжело / Брести усталому пилоту, — / Когда помятое крыло / Лежит негодное к полету, / Когда гремучие винты / О землю грянутся и стихнут» [«Небо» // Там же. С. 87].

Подробнее об этом см.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 213.

Военно-патриотические стихотворения 1940-х годов стоят в творчестве Ахматовой особняком. Уместно вспомнить здесь «авиационный» финал «Поэмы без героя» о перемещении в эвакуацию: «Когда в брюхе летучей рыбы / Я от злой погони спаслась <...> И ломаю руки, Россия / Предо мною шла на восток».

Н.Г. Полетаев. «Полеты раньше и теперь» [Лёт, 1923]. У него же задолго до Ахматовой апелляция к родине: «Вся страна, / Страна моя громадная — / Как на блюде на кам: / Лен, верблюды, / Деревья виноградные; / Я страны громадной / Предместком» [«С аэроплана», 1923; цит. по: Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 343–344].

Ср. у В. Каменского в стихотворении «Академия Красного Воздушного Флота»: «Разве в сердцах наших мало огня? / Разве не рвется душа в безграницу?» [Лёт. С. 17].

Из посмертной книги стихов «Огненный столп» [1921]; Гумилев Н. В огненном столпе. М., 1991. С. 140.

Симонов К. О том, как танки идут в атаку // Симонов К. Собр. соч.: В 10 т. М., 1979–1987. Т. 1. С. 479.

Как, например, строки и ходы «Заблудившегося трамвая» в «Я, перебрав весь год, не вижу...». Подробнее см.: Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. Можно добавить, что в ИФЛИ, где учился Симонов, Гумилев был поэтом культовым — Николай Майоров и Павел Коган занимались именно тем, что создавали эстетику советско-комсомольского героизма на основе гумилевской поэтики (так, Коган открыто ставил к своим стихотворениям эпиграфы из Гумилева).

«Мальчик» [1939] // Симонов К. Собр. соч. Т. 1. С. 59.

Ibid.

Эстетика насилия и физиологические подробности смерти в русской авиационной лирике восходят как к раннему Зенкевичу, так и к известному рассказу Л. Андреева «Полет» [с очевидным подтекстом в этом отрывке из тютчевского «Фонтана»]: «На землю он больше не вернулся. То, что, крутясь,

*низверглось с высоты и тяжестью раздроблен-
ных костей и мяса вдавилось в землю, уже не
было ни он, ни человек, никто. Тяготение
земное, мертвый закон тяжести сдернул его
с неба, сорвал и бросил оземь...» (Андреев Л.
Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 318).*

435

*Лукницкий П. Волчец. Стихотворения. Л.,
1927. С. 28.*

436

Ibid.

437

Лёт. С. 57.

438

Лёт. С. 58.

439

*Ср.: «С поляны коршун поднялся, / Высоко
к небу он взвился; / Все выше, дале вьется
он — / И вот ушел за небосклон!» (1835).*

440

*Третьяков С. Вдохновение и бензин // Лёт.
С. 60.*

441

*См.: Левинг Ю. Водолаз в русской поэзии //
Революция зримого. Образы на сетчатке. М.,
2018. С. 19–98.*

Именной указатель*

- Адалис А. 100, 117, 134, 135, 144, 145
Адамович Г. 109
Александровский В. 128
Алымов С. 176
Алякринский П. 121
Анненский И. 68
Артамонов М. 155
Асеев Н. 102, 125, 132, 134, 152, 153, 155, 161, 165, 181
Афанасьев В. 97
Ахматова А. 20, 22, 24, 25, 179
- Багрицкий Э. 103, 116
Байдуков Г. 165
Бальзак О. 177
Бальмонт К. 118, 142, 157
Барбюс А. 76
Барт С. 96
Бартель М. 93
Баринова Г. 20
Бедный Д. 127, 177
Безродный М. 9, 133
Белый А. 102, 111, 119
Беляков А. 165
Бенуа А. 123
Берггольц О. 52, 109
Бергман Дж. 177
Берендгоф Н. 167
Берлин Л. 15
Благин Н. 53
Блок А. 52, 106, 154, 159, 179, 180
Бойм С. 155
Бри-Бейн М. 138
Бродский Исаак 60
- Брюсов В. 25, 116, 125, 142, 144, 153, 158, 159
Бряндинский А. 168
Бухарин Н. 19, 20, 84, 86, 122
- Вагнер Р. 110
Васильев П. 107, 122
Весели Ф. 21
Видгоф Л. 20
Вишневский В. 55
Ворошилов К. 63, 153
- Ганф И. 86
Гаррос Р. 94
Гаспаров Б. 50, 76
Гаспаров М. 25, 146
Гастев А. 116, 155
Гатов А. 176
Герман П. 155
Герштейн Э. 11, 12, 84, 85, 132
Гёте И. В. 90, 100, 177
Гиппиус З. 129
Гнедов В. 76
Говоров В. 78
Голенищев-Кутузов А. 95
Голодный М. 160
Гомолицкий Л. 123
Горький М. 15, 16, 101, 126
Грибовский В. 16
Гризодубова В. 167, 168, 176
Гумилев Л. 55
Гумилев Н. 24, 25, 68, 95, 179
Гусев В. 128
Гюго В. 177
Данте Алигьери 55
Дейнека А. 136
- Дементьев Н. 85, 103
Дени В. 170, 173, 175
Державин Г. 93
Диккенс Ч. 177
Джабаев Джамбул 167
Добровольский В. 21
Долгоруков Н. 170, 173, 175
Дюрер А. 20
- Ежов Н. 83
Есенин-Вольпин А. 118
- Жданов А. 87
Жданов Б. 78
Жолковский А. 9
Жуковский В. 97
- Заболоцкий Н. 76, 82-83, 130, 132
Зельченко В. 90
Зенкевич М. 69, 101, 121, 154, 181
- Исаковский М. 99, 167
- Каганович Л. 87
Караченцов П. 148
Катаев В. 111
Кибардин Г. 136
Кириллов В. 159
Киров С. 50, 63, 76, 83, 85, 87, 125, 130, 135
Кирсанов С. 93, 129, 141, 169
Клуцис Г. 57, 174
Клюев Н. 108
Колли Н. 29
Корнилов Б. 105, 109

* Персоналии, упомянутые в основном тексте (раздел «Хронология» и примечания не индексируются).

- Красиков (парашютист) 74
Кретова О. 54
Кубеев Н. 80
Куйбышев В. 50, 60, 76, 77, 82, 87, 100, 125, 127
Куйбышев-мл. В. 77, 83
Кузмин М. 25
Кузьмина-Караваева Е. 97
Кюхельбекер В. 12
- Ладинский А. 94
Ламарк Ж.-Б. 100
Лангерак Т. 55, 146
Латам Г. 25
Лапин Б. 12
Лебедев В. 110
Лебедев-Кумач В. 167, 176
Леваневский С. 84, 114
Левин Ю. И. 25, 133
Левинтон Г. 9, 103
Лейтес Ф. 165, 170
Лекманов О. 29, 53
Ленин В. 52, 99, 110, 111, 114, 116, 122, 125, 127, 144, 145, 166, 177
Леонов Л. 99
Лермонтов М. 50, 92, 95, 129, 181, 182
Лилиенталь О. 50
Линней К. 100
Литт А. 88
Луговской В. 97, 130, 145
Лукницкий П. 25, 181
Ляпидевский А. 89
- Макаров М. 159
Мандельштам Н. Я. 9, 12, 19, 23, 50, 53-55, 64-66, 68, 71, 74, 75, 77, 83, 84, 101, 144, 146
Мандельштам О. Э. —
Произведения: «1 января 1924» 98; «Барсучья нора» 66; «Братов. Назарова» 65; «В игольчатых чумных бочках...» 104; «Век» 100; «Вооруженный зрением узких ос...» 111; «Город спит, земля отяжелела...» 67; «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» 128; «День стоял о пяти головах...» 55; «Железо» 53; «И ночной мучнистый мотылек» 92; «Египетская марка» 91, 124; «За Паганини длиннопалым...» 20; «Канцона» 12; «Когда в далекую Корею...» 124; «Нашедший подкову» 100; «Не мучнистой бабочкою белой...» (НМББ); «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» 23; «О, бабочка, о, мусульманка...» 92; «Обороняет сон мою донскую сонь...» 98; «Прибой у гроба» 110; «Путешествие в Армению» 12, 91; «Пушкин и Скрябин» 98; «Пшеница человеческая» 19; «Разговор о Данте» 104; «Рояль» 102; «Сегодня можно снять декалькомани...» 100; «Стихи о неизвестном солдате» 23, 50, 69, 95; «Флейты греческой тэта и йота...» 20; «Чернозем» 55; «Четвертая проза» 117; «Шуме времени» 98; «Это какая улица?» 99.
- Мандельштам А. Э. 12
Мариенгоф А. 107
Марков-Гринберг М. 17
Маяковский В. 98, 99, 102, 108, 117, 133, 145, 153, 155, 156, 160, 161, 181
Меркурьева В. 106
Микеланджело Буонарроти 11
Мироненко В. 121
Михалков С. 167
Михоэлс С. 177
Мичурин И. 50, 76
Можайский А. 153
Молотов В. 63, 68
Моор Д. 88
Моцарт В. А. 110
Муратов Г. 136
- Наполеон 50, 95, 97, 161
Нарбут В. 76
Наумов Н. 157
Невский А. 173
Нерлер П. 29
Нестеров П. 12, 94, 101
Новиков В. 87
- Обрадович С. 160
Олейников Н. 119
Осадчий А. 74, 86
Осипенко П. 165, 167, 168, 169, 176
- Павленко П. 83
Паганини Н. 20
Паперный В. 165
Пастернак Б. 55, 76, 84, 85, 103, 105, 110, 132, 134, 135, 143
Пасынок М. 162
Пауэр Дж. 140
Петровых М. 109
Пильняк Б. 114
Платонов А. 162
Полетаев Н. 106, 179
Пост В. 19
Постышев П. 87
Преображенский Е. 122
Пунин Н. 55
Пушкин А. 50, 90, 95, 98, 116
Пяст В. 94
- Райт О. 114, 121, 153, 158
Райт У. 114, 121, 153, 158
Райзман Ю. 75, 81
Раскова М. 167, 168, 176
Рид Дж. 142
Робинсон П. 165
Роджерс В. 19
Родов С. 162
Родченко А. 27, 152, 153
Рогинский Я. 11
Ронен О. 9, 92, 103, 124, 145, 146
Россомохин А. 9
Рудаков С. 19, 22-24, 50, 53, 55, 65, 66, 68, 73, 83-85, 90, 130, 131, 137, 144, 145
Рудерман М. 143
Рыжманов Г. 58, 64

Санников Г. 155
 Сахаров М. 168
 Северянин И. 154
 Сельвинский И. 96, 102, 103
 Семенко И. 54
 Сергиевский С. 85
 Серов А. 169
 Сивоглазов С. 74
 Сильва М. 143
 Симаков И. 170
 Симонов К. 179, 180-181
 Скрябин А. 98, 103
 Смеляков Я. 115, 117
 Сологуб Ф. 103
 Сорокин Я. 168
 Сошкин Е. 9
 Спиридов Г. 91
 Ставский В. 83
 Сталин И. 20, 55, 76, 87, 98,
 140, 145, 165-169, 175, 176
 Степанова В. 27
 Степанчонок В. 16
 Столяров П. 74
 Страхов А. 121
 Струве Н. 127, 144
 Сурков А. 75, 167
 Сухой П. 167
 Студенская Е. 124

 Тарановский К. 90
 Твардовский А. 167
 Тименчик Р. 9, 25, 68, 124
 Тихонов Н. 95, 103, 129, 143
 Тоддес Е. 146

 Толстой А. 143, 177
 Толстой Л. 161
 Третьяков С. 181, 182, 183
 Троцкий Л. 158
 Туполев А. 167
 Тухачевский М. 127
 Тынянов Ю. 24, 54, 117,
 143
 Тютчев Ф. 98, 179

 Уткин И. 132, 135
 Уточкин С. 162
 Ушаков Н. 115
 Ушаков Ф. 91

 Фарман А. 158
 Финкельштейн (Рудакова) Л.
 24, 55, 73
 Фишман Б. 13
 Флейшман Л. 9
 Фрезинский Б. 12
 Фрейдин Ю. 54, 55, 65, 66,
 123

 Харджиев Н. 55, 58, 66, 73
 Хармс Д. 96, 108
 Хлебников В. 12, 104, 116,
 117, 143
 Ходасевич В. 154, 180

 Циолковский К. 50, 76, 81
 Челюскин С. 82
 Чкалов В. 165, 169, 175, 176,
 177

 Чудакова М. 179
 Чуковский К. 52, 158

 Шагин И. 15
 Шайхет А. 13
 Шваб К. 20
 Шевченко В. 126
 Шекспир У. 177
 Шерешевский (лейб-медик)
 124
 Шершеневич В. 154, 160
 Шестов Л. 92, 141
 Шилейко В. 110
 Шкловский Б. 24
 Шмидт О. 82, 89, 126
 Шолохов М. 177
 Шопен Ф. 110
 Штейгер А. 108
 Штейнберг А. 96
 Штемпель Н. 19, 20, 23, 74,
 78, 94

 Щербakov М. 162

 Эйзенштейн С. 162
 Эйхенбаум Б. 122
 Экклезиаст 93, 107, 115, 144
 Эренбург И. 52, 53, 95-96

 Якубович П. 95
 Ясенский Б. 143

Summary

Yuri Leving

Poetry in a Dead Loop (Mandelstam and Aviation)

In retrospect, Osip Mandelstam's exile in Voronezh was one of the most productive periods of his creative biography. Significantly, it was accompanied by a personal identity crisis that he attempted to overcome in the mid-1930s by means of literary creation.

Yuri Leving concentrates on a single poem by Mandelstam, "Not as a Mealy White Butterfly...", which describes the funeral of military test pilots who had died in a crash. Composed in Voronezh between 1935 and 1936, this solemn ode closes the poetic cycle recorded in the so-called *First Voronezh Notebook*. Previous critical analyses of Mandelstam's verse have largely ignored this complex poem, even though it has been considered a foundational component of Mandelstam's late masterpiece "Verses on the Unknown Soldier" (1937).

In the first part of *Poetry in a Dead Loop*, Leving reconstructs the plot of this opaque poem and outlines its creative history based on archival manuscripts found at Princeton University. The author then offers the biographical, historical and literary contexts for further understanding the poem's background. Ultimately, Leving provides a line-by-line commentary, identifying the literary subtexts forming the rich fabric of Mandelstam's work.

Following his indictment for an anti-Stalinist epigram in 1935, Mandelstam attempted to accept the Soviet regime by sacrificing his own individualism in favor of the prescribed collectivism. This new utopian outlook resonates throughout his "Not as a Mealy White Butterfly..." Although the human body is mortal, the spiritual work of the deceased, whether a poet or a pilot, lives on forever. Years later, the writer Ilya Ehrenburg would suggest just this

about Mandelstam, that despite his death in a Stalinist prison camp in 1938, the poet continued to live within Russian literature.

In the second part of his book, Leving examines two volumes of poetry: *Flight* (1923) and *Stalin's Falcons* (1939). Mandelstam closely followed the development of modern aviation and even contributed a poem to the 1923 collection. The Soviet press in 1934–1936 was saturated with coverage of the pioneering Soviet aviation system. Mandelstam, an avid reader of newspapers and a contributor to the local Voronezh daily *Kommuna*, experienced the impact of this national obsession with flight. Thus, the two anthologies serve Leving as a convenient framework for the study of the aviation theme and allows him to reflect on a peculiar brand of Soviet metaphysics.

Poetry in a Dead Loop (Mandelstam and Aviation) provides readers with a deeper understanding of the Soviet obsession with technology and flight in the 1930s. In so doing, this study also sheds light on Mandelstam's own attempt to soar above his earthly limitations.

Об авторе

Юрий Левинг (1975) — профессор русской литературы и кино (Университет Дэлхаузи), приглашенный профессор Гейдельбергского университета (2013–14, 2018), Американской академии в Риме (2015), Института Александери в Хельсинки (2019). Автор более ста статей и многочисленных монографий — на русском языке: «Иосиф Бродский в Риме» (в 3 т. СПб.: Perlov Design Center, 2020 *в печати*), «Революция зримого» (М.: Новое литературное обозрение, 2018), «Воспитание оптикой: Книжная графика, анимация, текст» (М.: Новое литературное обозрение, 2010), «Вокзал — Гараж — Ангар (В. Набоков и поэтика русского урбанизма)» (СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2004; шорт-лист Премии Андрея Белого), а также книг на английском языке: *Marketing Literature and Posthumous Legacies* (Нью-Йорк, 2013) и *Keys to The Gift. A Guide to V. Nabokov's Novel* (Бостон, 2011). Редактор сборников статей, в том числе — «Империя N. Набоков и наследники» (М.: Новое литературное обозрение, 2006), *Anatomy of a Short Story* (Нью-Йорк, 2012), *Shades of Laura. Vladimir Nabokov's Last Novel «The Original of Laura»* (Монреаль, 2013), *Lolita: The Story of a Cover Girl — Vladimir Nabokov's Novel in Art and Design* (Нью-Йорк, 2013; приз «Лучшая книга 2013 года о дизайне» журнала *New Republic*. Русское издание: «Лолита: История девушки с обложки». СПб.: Крига, 2019). Главный редактор Набоковского журнала (*Nabokov Online Journal*). Живет в Галифаксе, Новая Шотландия (Канада).

© Н. Бусыгин (фотография Ю. Левинга)

Научное издание 12+

Юрий Левинг

Поэзия *в мертвой* петле

/ МАНДЕЛЬШТАМ И АВИАЦИЯ /

Научный редактор

А.А. Россомахин

Выпускающий редактор

Ю.С. Симонова

Дизайн-проект

Б.В. Трофимов

Верстка

Л.Г. Иванова

Обработка иллюстраций

В.М. Драновский

Корректор

А. Снятковский

Издательство «Бослен»

105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10

8 (495) 971-89-09, e-mail: info@boslen.ru

www.facebook.com/BOSLEN.Publishers

Все книги издательства можно приобрести

в нашем интернет-магазине www.boslen.ru

По вопросам оптовых поставок и сотрудничества

обращайтесь по телефонам:

(495) 971-89-09, (495) 902-00-69

E-mail: ivstepanova@boslen.ru; bar@boslen.ru

Подписано в печать 22.10.20. Формат 70x100/16

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

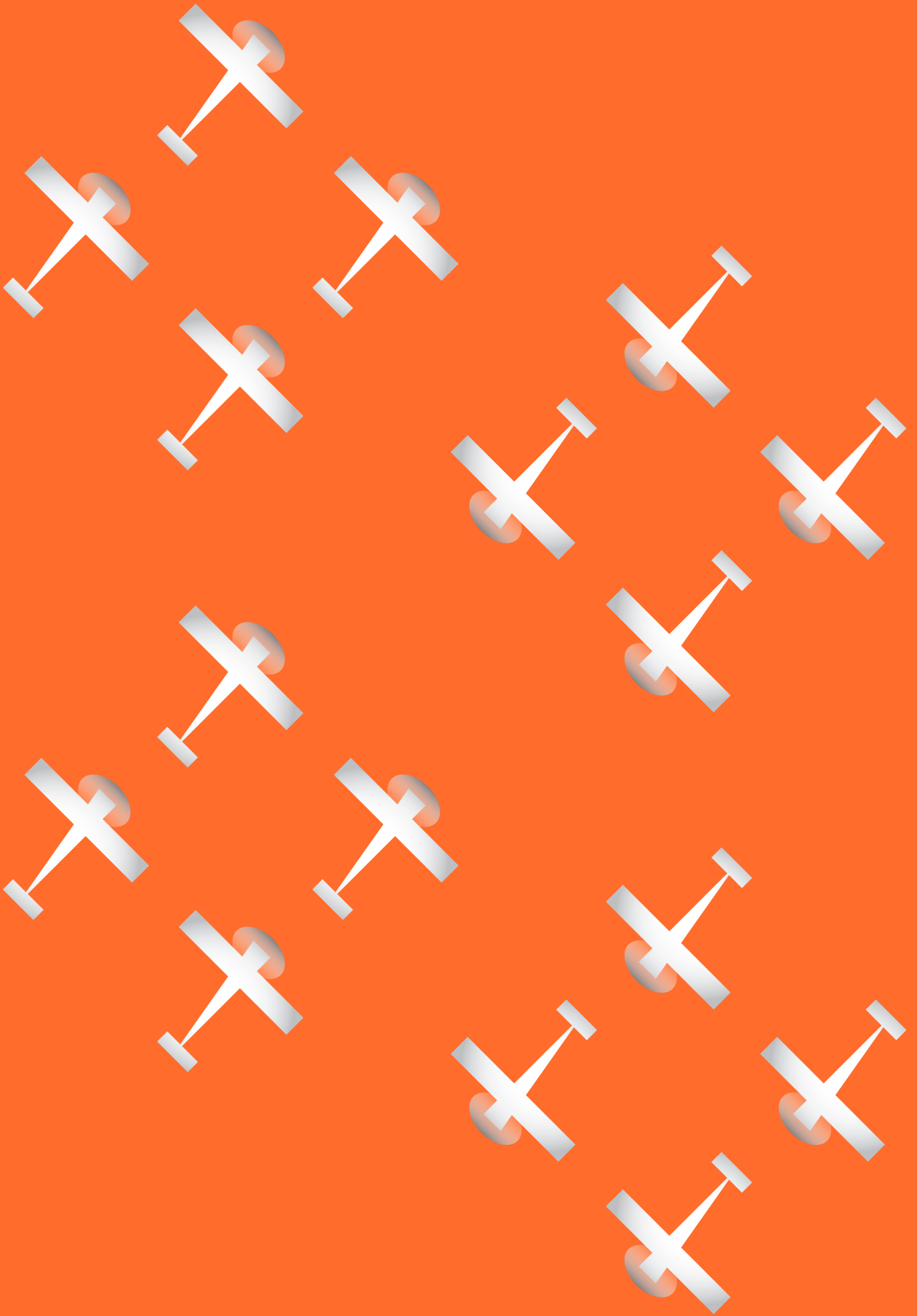
филиал «Ульяновский Дом печати»

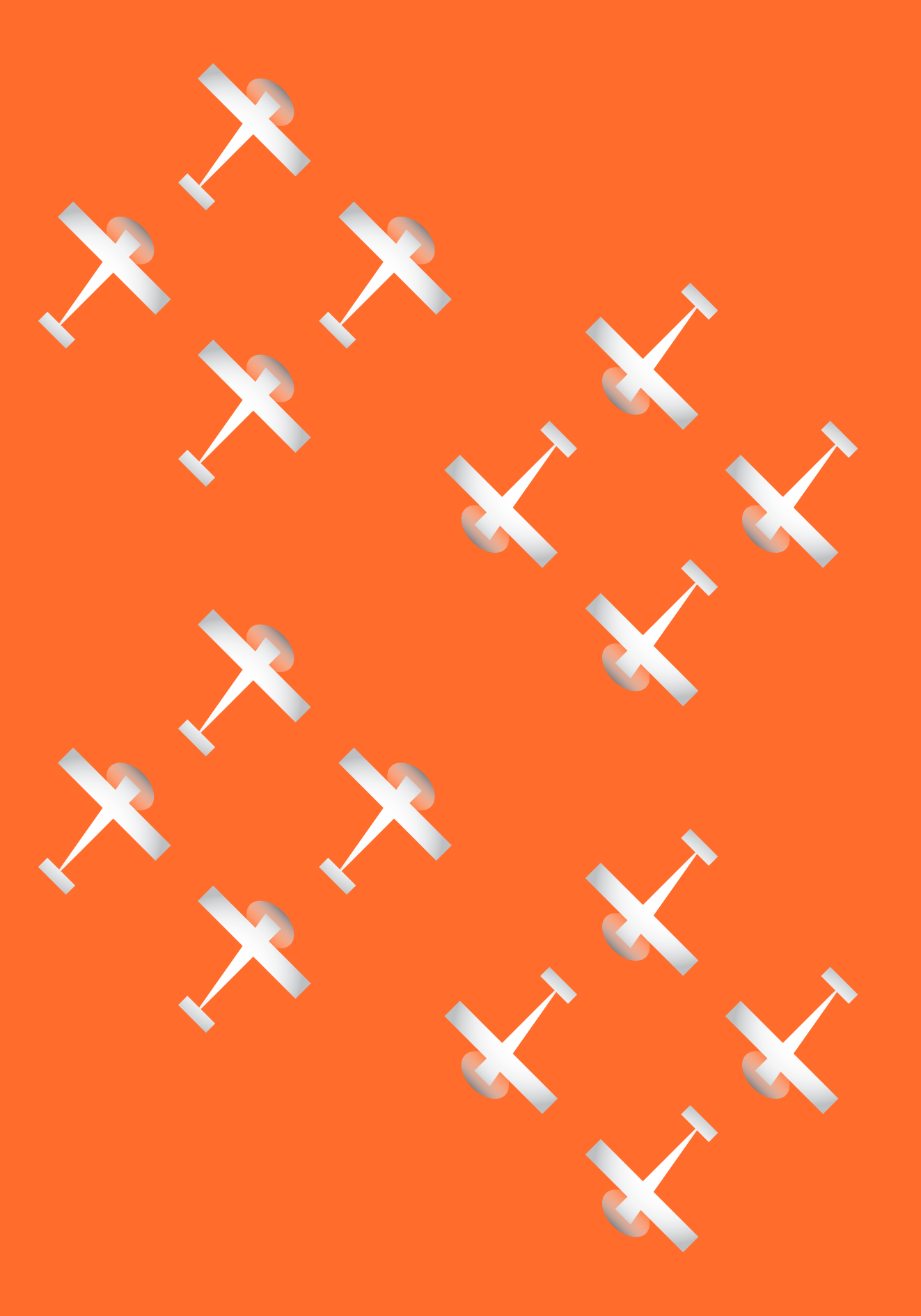
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ISBN 978-5-91187-366-0

9 785911 873660

1933

1934

1935

1936